

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

НАЙО

МАРШ

.....

ОДНАЖДЫ В РИМЕ

.....

ОБМАНЧИВЫЙ
БЛЕСК МИШУРЫ

Родерик Аллейн

Найо Марш

**Однажды в Риме. Обманчивый
блеск мишуры (сборник)**

«АСТ»

1970, 1972

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Марш Н.

Однажды в Риме. Обманчивый блеск мишуры (сборник) /
Н. Марш — «АСТ», 1970, 1972 — (Родерик Аллейн)

ISBN 978-5-17-097548-8

Себастьян Мейлер, владелец туристического бюро, шантажист и тайный наркодилер, проводит экскурсию по базилике Сан-Томмазо. Группа подобралась весьма пестрая. И в ней оказывается Родерик Аллейн, прибывший в Италию в рамках расследования дела о транзите наркотиков. В разгар экскурсии Себастьян пропадает, а вскоре в базилике находят труп... Представитель древнего аристократического рода Хилари Билл-Тасман выкупает некогда утраченную фамильную усадьбу и собирается восстановить ее. При этом он нанимает в качестве слуг людей, однажды осужденных за убийство. Накануне Рождества Билл-Тасман устраивает пышный банкет, на который приглашает и супругу Родерика Аллейна, известную художницу Трой Аллейн. И в самый разгар торжества один из слуг пропадает, а гости начинают получать анонимные записки с угрозами... Самое время вызывать Родерика Аллейна.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-097548-8

© Марш Н., 1970, 1972
© АСТ, 1970, 1972

Содержание

Однажды в Риме	6
Глава 1. Барнаби в Риме	6
I	6
II	6
III	9
IV	11
V	14
Глава 2. Экспедиция подготовлена	16
I	16
II	18
III	21
IV	23
Глава 3. Суббота, двадцать шестое	28
I	28
II	31
III	37
Глава 4. Отсутствие мистера Мейлера	48
I	48
II	50
III	53
IV	57
Глава 5. Вечер отдыха	61
I	61
II	66
III	73
IV	75
V	77
VI	78
VII	78
Глава 6. Снова появляется продавщица открыток	80
I	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Найо Марш
Однажды в Риме.
Обманчивый блеск мишуры

Ngaio Marsh
WHEN IN ROME
TIED UP IN TINSEL

© Ngaio Marsh Ltd, 1970, 1972

© Перевод. А. Н. Анастасьев, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Однажды в Риме

Глава 1. Барнаби в Риме

I

Барнаби Грант разглядывал этрусских супругов, непринужденно возлежавших на своем ложе-саркофаге, и гадал, почему они умерли столь молодыми и скончались ли они, как веронская пара, вместе. Их нежные губы, думал он, тронутые улыбкой удовольствия, готовы изогнуться уголками вниз в улыбке Аполлона и Гермеса. Как они исполнены покоя и как загадочно похожи. Что хотела сказать она жестом своих крупноватых рук? Как трогательно покоилась на ее плече его ладонь.

– ... из Черветери, – заученно проговорил гид. – Пятьсот тридцать лет до Рождества Христова.

– Господи! – с некоторым изнеможением пробормотал турист.

Группа двинулась дальше. Грант некоторое время постоял возле памятника, а затем, уверенный, что ничего больше не желает видеть этим утром, покинул виллу Джулия и взял такси до piazzа Колонна, где решил выпить пива.

II

Сидя на piazzа Колонна за уличным столиком, Барнаби думал об этрусской улыбке и прислушивался к раскатам грома.

В полуденном небе страшно грохотало, но ни одной молнии видно не было, их скрывал черный полог низкой набухшей тучи. В любой момент, подумалось Барнаби, колонна Марка Аврелия проткнет ее, и она, подобно «гнилому бурдюку»¹, прольет свои воды.

На столике перед ним стояли стакан и бутылка с пивом. Свернутый макинтош был перекинут через спинку стула, а под столом, у ноги Барнаби, стоял запертый кейс. Барнаби поминутно опускал левую руку на чемоданчик и ощупывал его. Успокоенный этим соприкосновением, он расслаблял напряженно поджатые губы, медленно прикрывал глаза и откидывал со лба прядь черных волос.

«Как же это некстати, – размышлял Барнаби. – Как некстати».

Над головой снова грянул тяжелый раскат грома. «Гроза слева, – подумал Барнаби. – Боги гnevаются на нас».

Он снова наполнил стакан и огляделся.

Уличное кафе обычно бывало переполнено, но сейчас, из-за угрозы ливня, многие посетители ушли, и официанты переворачивали стулья. Однако по обе стороны от Барнаби столики были еще заняты: справа сидели трое мрачных молодых людей, бдительно сжимая в загрибелых руках свои стаканы, и неторопливо выпивали, искоса поглядывая по сторонам. «Деревенские парни, – подумал Грант. – Они явно чувствуют себя скованно, а вскоре придут в ужас от суммы счета». Слева расположилась влюбленная римская парочка. По закону им было запрещено целоваться в общественном месте, поэтому они сидели, тесно прижавшись, пристально смотрели друг на друга и обменивались дрожащими улыбками. Молодой человек провел пальцем по красивым губам девушки. Они в ответ шевельнулись. Барнаби

¹ У. Шекспир, «Буря», акт II, сцена 2. Пер. М. Донского.

невольно загляделся на влюбленных. Молодые люди не замечали ни его, ни, собственно, ничего вокруг, но при очередной яростной вспышке молнии пришли в себя и повернули лица к Барнаби.

Именно в тот момент, как вспоминал позже Грант, он увидел вдалеке, словно в раме из силуэтов их отстранившихся друг от друга голов, мужскую фигуру.

И сразу же понял, что это англичанин. Возможно, из-за его одежды. Или, точнее, из-за пиджака. Тот был потерт и немодного покроя, но сшит – хотя, вероятно, не для его нынешнего носителя – из твида, сотканного на юго-западе Англии. А потом – галстук. Обтрепанный и выцветший, в жирных пятнах и потерявший форму: едва узнаваемый, но, если присмотреться повнимательнее, недешевый, благородный. В остальном его одеяние было неряшливым и непривлекательным. Шляпа мужчины, из порыжелого фетра, была явно итальянской. Низко надвинутая на лоб, она бросала тень на переносицу, на лицо, самой примечательной чертой которого была чрезвычайная бледность. Губы, однако, были красными и довольно полными. Полдень стал настолько сумрачным, что Барнаби едва ли разглядел бы прятавшиеся в тени глаза мужчины, если бы не короткая вспышка молнии. Грант почему-то вздрогнул, когда осознал, что они очень светлые и устремлены на него. В небе грянул гром. Черный полог прорвался, и на землю хлынул потоп.

Началось паническое бегство. Барнаби схватил мокрый плащ, с трудом натянул его и накинул на голову капюшон. По счету он еще не расплатился и стал шарить по карманам в поисках бумажника. Тем временем трое сельчан бросились в его сторону, и между ними и юной парой произошла какая-то размолвка. Барнаби не нашел ничего меньше банкноты в тысячу лир. Он повернулся, поискал глазами официанта и обнаружил, что весь персонал укрылся под парусиновым навесом. Обслуживавший Барнаби парень заметил его, жестом выразил отчаяние и отвернулся.

– Aspetti! – закричал Барнаби, вспоминая фразы из разговорника и размахивая тысячелировой бумажкой. – Quanto devo pagare?²

Официант сложил руки, как в молитве, и возвел к небу глаза.

– Basta!

– ...lasci passare...

– Se ne vada ora...

– Non desidero parlare.

– Non l'ho fatto io...

– Vattene!

– Sciocchezze!³

Ссора между влюбленным парнем и сельскими жителями разгоралась. Теперь они уже кричали друг на друга за спиной у Барнаби. Официант, все так же жестами, указывал на небо, дождь и выражал собственную беспомощность.

«Ну, я-то все же в плаще», – подумал Грант. И в тот же миг кто-то врезался в него сзади, и Барнаби плашмя рухнул на стол.

Полный хаос сопровождался вспышками молний, раскатами грома и потоками ливня. Барнаби обо что-то порезал руку, и носом шла кровь. Воюющие стороны исчезли, но его официант, вооруженный теперь громадным оранжево-красным зонтом, что-то лопотал над Грантом и безуспешно пытался оказать ему помощь. Остальные официанты, сбившись в кучку под навесом, играли в развернувшемся действе роль хора.

– Poverino!⁴ – восклицали они. – Какое несчастье!

² Подождите! Сколько с меня? (итал.)

³ Хватит! – ... дайте пройти... – Я сейчас уйду... – Я не хочу говорить. – Это не я сделал... – Убирайся! Дурак! (итал.)

⁴ Бедняжка! (итал.)

Барнаби выпрямился. Одной рукой он вытащил из кармана носовой платок и прижал к носу, другой протянул официанту окровавленную и промокшую от дождя банкноту в тысячу лир.

– Вот, – сказал он на примитивном итальянском. – Сдачу оставьте себе. Мне нужно такси.

Официант что-то воскликнул с видимым удовольствием. Барнаби резко сел на стул, сиденье которого превратилось в лужу. Официант вставил, по сути, уже не нужный зонт в углубление в середине стола, что-то неразборчиво произнес, поднял воротник своей белой куртки и бросился в кафе. Чтобы вызвать по телефону такси, с надеждой предположил Грант.

Дождь овладел пьяцца Колонна. Огромные массы воды топили улицу и тротуары и били струями с крыш автомобилей – это походило на еще один сложный римский фонтан. Не считая редких, стремительно бегущих пешеходов, тротуары были пусты. Съежившись, Барнаби Грант, одинокий и нелепый под оранжево-красным зонтом, вытирал расквашенный нос, привлекая скептические взгляды. Официант куда-то запропастился, а его товарищи завели между собой один из тех непостижимых итальянских разговоров, с виду похожий на ссору, но очень часто заканчивающийся похлопыванием по спине и хохотом. Барнаби так и не понял, как долго он просидел под зонтом, прежде чем сделал страшное открытие, когда его левая рука привычно опустилась вниз и натолкнулась на пустоту...

Потом Грант вспоминал, что ему было страшно наклонить голову и посмотреть вниз – и не увидеть ничего, кроме железной ножки стула.

Дальнейшие ощущения, думал он впоследствии, можно было сравнить с тем, что испытывает тонущий человек. Потому что невероятный поток мыслей затопил его мозг. Барнаби подумал, например, о том, как долго он писал эту книгу, что она, бесспорно, лучшая из всех его работ и таковой, возможно, и останется. Он припомнил, как его агент однажды заметил, что опасно писать от руки, не делая копий. Каким же одиноким чувствовал он себя в Риме, практически не говоря по-итальянски, и при этом не потрудился воспользоваться своими знакомствами. Ему вспомнилось, неточно – чье высказывание? Сэра Исаака Ньютона? «О, Даймонд, Даймонд, ты не понимаешь, что натворил!»⁵

Грант подумал о невыразимой, ужасающей перспективе какого-то противодействия ошеломляющему, безысходному отчаянию его потери – глубинному ужасу самого события, из-за которого в груди словно толкался гидравлический таран. В голове застыла классическая фраза: «Я погиб». И он едва не выкрикнул ее.

И тут появился официант, притворно улыбающийся и торжествующий, а у обочины остановился конный экипаж с громадным зонтом для защиты сидений, голову возницы прикрывало что-то вроде матросской шапки.

Грант попытался сообщить о своей потере. Он показал на то место, где стоял кейс, помогая себе мимикой и жестами, затем выхватил разговорник и принялся судорожно его листать.

– Но *perduto*, – нашел нужные слова Барнаби. – Но *perduto mia valigia*. Он не у вас? Мой чемоданчик? *Non trovo. Valigia*⁶.

Официант вскрикнул и глупо заглянул под стол и обвел взглядом затопленные водой окрестности. Затем бросился под навес и встал там, глаза на Барнаби и всем своим видом выражая недоумение.

Барнаби подумал: «Вот оно. Со мной никогда не случалось такой беды».

⁵ По легенде, ученый обратился к своему питомцу с этой фразой, когда его пес по кличке Даймонд опрокинул свечу – и в результате сгорели записи об экспериментах, проводившихся в течение двадцати лет.

⁶ Я потерял. Я потерял свой чемоданчик. Не нахожу. Чемоданчик (*итал.*).

Возница мелодично позвал его, заставив тем самым очнуться и принять решение. Барнаби посмотрел на окружавшую его пустыню и забрался в экипаж.

– Consolato Britannico!⁷ – крикнул Грант. – О господи! Consolato Britannico.

III

– Вот что я вам скажу, – проговорил консул, будто информация требовалась Барнаби Гранту, – это неприятное дело, знаете ли. Неприятное.

– Это вы мне говорите, мой дорогой консул?

– Именно. Именно. Итак, подумаем, что можно сделать, не так ли? Моя жена, – добавил он, – большая ваша поклонница. Она очень огорчится, когда узнает об этом. Она в некотором смысле интеллектуалка, – с улыбкой признался он.

Барнаби не ответил. Он пристально посмотрел на своего соотечественника поверх кипы перевязочных материалов, любезно принесенных сотрудниками консульства, и опустил забинтованную левую руку на колено.

– Ну, разумеется, – продолжил с сомнением консул, – это дело, строго говоря, для полиции. Хотя должен сказать... Однако, если вы подождете минутку, я сейчас позвоню. У меня есть личные связи... Согласитесь, ничто так не помогает, как контакты на нужном уровне. Итак, попробуем.

После ряда проволочек состоялась длинная и совершенно непонятная беседа, в ходе которой, насколько понял Барнаби, его называли самым знаменитым британским романистом. Часто прерываясь, чтобы переспросить Гранта, консул продиктовал подробности происшествия, а когда закончил, рассыпался в благодарностях: «E stato molto gentile... Grazie, molto grazie, Signore»⁸, понятных даже бедняге Барнаби.

Консул положил трубку и состроил гримасу.

– Не слишком меня там порадовали, – сообщил он.

Барнаби сглотнул и почувствовал дурноту.

Его заверили, что будет сделано все возможное, но, заметил консул, им практически не от чего оттолкнуться, верно? Тем не менее, с большей надеждой добавил он, всегда есть шанс, что Барнаби могут шантажировать.

– Шантажировать?

– Ну, видите ли, взявший кейс, вероятно, ожидал, если не улова в виде ценностей или наличных денег, то хотя бы каких-то документов, за возвращение которых будет назначено вознаграждение и заложена, таким образом, основа для торга. «Шантаж», – проговорил консул, – разумеется, не совсем верное слово. Более уместным было бы «выкуп». Хотя...»

У него была привычка не заканчивать предложения, и это повисло в воздухе, полном чрезвычайного уныния.

– Значит, мне следует поместить объявление и предложить вознаграждение?

– Конечно. Конечно. Мы кое-что предпримем. Дадим моему секретарю подробности на английском языке, а она переведет и поместит в газеты.

– Я причиняю вам беспокойство, – заметил несчастный Барнаби.

– Мы к этому привыкли, – вздохнул консул. – Ваше имя и лондонский адрес значатся на рукописи, вы сказали, но кейс был заперт. Пользы от этого, конечно, никакой.

– Полагаю, да.

– Вы живете...

– В пансионе «Галлико».

⁷ Британское консульство! (*итал.*)

⁸ Мне было очень приятно... Спасибо, большое спасибо, синьор (*итал.*).

– Ах да. У вас есть номер телефона?

– Да... кажется... где-то тут.

Барнаби рассеянно пошарил в нагрудном кармане, достал бумажник, паспорт и два конверта, которые упали на стол лицевой стороной. На обороте одного из них он записал адрес и телефон пансиона «Галлико».

– Вот, – отодвинул он конверт к консулу, который уже успел заметить на нем пышный герб.

– А... да. Спасибо. – Он усмехнулся. – Выполнили свой долг и послали им книгу, я вижу, – сказал он.

– Что? О... это. Ну, вообще-то, нет, – замялся Барнаби. – Это... э... что-то вроде ланча. Завтра. Не буду больше отнимать у вас время. Я бесконечно благодарен.

Консул, сияющий и оживленный, протянул через стол руку и обменялся с Барнаби рукопожатием.

– Нет, нет, нет. Очень рад, что вы к нам пришли. Я совершенно уверен в успехе, учитывая все обстоятельства. *Nil desperandum*⁹, знаете ли, *nil desperandum*. Поднимитесь над проблемой!

Но очень высоко подняться над потерей не получалось – два дня истекли, а ответа на объявления не последовало и ничего не дала долгая, буксовавшая из-за языка беседа с красивым представителем местного управления полиции. Барнаби сходил на официальный ланч в своем посольстве и постарался должным образом отреагировать на выраженные послом сочувствие и озабоченность. Но большую часть времени он сидел в садике на крыше пансиона «Галлико», где стояли герани в горшках и летали ласточки. Через французское окно его спальни можно было попасть в заброшенный уголок этого садика, и там он ждал, мучительно прислушиваясь к каждому телефонному звонку в пансионе. Периодически Барнаби возвращался к ужасной мысли заново написать сто тысяч слов своего романа, но от подобной перспективы ему становилось дурно не только эмоционально, но и физически, и он ее отбрасывал.

Время от времени Грант переживал ощущение резкого спуска в адском лифте. Забывшись сном, он вдруг просыпался, как от толчка, и оказывался в кошмаре наяву. Он говорил себе, что надо сообщить о случившемся агенту и издателю, но при одной мысли об этом рот наполнялся желчной горечью, и Барнаби продолжал сидеть и ждать телефонного звонка.

На третье утро Рим накрыла волна жары. В садике на крыше было как в духовке. Грант сидел один в своем уголке с несъеденной бриошью, горшочком меда и тремя осами. Его охватило что-то вроде смеси раздражения и апатии, на смену которой пришло в конце концов, видимо, само отчаяние. «Что мне нужно, – думал он, подавляя приступ тошноты, – так это хорошенько, черт возьми, выплакаться».

Подошел один из двух официантов.

– *Finito*?¹⁰ – мелодично задал он обычный вопрос.

И затем, когда Барнаби согласно кивнул, вроде бы показал жестом, что ему следует уйти в номер. Поначалу Барнаби подумал: официант дает понять, что на крыше слишком жарко, потом – что его зачем-то хочет видеть хозяйка пансиона.

А затем, пронзенный внезапной надеждой, он увидел, как из ведущей на крышу двери пансиона вышел и направился к нему полноватый мужчина в накинута на плечи пиджаке. Барнаби сразу же его узнал.

В голове Гранта в беспорядке пронеслись мысли. Он увидел этого мужчину словно бы между склоненных голов двух влюбленных, в сопровождении грома и молнии. И так

⁹ Не надо отчаиваться ни при каких обстоятельствах (*лат.*).

¹⁰ Закончили? (*итал.*)

и не смог определить, какое всепоглощающее чувство завладело им – одно лишь громадное облегчение или нечто вроде блаженного спокойствия. Он лишь подумал, когда мужчина вошел в тень и извлек из-под пиджака знакомый кейс, не грохнется ли он сейчас в обморок.

– Мистер Барнаби Грант? – спросил мужчина. – Полагаю, вы будете рады нашей встрече, не так ли?

IV

Они сбежали из «Галлико», прямо-таки кишевшего горничными, и расположились в очень маленьком кафе в затененном переулке рядом с пьядца Навона, всего в нескольких шагах от пансиона. Кафе это предложил спутник Барнаби. «Если только, разумеется, – насмешливо сказал он, – вы не предпочитаете что-либо пошикарнее... например, пьядца Колонна», и Барнаби вздрогнул. Кейс он взял с собой и, по предложению гостя, отомкнул его. Там, в двух папках, лежала его книга, пачки листов были перехвачены широкими резинками. На месте было и последнее письмо от агента.

По рассеянности Барнаби предложил гостю коктейль с шампанским, коньяк, вино – все что угодно, – но когда тот напомнил, что нет еще и десяти часов утра, остановился на кофе.

– Что ж, тогда, – проговорил он, – в более подходящий час... вы позволите мне... а пока я должен... ну... конечно.

Барнаби сунул руку во внутренний карман пиджака. Сердце все еще бешено билось в груди.

– Вы думаете о столь великодушно предложенном вознаграждении, – начал его собеседник. – Но, прошу вас... не надо. Об этом не может быть и речи. Оказать услугу, пусть и столь незначительную, Барнаби Гранту – все равно что получить золотую награду. Поверьте мне.

Этого Барнаби не ожидал и сразу же почувствовал, что погрешил против хорошего тона. Наверное, его ввел в заблуждение общий внешний вид незнакомца: не только поношенный пиджак из альпаки, сменивший английский твид и, как и тот, наброшенный на плечи поверх неряшливой рубашки без галстука и с потертыми манжетами, не только черно-зеленая шляпа и поистине жалкие туфли, но что-то неуловимое в самом этом человеке. «Как жаль, – подумал Барнаби, – что я не смог немедленно проникнуться к нему симпатией. Я должен ему хотя бы это».

И пока его собеседник говорил, Барнаби поймал себя на профессиональной привычке романиста: он разглядывал эту продолговатую голову, коротко стриженную, как у американских школьников, и редкую растительность мышинового цвета. Он обратил внимание на чрезвычайную бледность кожи, с виду мягкой и нежной, как у женщины, на неожиданную полноту и яркий цвет губ и на те большие светлые глаза, которые так пристально смотрели на него на пьядца Колонна. Голос и речь? Высокий, но приглушенный голос не имел явного акцента, но в разговоре чувствовалось тщательное построение фраз. Возможно, английский перестал быть для него привычным. Выбор слов был точным, словно мужчина заучил свои предложения для публичного выступления.

Руки у него были пухлые и нежные, а ногти обкусаны до мяса.

Звали его Себастьян Мейлер.

– Вам, разумеется, интересно, – говорил он, – почему вы подверглись этой, без сомнения, мучительной задержке. Хотели бы вы узнать об обстоятельствах?

– Очень.

– Не смею надеяться, что вы заметили меня в то утро на пьядца Колонна.

– Напротив. Я очень хорошо вас помню.

– Возможно, я неприлично вас разглядывал. Понимаете, я сразу же узнал вас по фотографиям на суперобложках ваших книг. Должен вам сказать, что я ваш преданный поклонник, мистер Грант.

Барнаби что-то пробормотал.

– Также меня, что важнее, можно назвать «бывалым римлянином». Я прожил здесь много лет и познакомился с некоторыми слоями римского общества. Включая низшие. Видите, я откровенен.

– Почему бы и нет?

– Вот именно, почему бы нет! Мои мотивы того, что некоторые наши соотечественники называли бы, как мне представляется, копанием в грязи, продиктованы эстетическими и, полагаю, я могу сказать, философскими стремлениями, но я не стану вас этим утомлять. Вполне достаточно, если я скажу, что в то самое время, как я узнал вас, я узнал и презренного типа, известного римским подонкам как – я перевожу – «Ловкие пальцы». Он стоял близко от вас, у вас за спиной. Его взгляд был прикован к вашему чемоданчику.

– Боже!

– Именно. Итак, вы вспомните, что та зарождавшаяся гроза вдруг разразилась и что из-за ливня и последующей неразберихи между посетителями, сидевшими за соседними с вами столиками, возникла ссора.

– Да.

– И что вы получили сильный удар в спину, от которого упали на стол.

– Так и было, – согласился Барнаби.

– Конечно, вы подумали, что вас ударил один из участников драки, но это не так. Упомянутый мною тип воспользовался свалкой, бросился вперед, толкнул вас плечом, схватил ваш чемоданчик и побежал. Момент для маневра был выбран безупречно, а сам он выполнен с величайшей скоростью и точностью. Драчуны продолжали орать друг на друга, а я, мой дорогой мистер Грант, устремился в погоню.

Он отхлебнул кофе, слегка наклонил голову, отмечая, возможно, пристальное внимание Барнаби.

– Преследование получилось долгим, – продолжал Мейлер. – Но я не отставал и... правильно ли будет сказать «настиг его»? Да, так. Спасибо. Итак, я настиг его в, как написали бы поставщики сенсационных романов, «некоем кафе на такой-то улочке недалеко от...» и так далее и так далее... возможно, моя фразеология несколько устарела. Проще говоря, я догнал его в обычном его убежище и вернул – не буду тревожить ваши уши описанием того, каким способом я этого добился, – ваш кейс.

– В тот же день, как я его потерял? – не сумел удержаться от вопроса Барнаби.

– Ах! Как всегда говорит загнанная в угол жертва допроса, я рад, что вы задали этот вопрос. Мистер Грант, для менее выдающейся личности я заготовил бы правдоподобную отговорку. Но в отношении вас это не годится. Я не смог вернуть ваш чемоданчик раньше, потому что...

Он умолк, чуть улыбаясь, и, не отводя взгляда от лица Барнаби, задрал рукав на левой руке, белокожей и безволосой, и положил ее на стол ладонью вверх.

– Посмотрите сами, – продолжил Мейлер. – Они очень похожи на комариные укусы, правда? Но, уверен, вы догадываетесь, что это за точки. Не так ли?

– Да... кажется, да.

– Конечно. У меня развилось пристрастие к кокаину. Я с вами откровенен, а? В ближайшие дни мне непременно нужно перейти на какой-нибудь товар полегче. Видите, я хорошо знаком с жаргоном. Но я отклонился от темы. Мне стыдно признаться, что стычка с Ловко-руким сильно меня потрясла. Своей злосчастной наклонностью я, без сомнения, до некоторой степени подорвал здоровье. Особой силой я не отличаюсь. Я прибегнул к своей... при-

емлемое название, полагаю, дозе и, коротко говоря, значительно превысил обычную норму и выпал из жизни до сегодняшнего утра. Разумеется, я не могу даже надеяться на ваше прощение.

Барнаби секунду помолчал, а затем великодушно произнес:

– Я до такой степени рад, что получил ее назад, что не испытываю ничего, кроме благодарности, даю честное слово. В конце концов, кейс был заперт, и вы не могли знать...

– О, но я знал! Я догадался. Когда я пришел в себя, то догадался. Во-первых, вес. И то, как она перемещалась внутри, понимаете. И потом, я ведь видел ваше объявление: «...в котором находится рукопись, представляющая ценность только для владельца». Поэтому я не могу отнести на свой счет это лестное для моей души утешение, мистер Грант.

Он достал сомнительной свежести носовой платок и вытер лицо и шею. Маленькое кафе располагалось на теневой стороне улицы, но мистер Мейлер обильно потел.

– Еще кофе?

– Спасибо. Вы очень добры. Крайне добры.

Кофе как будто взбодрил его. Он взял чашку пухлыми грязными руками и посмотрел поверх нее на Барнаби.

– Я в глубоком долгу перед вами, – произнес Барнаби. – Могу ли я что-нибудь сделать?

– Вы сочтете меня невыносимо льстивым... полагаю, манерой выражаться я стал походить на итальянцев, но уверяю вас, что сам факт встречи с вами и возможность оказать хотя бы такую малую...

«Наш разговор, – подумал Грант, – ходит по кругу».

– Что ж, – предложил он, – вы должны пообедать со мной. Давайте выберем время, хорошо?

Но мистер Мейлер, явно волнуясь, уже, очевидно, подобрался к концу своей речи. После множества извинений он в итоге признался, что и сам написал книгу. Он трудился над нею три года, нынешний вариант был четвертым.

По своему горькому опыту Барнаби знал, что последует за этим откровением. Были произнесены все слишком хорошо знакомые фразы: «...безмерно ценю ваше мнение...», «...просмотрите ее...», «...совет такого специалиста...», «...заинтересовать издателя...».

– Конечно, я ее прочту, – согласился Барнаби. – Вы захватили рукопись с собой?

Оказалось, что мистер Мейлер сидел на ней. Привстав, он быстрым и легким движением руки вытащил пачку листов, завернутую в немного влажную римскую газету, и дрожащими пальцами освободил от упаковки. Плотно исписанные итальянизированным почерком листы составляли, обрадовался Барнаби, не очень объемный труд. Примерно сорок тысяч слов, а возможно, если повезет, и того меньше.

– По объему ни роман, ни новелла, – пояснил автор произведения, – но таким уж оно получилось, и таким я его и оставил.

Грант быстро поднял глаза. Мейлер выжидал. «В конце концов, это не так уж и трудно», – подумал Барнаби.

– Надеюсь, – проговорил мистер Мейлер, – мой почерк не создаст непомерных трудностей. Машинистка мне не по карману.

– Он выглядит очень разборчивым.

– Если так, чтение отнимет не больше нескольких часов вашего времени. Быть может, через два дня или около того я могу... Но я не должен проявлять настойчивости.

Барнаби подумал: «А я должен проявить вежливость». Вслух он сказал:

– Послушайте, у меня есть предложение. Поужинайте со мной послезавтра, и я выскажу вам свое мнение.

– Как вы добры! У меня просто нет слов. Но, прошу вас, вы должны позволить мне... если не возражаете... ну, куда-нибудь... очень скромное заведение... как это, например. У

них тут маленький ресторанчик, как вы видите. Фетуччини у них... по-настоящему хороши, и вино вполне достойное. Управляющий мой друг и окажет нам надлежащий прием.

— Звучит восхитительно, и в любом случае давайте придем сюда, но угощаю я, мистер Мейлер, окажите мне любезность. Ужин для нас закажете вы. Отдаю себя в ваши руки.

— В самом деле? Правда? Тогда я должен переговорить с ним заранее.

На этом они и расстались.

В пансионе «Галлико» Барнаби сообщил всем встречным – хозяйке, двум официантам, даже горничной, которая мало, а то и вовсе не говорила по-английски, – о возвращении рукописи. Кто-то понял его, кто-то нет, но все обрадовались. Он позвонил в консульство, и его шумно поздравили. Он расплатился за помещенные в газеты объявления.

Когда все это было выполнено, Барнаби перечитал те куски из книги, которые, по его мнению, требовали переделки, перескакивая с одного отрывка на другой.

Он почувствовал, как устал за эти последние три дня, и перевернул страницу.

В углублении между страницами, на внутренней стороне корешка папки, Барнаби заметил грязное пятно и, развернув рукопись пошире, обнаружил что-то похожее на сигаретный пепел. Курить он бросил два года назад.

V

Поразмыслив и внимательно изучив замок кейса, Барнаби напомнил себе, что женщина, прибивавшаяся у него в Лондоне, была заядлой курильщицей, смолившей одну сигарету за другой, и чрезвычайно любопытной особой и что его рукопись часто лежала открытой на столе. Это воспоминание успокоило его, и он смог работать над своей книгой, а в часы сиесты выполнял обещанное – читал «почти-новеллу» мистера Мейлера:

«Анджело в августе» Себастьяна Мейлера

Произведение было неплохое. Немного страдавшее украшательством. Немного надуманное. Местами непристойное, но, вероятно, к месту. И учитывая, что это был четвертый вариант, слишком уж небрежно написанное: пропущенные слова, повторы, многословие. Не кокаин ли виной в этих упущениях? – размышлял Барнаби. Но на его памяти из печати выходили книги и похуже, и если бы мистеру Мейлеру удалось состряпать один-два опуса покороче, чтобы составить отдельный том, он вполне мог бы найти для него издателя.

Его поразили забавные совпадения, и, когда в назначенное время мужчины встретились за ужином, Барнаби заговорил об этом с мистером Мейлером.

— Кстати, – заметил он, подливая мистеру Мейлеру вина, – вы ввели побочную тему, которая вообще-то проходит в моей собственной книге основной линией.

— О нет! – воскликнул его гость, а затем произнес: – Говорят же, не так ли, что существует всего – сколько? – три, четыре... основные темы?

— И что все темы можно свести к одной или другой из них? Да. Это лишь деталь в вашей истории, и вы ее не развиваете. На самом деле она кажется мне чуждой, и ее вполне можно опустить. Данное предложение, – добавил Барнаби, – не продиктовано профессиональной завистью. – И оба они рассмеялись, мистер Мейлер – гораздо громче.

Видимо, он по-итальянски пересказал эту шутку каким-то своим знакомым, с которыми поздоровался, когда пришел, и которых представил Uhfyne. Они сидели за соседним столиком и вовсю развлекались. Выбрав подходящий момент, они выпили за здоровье Барнаби.

В целом ужин удался на славу. Еда была превосходной, вино приемлемым, хозяин заведения – внимательным, а обстановка – приятной. Из узенького до крайности переулочка они смотрели на пьяцца Навона и видели фонтан с великолепно подсвеченным Мавром, который боролся с дельфином. Поверх разнообразных голосов вечернего Рима доносился плеск фон-

танов. Группы молодежи грациозно перемещались по площади. Ночь середины лета пульсировала собственной красотой. Барнаби почувствовал, как в душе у него нарастает необъяснимое возбуждение, более мощное, чем то, какое могло бы вызвать слабое выпитое вино. Он пришел в восторг.

Откинувшись на стуле, он глубоко вздохнул, поймал взгляд мистера Мейлера и засмелся.

– У меня такое чувство, – сказал он, – будто я только что приехал в Рим.

– И, возможно, будто ночь только началась?

– Что-то в этом роде.

– Хотите приключение? – намекнул Мейлер.

Возможно, вино оказалось не столь уж и слабым. Какое-то сомнение проскользнуло, когда он посмотрел на Мейлера, словно на мгновение проступила другая личность. У него действительно *очень* странные глаза, примирительно подумал Барнаби.

– Приключение? – повторил Мейлер. – Интересно, а не могу ли я вам помочь? В качестве чичероне?

Могу ли я вам помочь? «Этот Мейлер, наверное, продавец в магазине», – подумал Барнаби и непринужденно спросил:

– Ну... и каким же образом?

– Любым, – пробормотал Мейлер. – По правде говоря, любым, каким пожелаете. Я человек разносторонний.

– О, – произнес Барнаби. – А я очень традиционный. Самый натуральный натурал, – прибавил он и посчитал это добавление чрезвычайно забавным, – в Риме.

– Тогда, если позволите...

Хозяин заведения уже поджидал рядом со счетом. Барнаби показалось, что в маленькой траттории стало очень тихо, но когда огляделся, то увидел, что посетители никуда не делись и ведут себя вполне нормально. Барнаби с трудом выбирал нужные банкноты, но мистер Мейлер помог ему, и Барнаби упросил его дать щедрые чаевые.

– Очень, очень хорошо, – сказал Барнаби хозяину, – я еще приду.

Они тепло пожали друг другу руки.

А затем Барнаби, пройдя в сопровождении мистера Мейлера по узким улочкам – мимо сияющих окон и темных парадных, сквозь шумные сборища и по тихим переулкам, попал в совершенно другой, незнакомый ему Рим.

Глава 2. Экспедиция подготовлена

I

Больше Барнаби с Себастьяном Мейлером не встречался – до следующей весны, когда вернулся в Рим после успешного выхода своей книги в Лондоне. Пансион «Галлико» не смог принять Барнаби в первые дни, поэтому он остановился в маленькой гостинице неподалеку, в Старом Риме.

На второе утро он спустился в фойе за почтой, но у стойки портье толпились заселявшиеся туристы, и поэтому Барнаби сел в ожидании на стул у самого входа.

Он развернул газету, но читать не стал, так как его вниманием полностью завладели туристы, прибывшие, очевидно, вместе; в особенности двое, державшиеся чуть в стороне от своих товарищей, но тем не менее принадлежавшие, похоже, к той же группе.

Они представляли собой выдающуюся пару, оба очень высокие и крупные, с широкими плечами и на удивление легкой походкой. Барнаби предположил, что они муж и жена, но до странности похожие друг на друга, возможно, приобретшие сходство в супружестве. У них были большие лица, с округлым подбородком у жены и с очень короткой, обрамлявшей нижнюю челюсть бородой у мужа. Яркие, выпуклые глаза у обоих. Он был очень внимателен к ней, касался ее руки, иногда пожимал ее большие ладони и смотрел в лицо. Одежду мужчины составляли голубая хлопчатобумажная рубашка, пиджак и шорты. Одежда женщины, отметил Барнаби, была, вероятно, очень хорошей, хотя и сидела мешковато на ее нескладной фигуре.

Они испытывали определенное затруднение и сверялись с каким-то документом, видимо не находя в нем никакого утешения. На стене висела большая карта Рима: пара подошла к ней и с беспокойством стала ее изучать, обмениваясь недоумевающими взглядами.

Появилась новая группа туристов и минуты на две заслонила этих людей от Барнаби. Когда он снова смог увидеть странную пару, те уже стояли не одни. С ними был мистер Мейлер.

Барнаби видел только его спину, но несколько не усомнился в личности этого человека. Он был одет, как в то первое утро на piazzа Колонна, и что-то еще в его внешности исключало ошибку.

Грант ощутил страстное нежелание с ним встретиться. Воспоминания о римской ночи, проведенной под руководством мистера Мейлера, были расплывчатыми и сбивчивыми, но все же достаточными, чтобы оставить крайне неловкое впечатление о том, что он зашел слишком далеко. Барнаби предпочитал не вспоминать об этом и буквально содрогался от одной мысли о возобновлении знакомства. Фарисеем Барнаби не был, но всему есть предел.

Он хотел уже встать и попытаться быстренько сбежать через вращающиеся двери, когда Мейлер наполовину обернулся к нему. Барнаби вскинул газету повыше, в надежде, что успел вовремя укрыться.

«Что за нелепая ситуация, – думал он. – Да что со мной такое? Это просто из ряда вон. Я не сделал ничего, что действительно могло бы вызвать у меня такое чувство, но по какой-то необъяснимой причине я все же чувствую себя... – он поискал слово и нашел лишь одно подходящее, – замаранным».

Однако ему очень хотелось понаблюдать за мистером Мейлером и двумя незнакомцами, и он презирал себя за это желание. Можно было подумать, что любая мысль о Мейлере вызывала в нем самом какое-то стремление к скрытности, и, поскольку в обычных обстоятельствах Барнаби действовал прямо, такая реакция была ему неприятна.

Тем не менее он сдвинул газету в сторону, чтобы эта группа попала в поле зрения его левого глаза.

Троица стояла на том же месте. Мейлер – снова спиной к Барнаби. Очевидно, говорил он выразительно, и крупная пара сосредоточенно ему внимала. Они смотрели на него с величайшим почтением и улыбались.

Знакомая улыбка. Барнаби потребовалось мгновение или чуть больше, чтобы вспомнить, и затем, совершенно потрясенный, он понял – то была улыбка этрусской терракотовой пары из Виллы Джулия; улыбка Гермеса и Аполлона, когда улыбаются, не разжимая губ, улыбка, от которой уголки губ заостряются и которая – жестокая, спокойная или мудрая, какая угодно – всегда загадочна. Чрезвычайно живая, она таит некое знание.

Она почти растаяла на губах пары, но исчезла не до конца и теперь, подумал Грант, эти двое стали похожи на супругов с саркофага на Вилле Джулия, и нежная опека мужчины действительно усилила сходство. *Очень* странно, подумал Барнаби. Завороженный, он забыл о Себастьяне Мейлере и опустил газету.

Барнаби не заметил, что над картой на стене висит под наклоном зеркало. Отблеск света от вращающейся двери блеснул в нем. Барнаби поднял взгляд, и там, снова между голов влюбленных, увидел мистера Мейлера, глядевшего ему прямо в глаза.

Реакция Барнаби была необъяснимой. Он быстро встал и покинул гостиницу.

Грант обошел площадь Навона, размышляя о том, как ужасно себя повел. Без человека, которого он только что обидел, не состоялось бы главное событие его карьеры. Он все еще воссоздавал бы свою самую важную книгу и, весьма вероятно, потерпел бы провал. Он всем ему обязан! Почему же тогда он так ужасно себя повел? Неужели он настолько стыдился той римской ночи, что не выносил напоминания о ней? Барнаби предполагал, что дело, наверное, в этом, но одновременно понимал, что им двигало более сильное побуждение.

Мистер Мейлер ему не нравился. На самом деле он очень сильно ему не нравился, и еще почему-то Грант его боялся.

Барнаби сделал круг по большой площади, прежде чем принял решение. Если возможно, он исправит дело. Вернется в гостиницу и, если мистера Мейлера там уже нет, поищет его в trattoria, где они тогда ужинали. Мейлер тамошний завсегдатай, и у хозяина может оказаться его адрес.

Никогда еще ему не приходилось предпринимать более неприятного шага. Войдя в фойе гостиницы через вращающуюся дверь, Барнаби обнаружил, что все туристы разошлись, а мистер Мейлер все еще совещается с «этрусской» парой.

Мейлер увидел Барнаби и уставился на него, ничем не показывая, что знаком с ним. Он продолжал беседовать с «этрусками», но при этом не сводил глаз с Барнаби.

«Теперь он игнорирует меня, и поделом мне», – подумал Грант и ровным шагом направился к троице.

Приближаясь, он услышал слова мистера Мейлера:

– Рим так изумляет, не правда ли? Даже после стольких посещений! Возможно, я сумел бы вам помочь? Как чичероне?

– Мистер Мейлер? – услышал Барнаби свой голос. – Не знаю, помните ли вы меня. Я Барнаби Грант.

– Я очень хорошо вас помню, мистер Грант.

Молчание.

«Что ж, – подумал Грант, – отступить некуда» – и продолжил:

– Я только что увидел ваше отражение в зеркале. Не представляю, почему я сразу же не узнал вас, и могу сослаться только на хроническую рассеянность. Я обошел уже половину Навоны, когда вдруг вспомнил, и вернулся в надежде, что вы все еще здесь. – Несчастный Барнаби повернулся к «этрускам»: – Прошу меня простить. Я вам помешал.

Они одновременно принялись возражать, а потом мужчина, лицо которого вдруг оживо от улыбки-полумесца, воскликнул:

– Но ведь я прав! Я не ошибаюсь! Это тот самый мистер Барнаби Грант. – Он обратился к мистеру Мейлеру: – Я прав, да?

Его жена что-то тихо проворковала.

Мистер Мейлер кивнул:

– Да, действительно. Могу представить – барон и баронесса Ван дер Вегель.

Они горячо пожали ему руку и разразились потоком слов. Они прочли все его книги, и по-голландски (по рождению они голландцы), и по-английски (они граждане мира), его последний (несомненно, величайший?) роман! Они повернулись к мистеру Мейлеру. Он, разумеется, читал его?

– Да, действительно, – ответил тот совершенно так же, как перед этим. – Каждое слово. Он полностью меня захватил.

Он сказал это с такой странной интонацией, что Барнаби, уже находившийся на грани срыва, нервно глянул на него, но собеседников Мейлера было не унять, и они наперебой пели хвалы работам Барнаби.

Нельзя сказать, что мистер Мейлер слушал их восторженные излияния с сарказмом. Он просто слушал. Его отчужденность вызывала у Барнаби острое смущение. Когда все – предсказуемо выраженная надежда, что он с ними выпьет (они жили в этой гостинице), повторные заверения, что его творения так много значат для них, извинения за назойливость и тактичное прощание – было сказано и сделано, Барнаби остался наедине с Себастьяном Мейлером.

– Я не удивлен, – проговорил мистер Мейлер, – что вы не стремились возобновить наше знакомство, мистер Грант. Я же, напротив, искал вас. Может, мы перейдем в какое-нибудь более тихое место? Вот, по-моему, салон. Так что...

До конца жизни Барнаби тошнило при воспоминании о той банальной комнатке с ее псевдоампирной мебелью, ковром с цветочным узором и фальшивым гобеленом на стене – гобеленом массового производства, популярным в маленьких гостиницах и изображавшим падение Икара.

– Я перейду сразу к делу, – заявил мистер Мейлер. – Это всегда лучше, вы согласны?

Именно так он и поступил. С известной чопорностью сидя на стуле с позолоченными ножками, сложив свои мягкие руки и неторопливо вертя большими пальцами с обгрызенными ногтями, мистер Мейлер начал шантажировать Барнаби Гранта.

II

Все это случилось за две недели до того утра, когда Софи Джейсон проводила в аэропорту Леонардо да Винчи свою внезапно лишившуюся отца подругу. Девушка вернулась в Рим автобусом и поднялась в садик на крыше пансиона «Галлико», где десять месяцев назад принимал Себастьяна Мейлера Барнаби Грант. Здесь Софи обдумывала свое положение.

Ей было двадцать три года, она работала в лондонском издательстве и начала карьеру детской писательницы. В Рим приехала впервые. Она и потерявшая отца подруга должны были вместе провести летний отпуск в Италии.

Твердого маршрута они не выработали, но пересмотрели гору брошюр, прочли обязательный путеводитель по Риму мисс Джорджины Мэссон и в транс бродили по улицам и осматривали памятники старины. Столь неожиданно скончавшийся отец подруги имел значительную долю в типографии неподалеку от Турина и устроил так, что девушки могли без стеснения обращаться за средствами в римскую контору фирмы. Их снабдили деловыми и личными рекомендательными письмами. Вместе они пребывали в восторге, оставшись же

одна, Софи испытывала странные чувства, но, в общем, находилась в приподнятом настроении. Сама себе хозяйка – и в Риме! У Софи были тициановские волосы, большие глаза и яркий рот, и она уже благоразумно поворачивалась спиной к стене в переполненных лифтах, да и вообще в любом месте, где поблизости собиралось более двух римских джентльменов. «Поблизости», как заметила она подруге, являлось ключевым словом.

«Я должна составить что-то вроде плана, и не одного, – убеждала себя Софи, – но ящики в садике на крыше были полны весенних цветов, воздух сотрясали голоса, шум уличного транспорта, шаги и гулкое цоканье лошадиных подков по бульжной мостовой. – Просадить, что ли, пару тысяч лир и взять экипаж до Испанской лестницы? Или лучше пойти пешком и идти до тех пор, пока не начнут гореть подошвы ног? Что же делать? Нет, мне действительно *следует* составить план», – думала возбужденная Софи, а вскоре, безвольная и счастливая, уже шла по Корсо, сама не зная куда. И очень скоро с удовольствием заблудилась.

Она купила себе перчатки, солнечные очки в розовой оправе, эспадрильи и пару успокаивающих ноги пластырей, которыми незамедлительно и воспользовалась, к огромному своему облегчению. Выйдя из магазина, она заметила рядом со входом маленькое бюро путешествий. «Позвольте НАМ, – призывало оно по-английски с помощью плакатика, – быть вашим гидом в Риме».

За стойкой сидела темноволосая, грубая девица и с презрительным видом полировала ногти.

Прочитав несколько объявлений и заглянув в уже знакомые брошюры, Софи собралась было уйти, когда ее внимание привлекла небольшая карточка. Напечатанная итальянским шрифтом реклама гласила: «"Чичероне", экскурсии с личным гидом. Нечто необычное! Не слишком утомительное, рассчитанное на людей с тонким вкусом знакомство с наименее рекламируемыми и самыми завораживающими местами Рима. Под руководством опытного и практикующего в высшей степени индивидуальный подход мистера Себастьяна Мейлера. Ужин в самом изысканном ресторане и далее – нетрадиционные развлечения по договоренности. *Почетный гость*: выдающийся британский писатель мистер Барнаби Грант любезно согласился сопровождать экскурсии с 23 апреля до 7 мая. Включая воскресенья».

Софи поразились. Барнаби Грант – самое тяжелое оружие авторского арсенала ее издателя. Его новый и самый важный роман «Саймон в Лации», действие которого разворачивалось в Риме, стал для них престижным событием и бестселлером года. Местные книжные магазины уже были завалены его переводом на итальянский язык.

На грандиозном приеме, устроенном ее издательским домом, она предложила Барнаби Гранту напитки, а нынешний начальник Софи как-то представил ее Гранту. У девушки сложилось о нем свое мнение, и в него не вписывалась мысль о том, что он таскается по Риму с группой туристов, осматривающих достопримечательности. Она предположила, что Гранту, должно быть, очень хорошо за это заплатили, и данная мысль показалась ей неприятной. В любом случае могла ли столь маленькая, судя по всему, фирма, как эта, позволить себе вознаграждение такого размера, чтобы заполучить Барнаби Гранта? Возможно, внезапно осенило Софи, он приятель этого опытного и практикующего в высшей степени индивидуальный подход мистера Себастьяна Мейлера.

Она все еще рассеянно смотрела на объявление, когда почувствовала, что сбоку от нее стоит мужчина. У Софи создалось впечатление, что он находится здесь уже некоторое время и давно пялится на нее. Мужчина не сводил с Софи взгляда, и она подумала: «Вот черт! Какой же ты зануда!»

– Прошу меня простить, – произнес мужчина, снимая позеленевшую от старости черную шляпу. – Пожалуйста, не считите меня дерзким. Меня зовут Себастьян Мейлер. Я вижу, вы заметили мое скромное объявление.

Девушка за стойкой глянула на мужчину. Она накрашила ногти и теперь с надменным видом шевелила пальцами, держа руки на весу. Софи повернулась к мистеру Мейлеру.

– Да, – ответила она, – заметила.

Он слегка поклонился и двинулся прочь со словами:

– Я не должен навязываться. Прошу прощения!

– Ну что вы, – сказала Софи и, чувствуя себя виноватой из-за глупого предположения, добавила: – Меня очень заинтересовало имя Барнаби Гранта на вашей карточке.

– Мне действительно повезло, – подхватил мистер Мейлер, – не правда ли? Возможно, вы бы захотели... но простите. Один момент. Вы подождете?

Он что-то сказал по-итальянски грубой девушке, которая выдвинула ящик, достала нечто похожее на книгу ваучеров и бросила на стойку.

Мистер Мейлер просмотрел ее.

– А, да, – проговорил он. – Других оно тоже, похоже, заинтересовало. Свободных мест, я вижу, нет.

Софи сразу же почувствовала острое разочарование. Больше всего на свете она хотела теперь присоединиться к одной из чрезвычайно изысканных экскурсий мистера Мейлера.

– Размер группы строго ограничен? – спросила она.

– Это важнейшее условие. – Он не отрывался от ваучеров.

– А может быть, кто-то откажется?

– Прошу прощения? Что вы говорите?

– Никто не откажется?

– А... понятно. Ну... возможно. Я так понимаю, вы хотите присоединиться к одной из моих экспедиций?

– Очень хочу, – сказала Софи и предположила, что не кривит душой.

Он поджал свои полные губы и пролистал ваучеры.

– Вот, – проговорил он. – Какая удача! Я вижу один отказ. Суббота, двадцать шестое. Наша первая экскурсия. День и вечер. Но прежде чем вы примете решение, уверен, вы захотите узнать о цене. Прошу.

Он протянул папку и деликатно отвернулся, пока Софи читала. Маршрут и название ресторана, где они будут ужинать. Вечером их ждет прогулка в конном экипаже, а потом посещение ночного клуба. При виде общей стоимости Софи моргнула. Сумма была огромной.

– Я понимаю, – тактично заверил девушку мистер Мейлер. – Но есть множество гораздо, гораздо менее дорогих туров, чем мой. Синьорина с радостью вас проинформирует.

Очевидно, ему было глубоко наплевать, согласится она или откажется. Такое отношение пробудило в Софи некоторое безрассудство. В конце концов, каким бы безумием это ни казалось, ей это *по карману*.

– Я буду очень рада воспользоваться этим отказом, – произнесла Софи, и даже ей самой ее голос показался и чопорным, и вызывающим.

Он что-то еще сказал девушке по-итальянски, приподнял шляпу, пробормотал, обращаясь к Софи: «В таком случае... *arrivederci*»¹¹ – и оставил ее разбираться.

– Вы платить мне, – свирепо заявила девушка и, когда Софи отдала деньги, протянула ей билет и наградила хриплым необъяснимым смешком. Софи весело, хотя и машинально засмеялась в ответ, желая, как всегда, быть дружелюбной со всем и каждым.

Она продолжила прогулку по Риму, с не поддающимися определению чувствами предвкушая субботу, двадцать шестое апреля.

¹¹ До свидания (*итал.*).

III

– Должна сказать, – пробормотала леди Брейсли, – тебе, похоже, не очень-то весело. Никогда не видела такого угрюмого лица.

– Сожалею, тетя Соня. Я не хотел казаться угрюмым. Честно, я бесконечно благодарен.

– О, – отмахнулась она от его слов, – благодарен! Я лишь надеялась, что мы мило, весело проведем вместе время в Риме.

– Сожалею, – повторил он.

– Ты такой... странный. Беспокойный. И выглядишь неважно. Что ты с собой делаешь?

– Ничего.

– Бурная ночь, полагаю.

– Со мной все будет хорошо. Правда.

– Возможно, тебе не следовало так удирать из Перуджи.

– Перуджа мне до смерти наскучила. Студенты бывают такими жуткими занудами. И когда мы с Фрэнки расстались... ну, ты понимаешь.

– Все равно твои родители, адвокаты, лорд-канцлер или кто там еще, вероятно, разозлятся на меня. За то, что не приказала тебе вернуться.

– Это важно? Да и вообще... мои родители! При всем уважении к твоему кошмарному братцу, дорогая, мы знаем, что чем дольше его чадо держится вдали от него, тем больше ему это нравится.

– Кеннет... дорогой!

– А что касается мамочки... как называется тот приют для алкашей, куда она переехала? Никак не могу запомнить.

– Кеннет!

– Ну, так и прекрати об этом, ангел мой. Сейчас уже не двадцатые годы, знаешь ли.

Они задумчиво посмотрели друг на друга.

Тетка спросила:

– У вас была очень дурная компания в Перудже, Кеннет?

– Не хуже дюжины других.

– Какого рода компания? Чем вы занимались?

– О, разными вещами, – ответил Кеннет. – Забавными. – Он просто исходил обаянием. – Ты слишком молода, чтобы тебе рассказывать, – заявил он. – Какое потрясающее платье! Ты купила его у той поразительной дамы?

– Тебе нравится? Да, у нее. За астрономическую сумму.

– Оно выглядит на эти деньги.

Тетка полюбовалась на себя в зеркало.

– Попробовало бы не выглядеть, – пробормотала она.

– О господи! – недовольно бросил Кеннет и плюхнулся на стул. – Прости! Наверное, погода.

– Сказать тебе по правде, я и сама немного на взводе. Придумай для нас какое-нибудь восхитительное и возмутительное дельце, дорогой! Что такое?

Кеннет, как чадрой, заслонил нижнюю часть лица ладонями и поверх них смотрел на тетку большими и нежными карими глазами. Во всех действиях Кеннета сквозила порывистость и жеманность: он примерял разные стили поведения и отбрасывал их с той же капризностью, с какой его тетка примеряла свои шляпки.

– Милая, – произнес он. – Есть одно дело.

– Ну... какое же? Я не слышу, что ты там говоришь, прикрывая рот.

Он раздвинул пальцы, образуя треугольное отверстие, и заговорил через него.

- Я знаю одного человечка, – сказал Кеннет.
- Какого человечка? Где?
- В Перудже, а теперь здесь.
- И что же в нем такого?
- Он довольно умный человечек. Ну, вообще-то, я бы сказал – человек.
- Прекрати, Кеннет! Это сводит с ума, это бесит. – И потом вдруг прошептала: – В Перудже. Ты... ты... *курил?*..
- Ни к чему понижать голос, дорогая! Вижу, тебе наплели обычные глупости.
- Значит, курил?
- Разумеется, – нетерпеливо ответил Кеннет и, помолчав, сменил позу – обхватил руками колено и склонил голову. – Ты такая замечательная, – произнес он. – Я могу всем с тобой делиться. Как будто ты из моего поколения. Ну, разве мы не чудо? Мы оба?
- Неужели? Кеннет... на что это похоже?
- «Травка»? Ты действительно хочешь знать?
- Ну, я же спрашиваю.
- Противно в первый раз и очень весело, если это дело не бросать. На самом деле детские игрушки. Столько шума из ничего.
- Этим занимаются на... на вечеринках, да?
- Совершенно верно, милая. Хочешь попробовать?
- Привыкания к этому не развивается. Нет?
- Конечно, нет. Ничего такого. Нормальная штука, насколько это возможно. Ты не подсядешь. С «травкой» это не грозит. Лучше тебе познакомиться с моим человечком. Соверши маленькое путешествие. На самом деле я мог бы устроить потрясающее путешествие. Безумно классное. Тебе понравится. Самые разные роскошные господа. Суперэкзотическое заведение. Все вместе.
- Леди Брейсли посмотрела на него из-под своих немыслимых ресниц – девичьим взглядом, отнюдь не красившим ее лицо. И произнесла:
- Может, я и согласилась бы.
- Одно только... это очень дорого. Немыслимо высокий уровень и стоит того. Нужно кучу денег, а у меня – вот удивительно – нет ни цента.
- Кеннет!
- В сущности, если бы моя богатая тетя меня не пригласила, меня с позором выставили бы. Не наезжай на меня, вряд ли я это выдержу.
- Они уставились друг на друга. Они были очень похожи: две версии одного катастрофического образа.
- Я тебя понимаю, – сказал Кеннет. – Ты ведь это знаешь, верно? Я нахлебник, так? Но я не просто нахлебник. Я даю кое-что взамен. Согласна? – Он подождал мгновение и, когда тетя не ответила, крикнул: – Разве нет? Разве нет?
- Успокойся. Да. Да, конечно, даешь. Да.
- Мы одного поля ягоды, не так ли?
- Да. Я же сказала, ты что, не слышал? Ладно, дорогой. Посмотри у меня в сумочке. Я не знаю, сколько там.
- Боже, какое же ты чудо! Я... я сейчас же пойду. Я... все... все... – его губы искривились, – устрою. Мы проведем такой... как же это называла та старая высохшая цыганка... или ее дружок... яркий вечерок?.. Ты не против?
- Ее бумажник трясся у него в руке.
- Здесь не так уж и много, – заметил Кеннет.
- Неужели? – откликнулась его тетка. – Внизу обналичат чек. Я выпишу. У тебя должны быть при себе деньги.

После его ухода она перешла в свою спальню, села перед зеркалом и принялась изучать сомнительную маску, которую до сих пор предъявляла миру.

Зевающий и потеющий Кеннет пустился в лихорадочные поиски мистера Себастьяна Мейлера.

IV

– Знакомая история, – сказал высокий мужчина. Он сбросил ногу с колена, резко поднялся и принял непринужденную позу перед своим собеседником, который, застигнутый врасплох, с трудом выпрямлялся. – Крупная рыба, – добавил высокий мужчина, – держится на один рыбок впереди, пока прихвостни время от времени запутываются в наших сетях. Правда, не так уж часто.

– Прошу прощения, мой дорогой коллега. Рыба? В сетях?

– Простите. Я хотел сказать: действительно, иногда нам удается схватить второстепенных преступников, но их главари продолжают от нас ускользать.

– К сожалению!

– В этом деле самой крупной из всех рыбой является, без сомнения, Отто Зигфельдт, который в настоящее время уединился в каком-то фальшивом дворце в Ливане. Мы не можем до него добраться. Пока не можем. Но этот человек здесь, в Риме, – ключевая фигура.

– Мне крайне хотелось бы положить конец его деятельности. Все мы знаем, мой дорогой коллега, что Палермо, к бесконечному сожалению, был транзитным портом. Как и Корсика. Но чтобы он распространил свою деятельность на Неаполь и, похоже, на Рим! Нет, заверяю вас, мы окажем вам всяческую помощь.

– Крайне вам признателен, *signor questore*¹². Скотленд-Ярд был очень заинтересован в том, чтобы данная беседа состоялась.

– Я вас умоляю! Поверьте, это огромное удовольствие, – почти пропел комиссар полиции Вальдарно. Он обладал звучным голосом и внешностью актера большой оперы. Взгляд его смягчился, и от комиссара повеяло романтической меланхолией. Даже его шутки отдавали неминуемой катастрофой. Пост Вальдарно в римской полиции соответствовал, насколько сумел разобраться посетитель, посту старшего констебля. – Это такая большая честь для нас, мой дорогой суперинтендант, – продолжал он. – Мы сделаем все возможное, чтобы упрочить и без того сердечные отношения между нашей службой и вашим выдающимся Скотленд-Ярдом.

– Вы очень любезны. Разумеется, сама проблема наркотрафика, как мы оба знаем, находится в основном в ведении Интерпола, но так как в данный момент мы довольно тесно с ними связаны...

– Великолепно, – Вальдарно несколько раз кивнул.

– ...и поскольку этот человек, предположительно, является британским подданным...

Широким жестом комиссар полиции выразил сочувствие:

– Разумеется!

– ...в связи с его арестом может возникнуть вопрос об экстрадиции.

– Уверяю вас, мы не станем вас обманывать! – пошутил Вальдарно.

Посетитель послушно рассмеялся и протянул руку. Комиссар полиции пожал ее, а левой хлопнул высокого мужчину по плечу, как это делают представители романских народов, подтверждая свое дружеское расположение, и предложил пройти к парадному выходу.

На улице кучка молодых людей с плакатами воинственного содержания выкрикнула несколько оскорблений. Группа полицейских в эффектной форме затушила свои сигареты и

¹² Господин комиссар полиции (*итал.*).

двинулась к демонстрантам, которые с воплями отбежали на некоторое расстояние. Стражи порядка тут же остановились и снова закурили.

– Как глупо, – заметил по-итальянски Вальдарно, – и тем не менее проигнорировать это нельзя. Как все это неприятно. Вы найдете своего человека, мой дорогой коллега?

– Думаю, да. Его экскурсионная деятельность предлагает, похоже, наилучший способ подобраться к нему поближе. Я запишусь на одну из экскурсий.

– Ах-ах! Вы шутите! Вы большой шутник.

– Нет. Уверяю вас. Arrivederci.

– До свидания. Был очень рад. До свидания.

Закончив наконец разговор, проходивший в равной степени на итальянском и английском языках, собеседники по-дружески расстались.

Демонстранты отпустили несколько несвязных замечаний в адрес высокого англичанина, когда он проходил мимо них. Один из них скрипучим голосом крикнул: «Алло, добрый день!», другой заорал: «Родезия! Imperialismo!»¹³ и заулюлюкал, но третий громко произнес: «Molto elegante»¹⁴, и, очевидно, без сарказма.

Рим сверкал в весеннем утреннем воздухе. Сновали быстрые ласточки, рынки были завалены цветами, молодой зеленью и грудями дешевых товаров. Изумленному взгляду внезапно представали грандиозные фасады, проплывали прячущиеся в тени очаровательные дворики и галереи, и голосами своих фонтанов переговаривались маленькие улочки. За монументальными порталами предлагали уроки истории наслоившиеся друг на друга века. Похоже на достижения римского кондитерского искусства, безо всякого почтения подумал высокий мужчина, современность, ренессанс, классика, митраистские постройки, одна под другой в едином великолепном, многослойном сооружении. Как увлекательно было бы прогуляться на Палатинский холм, где свежо пахнет молодой травой и мир и покой снисходят на богатое покрывало времени.

Вместо этого ему нужно было поискать туристическое бюро на какой-нибудь улице или в необыкновенно величественном отеле, куда поселил мужчину его лондонский отдел. Он шел к нему по Виа Кондотти и тут увидел окно, в котором были вывешены увеличенные фотографии с видами Рима. Агентство было знаменитым, и мужчина хорошо знал его отделение в Лондоне.

Войдя внутрь, мужчина заметил, что впечатляющий интерьер не стали портить стеллажами с брошюрами, и приблизился к изысканно одетому, но отнюдь не женоподобному молодому человеку, как видно, заведующему.

– Доброе утро, сэр! – Английский молодого человека был великолепен. – Могу я вам чем-нибудь помочь?

– Надеюсь на это, – бодро отозвался мужчина. – Я приехал в Рим на несколько дней. И не хочу потратить их на несколько обзорных экскурсий, которые за минимальное время знакомят с максимальным количеством достопримечательностей. Знаменитыми видами я сыт по горло. В этот раз мне хотелось бы чего-то неспешного и цивилизованного, немного в стороне от проторенных туристических троп и все же... *римского* и познавательного в историческом отношении. Боюсь, я очень плохо объяснил.

– Напротив, – ответил молодой человек, пристально глядя на посетителя. – Я прекрасно понимаю. Вам подошел бы личный гид, но сейчас разгар сезона, сэр, и, боюсь, что по крайней мере в ближайшие две недели у нас нет никого, кого бы я действительно мог вам порекомендовать.

¹³ Империализм! (*итал.*)

¹⁴ Очень элегантный (*итал.*).

– Кто-то говорил мне о каком-то агентстве под названием «Чичероне». Маленькие группы под руководством... не уверен, что я правильно запомнил его имя... Себастьяна как-то там? Вы не знаете?

Молодой человек еще внимательнее посмотрел на него и сказал:

– Странно... в самом деле, это такое совпадение, сэр, что вы упомянули «Чичероне». Неделю назад я мало что смог бы рассказать вам об этом агентстве. Разве что вряд ли назвал бы его известным. Действительно... – Он немного поколебался. – Прошу меня простить, сэр! Последние три года я работал в нашем лондонском отделении и не могу отделаться от мысли, что имел удовольствие обслуживать вас. Или по крайней мере видеть. Надеюсь, вы не обиделись, – торопливо добавил он. – Надеюсь, вы не сочтете это непростительной дерзостью: боюсь, что мне так и не удалось овладеть англосаксонскими манерами.

– Вы хотя бы овладели английским.

– О... это! Как же иначе после английского университета и всего остального.

– И у вас отличная память.

– Что ж, сэр, вы из тех людей, кого не так-то легко забыть. Тогда, возможно, я правильно думаю?..

– Вы заходили в кабинет управляющего на Джермин-стрит, когда там находился я. Года два назад. Вы пробыли в комнате около трех минут, в течение которых сообщили мне очень полезную информацию.

Молодой человек продемонстрировал выразительный и абсолютно итальянский жест, закончившийся хлопком по лбу.

– Ах-ах-ах! Mamma mia! Ну какой же я осел! – воскликнул он.

– Припоминаете? – осведомился высокий мужчина.

– Ну, конечно. Все! – Молодой человек отступил на шаг, с глубочайшим почтением взирая на посетителя.

– Хорошо, – проговорил тот, нимало не смущенный этим пристальным взглядом. – Вернемся теперь к этому агентству «Чичероне»...

– Ваши расспросы, сэр, касаются только отдыха?

– Почему нет?

– Действительно! Разумеется! Мне только интересно...

– Продолжайте. Что вам интересно?

– Нет ли здесь, возможно, профессиональной заинтересованности?

– А почему вам это интересно? Послушайте, синьор Паче... вас так зовут, не правда ли?

– У вас великолепная память, синьор.

– Синьор Паче. Возможно, есть что-то в этом предприятии или в человеке, который его контролирует, что заставляет вас думать, будто я могу заинтересоваться им – или этим человеком – не только как турист?

Лицо молодого человека порозовело, он посмотрел на свои стиснутые руки, окинул взглядом помещение, в котором не было других людей, и наконец ответил:

– Гид, о котором мы говорим, синьоре... мистер Себастьян Мейлер... является человеком определенной, или, возможно, следует сказать, *неопределенной* репутации. Ничего особенного, вы понимаете, но есть... – Он энергично пошевелил пальцами, – предположения. Рим очень располагает к предположениям.

– Да?

– Я сказал, что ваш вопрос о нем – замечательное совпадение. Это потому, что ранее сегодня он сюда заходил. Не в первый раз. Несколько недель назад он просил занести его в наши списки, но его репутация, внешний вид – все говорило в нашем понимании против его предприятия, и мы ему отказали. Затем сегодня утром он принес в качестве нового аргумента список своих клиентов. Просто поразительный список, синьор.

– Могу я его увидеть?

– Мы все еще его не приняли. Я... я не совсем...

– Синьор Паче, ваше предположение было верным. Мой интерес к этому субъекту профессиональный.

Молодой человек ахнул.

– Но мне крайне необходимо предстать обычным туристом. Я помню, что в Лондоне ваш шеф очень высоко отзывался о вашем благоразумии и задатках... задатках, которые, очевидно, получили свое развитие.

– Вы очень добры, сэр.

– Насколько я понимаю, через вас я не могу записаться в «Чичероне», но, наверное, вы можете указать мне...

– Я могу устроить это через другое агентство и рад буду это сделать. Что же касается списка клиентов, в данных обстоятельствах, думаю, у меня нет причин не показать его вам. Пройдите, пожалуйста, в кабинет. Пока вы его посмотрите, я забронирую для вас место.

Список, поданный синьором Паче, представлял собой разнесенный по дням перечень людей, записавшихся на экскурсии «Чичероне». Предварялся он общим объявлением, заставившим высокого мужчину удивленно сморгнуть: «При почетном участии прославленного писателя мистера Барнаби Гранта».

– Ну, это уж он через край хватил!

– Согласны? – подхватил синьор Паче, деловито набирая номер. – Не представляю, как он этого добился. Хотя... – Он прервался и учтиво проговорил в телефонную трубку: «Pronto? Chi parla?»¹⁵ И как бы в сторону: – Посмотрите на состав клиентов, синьор. В первый день, в субботу, двадцать шестого, к примеру.

Аккуратно написанный итальянизированным почерком список сообщал:

Леди Брейсли. Лондон

Достопочтенный Кеннет Дорн. Лондон

Барон и баронесса Ван дер Вегель. Женева

Майор Гамильтон Свит. Лондон

Мисс Софи Джейсон. Лондон

Мистер Барнаби Грант (почетный гость). Лондон

Еще немного поговорив, синьор Паче разразился потоком благодарностей и комплиментов и прикрыл трубку.

– Все устроено, – радостно сообщил он. – На любой день по вашему выбору.

– Сомнений нет – на первый. На субботу, двадцать шестое.

Этот вопрос, видимо, уладили. Синьор Паче положил трубку и повернулся на стуле.

– Интересный список, вы не находите? Леди Брейсли... какой шик!

– Можно и так сказать.

– Ну что вы, синьор! Возможно, у нее определенная репутация. То, что называется «сливки общества». Но с точки зрения туристической индустрии – высший шик. Огромный успех. Мы всегда занимаемся ее путешествиями. Разумеется, она необыкновенно богата.

– Совершенно верно. Одних алиментов сколько.

– Это верно, синьор.

– А достопочтенный Кеннет Дорн?

– Насколько я понимаю, ее племянник.

– А Ван дер Вегели?

¹⁵ Алло? Кто говорит? (итал.)

– Не имею никакого представления. Нашими услугами они никогда не пользовались. Так же, как и мисс Джейсон, и майор Свит. Но, синьор, поразительная деталь, по-настоящему удивительная, как говорится, удача для этой затеи – участие мистера Барнаби Гранта. А что, спрашиваю я себя, подразумевается под словами «почетный гость»?

– Думаю, «главная достопримечательность».

– Разумеется! Но чтобы он согласился! Одолжил свой огромный престиж для такой ничем не примечательной затеи. И, мы должны признать, уловка, очевидно, сработала.

– Вот уж не думал, что леди Брейсли сама по себе попалась на интеллектуальную приманку.

– Синьор, он человек впечатляющий, красивый, знаменитый, престижный... Я правильно употребил слово «престижный»?

– На самом деле это означает, что он немного фокусник. Что в каком-то смысле, конечно, соответствует действительности.

– И следовательно, привлекателен для леди Брейсли. Или, по крайней мере, считается таковым.

– Может, вы и правы. Она, насколько я знаю, живет в моем отеле. Я слышал ее имя у стойки портье.

– Ее племянник, мистер Дорн, гостит у нее.

– Удачливый молодой человек! Возможно. Кстати, сколько стоят эти прогулки?

– По высшему разряду, а стало быть, чрезмерно дорого. Я бы сказал, до абсурда, но, как видите, отклик Мейлер нашел. Остается надеяться, что клиенты останутся довольны.

– В любом случае вы дали мне возможность составить собственное мнение. Я вам крайне обязан.

– Ну что вы! Итак, – проговорил бойкий синьор Паче, – давайте дополним наш список. Он весело придвинул его к себе и сделал внизу приписку.

– Видите! – с игривым торжеством воскликнул он. – Я все помню! Звание! Написание фамилии!

– Если вы не против, забудем о звании и написании.

Посетитель зачеркнул слово «суперинтендант», чтобы дополнение выглядело так: Р. Аллейн, Лондон.

Глава 3. Суббота, двадцать шестое

I

С самого начала стало ясно, почему мистер Себастьян Мейлер заломил такую баснословную цену за свои экспедиции.

В три тридцать пополудни две роскошных «ланчии» подъехали к месту встречи у церкви Святой Троицы, а значит, в непосредственной близости от отеля, где проживали трое из клиентов мистера Мейлера.

Отсюда семеро гостей увидели перед собой апрельские азалии, ярко полыхавшие на Испанской лестнице, и Рим, внезапно открывшийся перед ними неоглядной панорамой.

Аллейн пришел раньше назначенного времени и видел, как подъехали автомобили. На лобовом стекле у них были маленькие таблички: «Чичероне». Из одного автомобиля вышел темноволосый импозантный мужчина, в котором Аллейн сразу же узнал Барнаби Гранта, а из другого появился человек, ради которого он и пришел: Себастьян Мейлер. Со времени своей последней встречи с Барнаби Грантом он приделся и щеголял в костюме, возможно, из шерсти альпака. В сочетании с неуклюжими черными туфлями он придавал ему какой-то сомнительно-клерикальный вид, и Аллейну пришел на ум Корво¹⁶, и подумалось, не окажется ли этот человек еще одним таким деятелем. Белая шелковая рубашка была чистой, а черный галстук-бабочка выглядел новым. В этот раз Мейлер прикрыл свою стриженую голову черным беретом и больше не походил на англичанина.

Аллейн держался в стороне, среди туристов, которые толклись вокруг и фотографировались. Он обратил внимание, что Себастьян Мейлер говорил оживленно, с полуулыбкой, а Грант отвечал скупой или вообще отмалчивался. Он стоял к Аллейну спиной, и его затылок, казалось, источал негодование. «Похож, – подумал Аллейн, – на затылок человека, который обучается вождению. Скованного, сердитого и полного страха».

К автомобилям подошла молодая женщина, заметила Мейлера и направилась к нему. От девушки исходило какое-то сияние. Мисс Софи Джейсон, отметил про себя Аллейн. Он видел, как она быстро глянула на Барнаби Гранта. Мейлер слегка потянул себя за берет, чуть поклонился и представил ее. Держалась девушка застенчиво, но отнюдь не неловко: на самом деле, с большим обаянием. Тем не менее она сказала Гранту что-то смутившее его. Он недовольно взглянул на девушку, очень коротко ответил и отвернулся. Девушка мучительно покраснела.

Эта краткая и выразительная сцена была прервана прибытием двух, можно сказать, великанов, обвешанных холщовыми сумками и дорогими камерами, – мужчины и женщины. Ван дер Вегели, заключил Аллейн и, как и Барнаби Грант прежде, поразился их схожести друг с другом и странно архаичным лицам. Они были одеты хорошо, но немодно: лен, громадные туфли на толстой каучуковой подошве и холщовые пиджаки. На головах – благоразумно широкополые шляпы, на глазах – одинаковые солнцезащитные очки в розовой оправе. Пара горячо поздоровалась, и видно было, что они встречались с Грантом раньше. «Почему у вас такие большие руки и ноги, барон и баронесса?» – подумал Аллейн.

Леди Брейсли и ее племянник все еще не появились. Без сомнения, как раз в их духе заставлять ждать всю группу. Аллейн решил, что настало время ему появиться, и так и поступил, держа в руке билет.

¹⁶ Барон Корво – псевдоним английского поэта, прозаика, переводчика Фредерика Уильяма Рольфа (1860–1913).

Голос у Мейлера оказался как раз таким, как и предполагал Аллейн: довольно певучий, как флейта, и не очень низкий. Неважный цвет лица, легкая дрожь в руках. Но играл он свою роль с большим мастерством: нужная степень учтивости и уверенности в себе, дающая основание предполагать, что все пройдет на высочайшем уровне.

– Как я рад, что вы присоединились к нам, мистер Аллейн, – приветствовал Себастьян Мейлер. – Прошу познакомиться с остальными. Могу я представить...

Барон и баронесса поздоровались сердечно. Грант посмотрел на него пристально, кивнул, похоже, с неловким сочетанием неохоты и хороших манер и спросил, хорошо ли он знает Рим.

– В сущности, совсем не знаю, – ответил Аллейн. – Я приезжал всегда на три-четыре дня и заядлым туристом не являюсь.

– Нет?

– Нет. Я хочу, чтобы все происходило само собой, и, боюсь, в ожидании этого просиживаю слишком много времени за столиком в кафе, и ничего, разумеется, не происходит. Но кто знает? В ближайшие дни небеса могут разверзнуться, и на меня обрушится большая драма.

Позднее Аллейн считал эту фразу самой удачной за всю свою карьеру. Но в тот момент он был просто поражен странной реакцией на нее Барнаби Гранта. Писатель переменился в лице, бросил на Аллейна полный тревоги взгляд, открыл рот, закрыл его и наконец, абсолютно безо всякого выражения произнес: «О».

– Но сегодня, – продолжал Аллейн, – я надеюсь улучшить свое состояние. Мы, случайно, не посетим какое-нибудь из мест, связанных с вашим Саймоном? Это было бы очень славно.

Снова Грант как будто хотел заговорить и снова заколебался. После явно неловкой паузы он сказал:

– На этот счет есть кое-какие мысли. Мейлер объяснит. Прошу меня извинить.

Он отвернулся. «Ладно, – подумал Аллейн. – Но если тебе так все это ненавистно, какого черта ты в этом участвуешь?»

Он перешел к Софи Джейсон, стоявшей в сторонке и, похоже, обрадовавшейся его компании. Мы все слишком стары для нее, подумал Аллейн. Возможно, нужным требованиям удовлетворит племянник леди Брейсли, но сомнительно. Он вовлек Софи в разговор и отметил, что это милая, умная девушка, щедро наделенная обаянием. Она отлично смотрелась на фоне азалий, Рима и великолепного неба.

Очень скоро Софи уже рассказывала Аллейну о своей подруге, внезапно потерявшей отца, о том, что она впервые в Риме, о счастливой случайности с освободившимся местом и, наконец, о своей работе. Просто поразительно, вдруг подумала Софи, как много она поверяет этому спокойному и внимательному незнакомцу. И почувствовала, что краснеет.

– Не представляю, почему я все вам выкладываю! – воскликнула она.

– Это вы делаете мне одолжение, беседуя со мной, – успокоил ее Аллейн. – Только что меня не сказать чтобы оттолкнул, но слегка отодвинул почетный гость.

– Не сравнить с тем, как он меня отшил! – одними губами проговорила Софи. – Мне до сих пор не по себе.

– Но... разве он не один из авторов вашего издателя?

– Он наша большая двустолка. Глупо было напоминать ему, что мой начальник нас знакомил. Можно подумать, я ему яду предложила.

– Как это странно с его стороны.

– Очень похоже на пощечину. Раньше он казался таким мягким и приветливым, и в нашей конторе его считают милым человеком. А мы не запаздываем с началом? Мистер Мейлер поглядывает на часы.

– Майор Свит опаздывает на двадцать минут, и леди Брейсли, и distinguished Кеннет Дорн тоже. Они живут в... – Он замолчал. – А вот, по-моему, и они.

И действительно, они подошли, и мистер Мейлер, сняв берет, с торжественным видом шагнул им навстречу.

Аллейну стало интересно первое впечатление о них Софи Джейсон. Несмотря на всю ее манеру держаться и очевидный ум, он сомневался, что она когда-либо встречалась с людьми, подобными Соне Брейсли. О Соне Брейсли Аллейн знал очень многое. Свою жизнь она начала как distinguished Соня Дорн и была дочерью пивного магната, дети которого в общем и целом закончили катастрофически. Много лет назад Аллейну довелось встретиться с ней, когда он навещал своего старшего брата Джорджа, посла, в одной из его служебных резиденций. Уже тогда эта женщина обладала, по выражению брата Аллейна, которого тот снисходительно считал тем еще ослом, «определенной репутацией». С течением времени репутация эта упрочилась.

– Она испытала все, – важно съязвил сэр Джордж, – кроме нужды.

При взгляде на нее теперь в это легко было поверить. Ее выдают ноги, подумал Аллейн. Больше, чем ненадежная маска лица, или дряблые подмышки, или предательская шея. Все дело в ногах. Хотя чулки обтягивали их плотно, как кожа, казалось, что они сейчас обвиснут на этих хрупких, длинных и тощих ногах, а уж как неуверенно держала она равновесие, вышагивая в золотистых сандалиях из лайки. Все дело в ногах.

Но и лицо не слишком радовало. Даже если отвлечься от кругов под глазами и самих глаз, оставался ужасно вялый рот. Накрашенный модной бледной помадой, он с таким же успехом мог быть алым: рот престарелой менады¹⁷.

Племянник обладал отдаленным сходством с ней. Аллейн вспомнил, что его отец, второй лорд Дорн, быстро развелся с двумя первыми женами и что третью – мать Кеннета, – как выразился Джордж, «изолировали». Не очень-то веселое начало, с сочувствием подумал Аллейн и прикинул: могло бы хоть сколько-то помочь Кеннету Дорну старое средство – «живи на фунт в день и заработай его»?

Пока они приближались, Аллейн заметил, что молодой человек смотрел на Мейлера со смесью, кажется, тревоги, хитрости и, возможно, подострастия. Он был беспокойным, изжелта-бледным, лоб покрыт испариной. Когда Мейлер представил Дорна и тот протянул, здороваясь, руку, ладонь оказалась холодной, влажной и дрожащей. На плече у него, довольно неожиданно, висела фотокамера.

Его тетка тоже пожала Аллейну руку. Ее обтянутые замшевыми перчатками пальцы сжались, мгновение оставались в этом положении и медленно разомкнулись. Леди Брейсли пристально посмотрела Аллейну в глаза. Значит, она по-прежнему, ужаснулся он, пытается соблазнять мужчин.

– Как весело, не правда ли? – произнесла она. Голос у нее был красивый.

Рядом с ней возник Мейлер, ведущий за собой Гранта.

– Леди Брейсли, могу я вам представить? Наш почетный гость – мистер Барнаби Грант. Она улыбнулась:

– Вам известно, что вы – единственная причина, по которой я попала в эту компанию? Даже с помощью табуна диких лошадей Кеннет не затащил бы меня осматривать достопримечательности в такой отвратительный час. Вы моя «достопримечательность».

– Не знаю, что на это и ответить, – быстро произнес Грант. – Разве что, я уверен, церковь Сан-Томмазо в Палларии вознаградит вас гораздо больше.

– Мы туда едем? На *руины*? – осведомилась она, широко распахнув глаза и растягивая слова. – Не могу выразить, как я ненавижу ру-и-ны.

¹⁷ В древнеримской мифологии – жрица Вакха, в переносном значении чувственная, сладострастная женщина.

Последовала, возможно, секундная пауза, а затем Грант пояснил:

– Это не совсем руины. Это... что ж, вы увидите, когда мы туда доберемся.

– Они фигурируют в вашей книге? Я прочла вашу книгу – ту, про Саймона, – а это большой комплимент, если бы вы только знали, потому что вы пишете книги совсем не в моем вкусе. Не обижайтесь. Эта мне очень понравилась, хотя я так и не поняла, о чем она. Вы мне объясните. Кеннет пытался, правда, дорогой, но у него получилось еще более запутанно, чем в книге. Мистер Аллейн, идите сюда и скажите мне... вы читали последнюю вещь Барнаби Гранта, и если читали, поняли, о чем она?

От необходимости ответить Аллейна спасло вмешательство Себастьяна Мейлера, который с лихорадочным возбуждением попытался пошутить, но его стараний не оценили. Когда он игриво проговорил: «Леди Брейсли, как это нехорошо с вашей стороны. Я совершенно уверен, что от вас не ускользнула последняя деликатная подробность “Саймона в Лации”», она лишь откликнулась: «Что?» – и отошла, прежде чем Мейлер успел ответить ей.

К знакомству с бароном и баронессой леди Брейсли отнеслась рассеянно.

– Разве не пора ехать? – обратилась она к Аллейну и Гранту. – Вам что, нравится здесь торчать? Какая скука, вы не находите? Кого нет?

В ответ на этот холодно заданный вопрос Себастьян Мейлер объяснил, что майор Свит присоединится к ним в базилике, и далее изложил программу на вечер. Они объедут вокруг Колизея и Форума, а затем посетят базилику Сан-Томмазо в Палларии, где, как все они знают, разворачивается действие главной сцены чрезвычайно успешного романа мистера Барнаби Гранта «Саймон в Лации». Он уговорил знаменитого писателя сказать несколько слов о базилике в связи с его книгой, на создание которой эта церковь во многом его вдохновила.

Во время этой речи Барнаби Грант, как заметил Аллейн, испытывал самую мучительную неловкость. Он уставился в землю, ссутулился, порывался уйти, но по ему одному известной причине с самым несчастным видом оставался на месте.

Мистер Мейлер закончил на том, что, поскольку день восхитительно мягкий, завершат они его чайным пикником на Палатинском холме. Затем гостей развезут по гостиницам, чтобы они отдохнули и переоделись к ужину, и заберут в девять часов.

Теперь он распределил гостей по машинам. Он, леди Брейсли, Аллейн и Барнаби Грант поедут в одном автомобиле, Ван дер Вегели, Софи Джейсон и Кеннет Дорн – в другом. Представил водителя второй машины.

– Джованни хорошо говорит по-английски, – сообщил мистер Мейлер, – и знаток истории. По дороге он расскажет вам о достопримечательностях. Итак, дамы и господа, – пригласил мистер Мейлер, – пора в дорогу. Pronto!¹⁸

II

Четыре арки крыльца церкви Сан-Томмазо в Палларии имеют скромные пропорции, их стройные колонны, украшавшие в античные времена какой-нибудь языческий храм, несут на себе следы времени. Завитки, которыми покрыл их ваятель, во многих местах отвалились, но они настолько нежны и изящны, что кажется, будто камень трепещет. В самом затененном уголке крыльца сидела женщина с лотком открыток: надвинутый на лицо черный головной платок, сама одета в черное хлопчатобумажное платье. Она что-то выкрикнула – очень резко, кажется, мистеру Мейлеру. Хотя ее слова походили на брань, Мейлер не обратил на нее никакого внимания.

Он собрал свою группу вокруг себя и взглянул на часы.

¹⁸ Здесь: не будем мешкать! (итал.)

– Майор Свит опаздывает, – сказал он. – Не станем его ждать, но, прежде чем мы войдем внутрь, мне бы хотелось дать вам короткое представление об этом необыкновенном памятнике. В четвертом веке до Рождества Христова...

Из темного внутреннего пространства выскочил разъяренный господин.

– Самый натуральный, гнусный обман! – кричал он. – Какого черта... – Он резко остановился, увидев группу, и прищурил метавшие молнии глаза, разглядывая собравшихся.

У него были жесткие седые усы, и он походил на невероятным образом ожившего воина эдвардианской эпохи¹⁹.

– Вы Мейлер? – гаркнул он. – Свит, – добавил господин в качестве объяснения.

– Майор Свит, позвольте мне...

– Вы опоздали на сорок три минуты. На сорок три минуты!

– К сожалению...

– Избавьте меня, – взмолился майор Свит, – от лицемерных оправданий. Непунктуальность ничем не оправдать.

– Это *целиком* моя вина, майор, – вступила в разговор леди Брейсли. – Я заставила всех ждать, и оправданий у меня нет: у меня никогда их нет, и я всегда так поступаю. Осмелюсь сказать, вы назвали бы это «дамской привилегией», не так ли? Или нет?

На две или три секунды майор Свит задержал гневный взгляд своих голубых глаз на леди Брейсли. Затем рявкнул: «Как поживаете?» – и, похоже, стал ждать развития событий.

Проявляя идеальную учтивость, мистер Мейлер представил собравшихся майору Свиту. Тот слегка поклонился дамам и что-то буркнул мужчинам.

– Итак, – сказал мистер Мейлер, – вернемся к нашей теме. Когда мы войдем в базилику, я передам вас нашему выдающемуся почетному гостю. Но прежде, возможно, вам не помешает краткая историческая справка.

Софи нехотя признала, что он лаконичен и компетентен. Базилика Сан-Томмазо, рассказывал Мейлер, принадлежит к группе памятников Рима, в которых посетители могут спуститься вниз сквозь века в эпоху митраистского культа. Здесь, на верхнем уровне, где они сейчас стояли, находилась базилика двенадцатого века, построенная на месте раскопанной церкви третьего века.

– А под ней – только представьте, – сказал мистер Мейлер, – лежит, спящий более восемнадцати столетий дом эпохи Флавиев²⁰ – классическая «резиденция джентльмена» с собственным храмом, посвященным богу Митре.

Он помолчал, и Софи, хотя она смотрела на него с глубочайшей неприязнью, подумала: «Ему интересно то, о чем он говорит. Он знает свое дело. Он получает от этого удовольствие».

Мистер Мейлер продолжал, коротко описав грандиозную работу археологов девятнадцатого века, которые раскопали первую, более раннюю базилику, а затем, глубоко под ней, – языческое домовладение.

– С тех времен Рим поднялся примерно на шестьдесят футов, – закончил он. – Вас это не поражает? Меня поражает всякий раз, когда я об этом подумаю.

– А меня – нет, – объявил майор Свит. – Меня ничто не поражает. Кроме человеческого легковерия, – мрачно добавил он. – Однако!

Мистер Мейлер с беспокойством глянул на него. Софи подавила смешок и поймала взгляд Барнаби Гранта, в котором светилось что-то вроде признательности. Леди Брейсли, не обращая внимания на сказанное, переводила опустошенный взгляд с одного мужского лица на другое. Стоявшие бок о бок Ван дер Вегели внимательно слушали. Кеннет Дорн,

¹⁹ Период правления короля Эдуарда VII с 1901 по 1910 год.

²⁰ 69–96 гг., время очень оживленного строительства.

заметила Софи, не находил себе места и казался озабоченным. Он переминался с ноги на ногу и вытирал лицо носовым платком. А высокий мужчина, как же его зовут – Аллейн? – с вежливым вниманием слушал, стоя немного в стороне, и, подумалось Софи, ничего не упускал.

– Итак, – объявил мистер Мейлер, – начнем наше путешествие в прошлое!

Женщина с открытками незаметно встала между группой и входом. Лица, затененного черным платком, она не поднимала. И почти неслышно бормотала: «Cartoline? Открытка для почта?», продвигаясь к Себастьяну Мейлеру.

– Внутри есть получше. – громко объявил он группе. – Не обращайтесь внимания. – И шагнул вперед, минуя женщину.

С необыкновенной быстротой она сдвинула платок на затылок и прошептала в самое лицо Мейлеру: «Brutto! Farabutto! Traditore!»²¹ – и добавила, кажется, поток ругательств. Глаза ее горели. Губы растянулись в улыбке, а затем сжались. Сейчас она плюнет ему в лицо, в тревоге подумала Софи, и женщина так и сделала, но мистера Мейлера не так-то просто было застать врасплох. Он увернулся, и она плюнула ему вслед и осталась стоять на своем месте с видом мегеры из большой оперы. Она даже издала хриплый жуткий смешок. Мистер Мейлер вошел в базилику. Его смущенное стадо разделилось, обходя продавщицу открыток, и проскользнуло вслед за ним.

– Кеннет, дорогой, – пробормотала леди Брейсли. – В самом деле! Это не назовешь веселым маленьким путешествием!

Софи оказалась между Барнаби Грантом и Аллейном.

– Эту особу привлекли, – поинтересовался Аллейн у Гранта, – для дополнительного колорита? Она постоянно так делает или это эффектная случайность?

– Я ничего о ней не знаю, – сказал Грант. – Ненормальная, наверное. Противная старая ведьма, правда?

И Софи подумала: «Да, но на вопрос он не ответил».

Она обратилась к Аллейну:

– Вы полагаете, что весь этот переполох, в переводе на англосаксонский темперамент, означает не больше прохладного взгляда и вздоха сквозь зубы?

Грант посмотрел на нее из-за Аллейна и с некоторым пылом произнес:

– Пожалуй! Нужно делать скидку на их склонность к драме.

– Довольно-таки чрезмерную в данном случае, – холодно отозвалась Софи, мысленно платя резким замечанием за ту отповедь при встрече у Испанской лестницы.

Грант передвинулся к ней и поспешно сказал:

– Я теперь знаю, кто вы. Только сейчас вспомнил. Мы встречались в «Костер-пресс», не так ли?

«Костер-пресс» было названием его лондонского издательства.

– Всего на минуту, – ответила Софи и тут же воскликнула: – О, как же здесь красиво!

Они стояли в базилике.

Ее интерьер ослепительно сиял, словно сам излучал свет. Базилика сверкала красками: «средиземноморский» красный, чистый розовый, голубой и зеленый; мрамор цвета слоновой кости и пунцовый: мерцающая золотая мозаика. И господствующий в этом состязании цветов великолепный ярко-алый – живой фон римских и помпейских фресок.

Отделившись от группы, Софи с удовольствием любовалась этим очарованием. Оставленный с Аллейном Грант вдруг подошел к ней.

– Мне нужно об этом поговорить, – пробормотал он. – Видит Бог, как мне этого не хочется.

²¹ Негодяй! Мошенник! Предатель! (*итал.*)

Софи коротко глянула на него.

– Тогда зачем это делать? – поинтересовалась она.

– Вам кажется, что я играю. Простите.

– На самом деле, какая разница, о чем я думаю.

– Вам совсем не обязательно быть такой резкой.

Они в изумлении уставились друг на друга.

– Я ничего не понимаю, – неожиданно произнес Грант. – Я вас не знаю.

И Софи в панике отозвалась, запинаясь:

– Ничего страшного. Это меня не касается. Мне жаль, что я резко вам ответила.

– Ну что вы.

– А теперь, – пропел Себастьян Мейлер, – я передаю слово моему прославленному коллеге – мистеру Гранту.

Грант с чрезвычайно сердитым видом слегка поклонился Софи и встал лицом к своей аудитории.

Начав рассказ, он тоже выполнял свои обязанности хорошо и с большим обаянием, какого был лишен мистер Мейлер. Во всяком случае, признала Софи, Грант намного приятнее. Его угловатое лицо было по-настоящему красиво вылеплено и обладало поистине средневековой чеканностью, которая прекрасно вписывалась в окружающую обстановку. Грант провел их в глубь сияющей церкви. Там находились еще две-три группы туристов, но по сравнению с потоком в самых знаменитых местах здесь посетителей было мало.

Грант объяснил, что даже на этом, самом последнем из трех уровней церкви Сан-Томмазо последовательность времен представлена очень богато. Когда в двенадцатом веке старинную церковь внизу засыпали, ее сокровища, включая предметы из языческого домовладения под нею, перенесли в эту новую базилику, поэтому теперь античные, средневековые и ренессансные работы смешались.

– Они давно уже дружат, – сказал Грант, – и сблизилась в процессе. Вы можете видеть, как хорошо они друг с другом сочетаются.

– Это случается и на домашнем уровне, – заметил Аллейн, – вам не кажется? В домах, которые в течение многих поколений принадлежат одной семье? Своего рода созвучие различий.

– Совершенно верно, – согласился Грант, быстро глянув на Аллейна. – Пройдемте дальше.

Волна аромата возвестила о появлении рядом с Аллейном леди Брейсли.

– Как великолепно вы это выразили, – пробормотала она. – Как вы умны.

Ее худая ладонь в лайковой перчатке коснулась его руки. Склонив голову, леди Брейсли смотрела на Аллейна. Наблюдавшей за ними Софи показалось, что на его лицо будто упал занавес, и действительно, на Аллейна накатил волна отвращения, жалости и ощущение безысходности. «Будь я проклят, – подумал он, – если стану добычей этой дамы».

С другой стороны к леди Брейсли подошел Себастьян Мейлер, что-то пробормотав. Снова говорил Грант. Ладонь покинула руку Аллейна, и парочка, развернувшись, скрылась из поля зрения за стыком двух пилястров. Интересно, пришел ли Мейлер ему на выручку, размышлял Аллейн, или ему просто нужно сообщить леди Брейсли нечто конфиденциальное?

Грант провел свою группу в центр нефа мимо отгороженной *schola cantorum*²², рассказывая, думала Софи, не слишком много и не слишком мало, но все – хорошо. Сама она в изумлении взидала на золотую мозаику, покрывавшую вогнутую внутреннюю поверхность апсиды. Акант и лоза нежно переплетались, включая маленькие группки простых людей,

²² Певческая школа (лат.).

занимавшихся своими средневековыми делами. Крест, каким бы господствующим он ни был, выросал, казалось, из какого-то дохристианского древа.

– Об апсиде я ничего не скажу, – заметил Грант. – Она говорит сама за себя.

Снова появились Мейлер и леди Брейсли. Она села на скамью на клиросе, и то ли из-за случайного освещения, то ли из-за одолевшего ее изнеможения, которое неожиданно наваливается на старых людей, выглядела так, будто еще больше усохла за своим ненадежным фасадом. Но только всего на мгновение. Она выпрямила спину и поманила племянника, который беспокойно топтался с краю группы, проявляя и внимание, и нетерпение. Он подошел к тетке, и они пошептались, он – зевая и ерзая, она – с явным возбуждением.

Компания стала обходить базилику. Ван дер Вегели фотографировали и задавали массу вопросов. О римских древностях они знали очень много. Теперь барон с лукавым видом начал расспрашивать о конкретных подробностях, весьма живо отображенных в романе Гранта. Не стоят ли они в эту самую минуту на том месте, где собрались персонажи? Нельзя ли в точности пройти по пути, которым они следовали во время той чудесной кульминационной сцены?

– О-о-о-ах! – восторженно вскричала баронесса. – Это будет так захватывающе! Да?

Грант отреагировал на ее мольбу так же, как и на предыдущие разговоры: со сдерживаемым отвращением. Резко глянул по очереди на Софи и Аллейна, метнул на Себастьяна Мейлера взгляд, полный, пожалуй, неподдельной ненависти, и смущенно заметил, что автор редко в точных деталях воспроизводит действительную мизансцену, не больше чем использует подлинный человеческий материал.

– Я не хочу сказать, что не отталкивался от Сан-Томмазо, – обратился он к Софи. – Разумеется, отталкивался. Но я дал церкви другое название и изменил ее в соответствии со своим замыслом.

– Поскольку вы имели полное право так поступить, – дерзко вставила Софи, и Аллейн подумал, что на мгновение эту пару объединила общая сфера деятельности.

– Да, но все же покажите нам, – попросила леди Брейсли. – Не будьте гадким. Покажите нам. Вы обещали. Вы же знаете, что обещали.

– Разве мы не для этого пришли? – поддержал ее Кеннет Дорн. – Или нет? Я думал, что вы и есть главная достопримечательность.

Он приблизился к Гранту и встал, приняв элегантную позу – левую руку вытянул вдоль перегородки певческой школы, а правой – подбоченился. Поза была не вульгарной, но все равно откровенной, и по крайней мере с одной стороны Кеннет теперь раскрылся. Он посмотрел на Гранта, чуть расширив глаза.

– Разве это не распродажа? – спросил он. – Или я что-то напутал? Или я просто дерзко себя веду?

У майора Свита вырвалось, мгновенно подавленное, яростное ругательство.

– Прощу прощения! – выкрикнул он и со злостью уставился на фреску с изображением неразумных дев²³.

– О боже, – проговорил Кеннет, по-прежнему обращаясь к Гранту. – Теперь рассердился майор. Что я такого сказал?

Он снова зевнул и промокнул лицо носовым платком. Грант окинул его понимающим взглядом.

– Ничего особенного, – коротко ответил он и отошел в сторону.

В образовавшуюся брешь устремился мистер Мейлер.

– Вот озорник! – бросил он Кеннету, а затем, оправдывая Гранта в глазах своих обескураженных клиентов, сказал, что тот невероятно скромн.

²³ Пять дев, не попавшие на брачный пир, из притчи о десяти девах (см. Евангелие от Матфея, гл. 25, стихи 1–13).

Леди Брейсли, как и Ван дер Вегели, горячо поддержала это мнение. Оборвав их громкие восторги, Грант с огромным усилием, как показалось Аллейну, принял живой и деловой тон и возобновил свое выступление.

– Разумеется, – сказал он, – если вы действительно хотите увидеть места, которые соотносятся с книгой, я с удовольствием их вам укажу. Хотя, думаю, если вы ее читали, то они сами со всей очевидностью заявляют о себе. Например, в боковом нефе справа находится картина, которой так восхищался Саймон, да и, позволю добавить, я сам. «Сомнение святого Фомы» кисти Мазолино да Паникале. Посмотрите на этот розовый цвет и «помпейский» красный.

– Классно! – нервно бросил Кеннет. – Чистая психоделика, а?

Грант проигнорировал его слова.

– Он так сомневается, – обратился он к Софи, – вы видите? Голова склонена набок, губы поджаты, а эти напряженные пальцы! Как хорошо, что та громадная больница в Лондоне названа его именем – он до мозга костей ученый, как вам кажется?

Себастьян Мейлер пронзительно хихикнул с одобрением, возможно, от удивления.

– Пока мы находимся в этом приделе базилики, – продолжил Грант, проведя группу немного вперед, – вам, возможно, захочется увидеть то, что, боюсь, я целиком вставил в свою книгу.

Он показал им огороженное перилами место размером примерно шесть футов на три. Тут же послышались возгласы узнавания.

Внутри ограды находилось открытое прямоугольное отверстие, похожее на колодец. К перилам была прикреплена табличка, на пяти языках гласившая, что взбираться на них строго запрещено.

– Прислушайтесь, – призвал Грант. – Слышите?

Они замерли. В тишину вплетались отдельные голоса других туристов, ходивших по базилике, голос гида в атриуме, шаги по мрамору и отдаленный гул римских улиц.

– Прислушайтесь, – повторил Грант, и некоторое время спустя снизу, из-под их ног, поднялся едва слышный поначалу, но вскоре заявивший о себе звук текущей воды, ровный, бормочущий голос, сложный и непрерывный.

– Большая клоака? – требовательно осведомился майор.

– Текущий в нее чистый поток, – ответил Грант. – На глубине более шестидесяти футов под нами. Если вы перегнетесь через перила, то сможете увидеть, что непосредственно под этим отверстием есть такое же другое, в полу более ранней церкви. А еще на тридцать футов глубже, неразличимое для нас, если только не посветить фонариком, находится третье отверстие, а уж еще дальше *под ним*, если опустить фонарик, можно увидеть поток, который мы слышим. Возможно, вы помните, что именно отсюда Саймон бросил вниз камешек и тот сквозь века упал в скрытые воды.

Ван дер Вегели разразились возбужденными комментариями.

Грант, с теплотой сообщили они ему, вывел в своей книге целый комплекс образов, основываясь на этом волнующем феномене.

– По мере все более глубокого проникновения в суть личности Саймона... – все не унимались они, разъясняя произведение его автору.

Аллейн, который романом восхищался, подумал, что они, вероятно, правы, но чересчур настойчиво вторгаются, по существу, в деликатный мыслительный процесс.

Грант весьма успешно скрывал какое бы то ни было смущение. Внезапно барон и баронесса одновременно рассмеялись и стали громко извиняться. Какая нелепость! Какая дерзость! Что это, в самом деле, на них нашло!

На протяжении всего этого инцидента майор Свит разглядывал Ван дер Вегелей, подняв брови и слегка ворча. Софи, подавляя нестерпимое желание захихикать, обнаружила,

что за ней наблюдают Аллейн и Грант, а леди Брейсли переводила безжизненный взгляд своих огромных глаз с одного мужчины на другого, готовая поддержать любое настроение, какое сможет уловить.

Очень сильно перегнувшийся через перила Кеннет вглядывался в глубину.

– Я смотрю вниз сквозь века, – заявил он. Его голос искажался, будто при разговоре в громадный мегафон. – Бум! Бум! – крикнул он, и далеко внизу отозвалось эхо. – Там внизу призрак, клянусь, – грянул Кеннет, а потом: – О боже! – Он выпрямился, и все увидели, что он болезненно побледнел. – Я забыл, у меня аллергия на высоту. Какое отвратительное место!

– Пойдем дальше? – спросил Грант.

Себастьян Мейлер повел их в притвор храма, где находился обычный магазин, торговавший открытками, безделушками и цветными слайдами. Здесь он предъявил входные билеты для посещения нижних отделов церкви Сан-Томмазо.

III

Первый спуск представлял собой два пролета каменных ступеней с площадкой между ними. Воздух был свежий, сухой и пахнул только камнем. На площадке висела карта подземных помещений, и Мейлер указал на нее:

– Еще одна есть внизу. Попозже кто-нибудь из вас захочет там побродить. Заблудиться вы никак не сможете, а если вам все же покажется, что вы заблудились, поднимайтесь вверх по любой лестнице, которая вам попадется, и рано или поздно вы окажетесь здесь. Очень красивые, правда?

Он привлек их внимание к двум очаровательным колоннам, покрытым, словно кружевом, резными побегими вьюнка.

– Языческие, – проворковал мистер Мейлер, – восхитительно языческие. Извлеченные оттуда, где так гармонично смотрелись – из дома эпохи Флавиев внизу, старательными служителями Ватикана. На присвоение церковью разного имущества можно посмотреть со многих и разных точек зрения, не так ли?

Майор Свит изумил своих спутников согласным и одобрительным фырканьем.

Мистер Мейлер улыбнулся и продолжил:

– Прежде чем мы спустимся... оглянитесь, дамы и господа, назад.

Они обернулись. В двух нишах в стене позади них стояли терракотовые статуи: одна изображала мужчину, курчавого и улыбающегося, другая – высокую женщину с поврежденным ребенком на руках. Они были великолепно подсвечены снизу и, казалось, внезапно ожили в этот момент.

– Считается, что это Аполлон, – сказал мистер Мейлер, – и, предположительно, Афина. Разумеется, этрусские. Но эти архаичные улыбки – греческие. Греки, знаете ли, презирали этрусков за их жестокость в сражениях, и кое-кто усматривает жестокость в этих перенесенных на этрусские рты улыбках. – Он повернулся к Гранту: – Вы, мне кажется... – начал он и умолк. Грант пристально смотрел на Ван дер Вегелей с напряжением, которое передалось остальным.

Супруги стояли бок о бок, любуясь статуями. Уже подмеченная Грантом схожесть этой пары с этрусской терракотовой скульптурой с Виллы Джулия потрясающим образом проявилась здесь. Их лица казались зеркалами, в которых Аполлон и Афина улыбались своему отражению. Острые уголки улыбающихся губ, выпуклые глаза и та почти сверхъестественная живость – все вместе, подумал Аллейн.

Очевидно было, что вся компания поражена этим сходством, за исключением, возможно, леди Брейсли, которую Ван дер Вегели не интересовали. Но никто не отважился

сказать об этом вслух, кроме Себастьяна Мейлера, который со странной ухмылкой пробормотал как бы про себя:

– Очень интересно. Оба.

Ван дер Вегели, возившиеся с камерами, кажется, не услышали его, да и никто из остальных, почти не сомневался Аллейн. Барнаби Грант уже вел их вниз по лестнице в церковь, которая в течение полутора тысяч лет была погребена под землей.

При ее раскопках были сооружены несколько стен, арок и колонн, чтобы поддержать новую базилику над ней. Сейчас древняя церковь, если не считать оригинальной апсиды, представляла собой сочетание низких и узких проходов, густых теней и эха. Всякий раз, когда группа замолкала, явственно слышался шум подземного потока. Через определенные промежутки помещение умело подсвечивалось, так что из темноты выплывали странные лица с большими глазами: стенная роспись сохранилась в течение своего долгого сна благодаря плотно лежавшей земле.

– Воздух повредил им, – проговорил Барнаби Грант. – Они постепенно тускнеют.

– Им нравилось задышаться, – подал откуда-то сзади голос Себастьян Мейлер и тихонько хихикнул.

– Больше, чем мне, – заявила леди Брейсли. – Здесь внизу ужасно душно.

– Тут полно отдушин, – сказал майор Свит. – Воздух ощутимо свежий, леди Брейсли.

– Я так не думаю, – пожаловалась она. – Мне эта часть не так уж нравится, майор. Я, пожалуй, не хочу... – Она пронзительно вскрикнула.

Свернув за угол, они оказались лицом к лицу с обнаженным белым мужчиной, кудри которого венчала корона из листьев. У него были выпуклые, пристально смотревшие глаза и снова – уже знакомая улыбка. Он протягивал к ним правую руку.

– Тетя, дорогая, ну что ты, в самом деле! – воскликнул Кеннет. – Он великолепен. Кто это, Себ?

– Снова Аполлон. В митраистской мистерии Аполлон занимает одно из главных мест. Его подняли снизу во время недавних раскопок и украсили им этот коридор.

– Напыщенный вздор, черт бы его побрал, – буркнул майор Свит. Невозможно было понять, к какому лагерю он принадлежит.

Значит, Кеннет, заметил Аллейн, называет Мейлера «Себ». Быстро они спелись!

– А раскопки все еще ведутся? – спросил барон у Гранта, когда они двинулись дальше. – Этот Аполлон еще не восстал, когда ваш Саймон приходил в Сан-Томмазо? Его, стало быть, воздвигли недавно?

– Лазарь новых дней, – пропел мистер Мейлер. – Но насколько гораздо привлекательнее!

Где-то в темноте Кеннет эхом отозвался на его смешок.

Софи, шедшая между Аллейном и Грантом, прошептала: «Хоть бы они перестали», и Грант одобрительно поддакнул, с ним, похоже, согласился и майор Свит.

Они продолжали движение по крытой аркаде старой церкви.

Теперь уже барон Ван дер Вегель что-то задумал. Держа камеру наготове и мурлыча какой-то мотивчик, он повернул за угол и исчез в тени.

Мистер Мейлер же говорил безостановочно.

– Мы приближаемся к еще одному произведению этрусского искусства, – рассказывал он. – Считается, что это Меркурий. К нему попадаешь довольно внезапно, он слева.

Встреча получилась поистине внезапной. Меркурий стоял в глубокой нише, возможно, в начале забытого перехода. Освещен он был не так ярко, как Аполлон, но сияющая улыбка выделялась достаточно четко. Когда они подошли к нему, над плечом Меркурия поднялась вторая голова и глупо улыбнулась. Полыхнула, скрывая ее, вспышка, и эхом раскатился безудержный смех барона Ван дер Вегеля. Леди Брейсли снова заверещала.

– Это уже слишком! – кричала она. – Нет. Это уже слишком!

Но огромные Ван дер Вегели, развеселившись, едва ли не вприпрыжку устремились вперед. Майор Свит предал анафеме все розыгрыши, и компания двинулась дальше.

Шум подземного потока нарастал. Они повернули за очередной угол и вышли к другому огороженному колодцу. Грант пригласил их посмотреть вверх, и там, прямо над собой, они увидели нижнюю сторону того отверстия, в которое уже заглядывали в базилике.

– Но для чего они служили? – спросил майор Свит. – В чем смысл, Грант? – быстро добавил он, очевидно чтобы предотвратить любые комментарии мистера Мейлера.

– Возможно, – сказал Грант, – для отвода воды. Есть сведения, что на каком-то этапе раскопок просачивалась вода и даже случались наводнения.

– Ха, – вставил майор.

Баронесса наклонилась над ограждением, вглядываясь вниз.

– Геррит! – воскликнула она. – Посмотри-и-и! Там саркофаг! Где сидел и размышлял Саймон! – Ее голос, немного гнусавый, как у школьника, пробежался туда и обратно по всей шкале громкости. – Смотри! Внизу! Та-ам. – Вспышка камеры мужа на мгновение выхватила обширный зад жены, пока он весело подшучивал над баронессой. Она чересчур легкомысленно перегнулась через перила.

– Будь осторожна, дорогуша! – воскликнул муж. – Матильда! Не наклоняйся так! Подожди, пока мы спустимся.

Он оттянул ее от ограждения. Баронесса была очень возбуждена, и они вместе посмеялись.

Аллейн и Софи подошли к ограждению колодца и посмотрели вниз. Пространство внизу освещалось невидимым источником света, и ясно виднелся край саркофага. С высоты можно было рассмотреть каменную крышку, сплошь покрытую резьбой.

Пока они смотрели, по стене за саркофагом скользнула сильно искаженная тень, исчезла и снова появилась.

Софи вскрикнула:

– Смотрите! Это... это та женщина!

Но тень исчезла.

– Какая женщина? – спросил у нее за спиной Грант.

– Та, с шалью на голове. Продавщица открыток. Внизу.

– Вы ее видели? – быстро спросил мистер Мейлер.

– Я видела ее тень.

– Моя дорогая мисс Джейсон! Ее тень! В Риме тысячи женщин носят на голове платок, они отбросили бы такую же тень.

– Уверена, что нет. Я уверена, что это была она. Казалось, будто... будто... она хотела спрятаться.

– Я согласен, – подтвердил Аллейн.

– Уверяю вас, Виолетте не разрешено входить в базилику. Вы, без сомнения, видели тень кого-то из другой группы. А теперь... давайте последуем за мистером Грантом вниз, в храм Митры. Там есть что посмотреть.

Они завершили обход крытых галерей и вошли в переход, ведущий к винтовой металлической лестнице. Потолок здесь был ниже, а проход – уже. Грант и Мейлер показывали дорогу, остальные тянулись за ними. Маленькая процессия достигла верхней площадки лестницы, когда леди Брейсли вдруг объявила, что не может идти дальше.

– Мне ужасно жаль, – сказала она, – но я хочу вернуться. Боюсь, что вы слишком плохо обо мне подумаете, но я ни минуты не могу, не могу, *не могу* больше оставаться в этом жутком месте. Ты должен отвести меня назад, Кеннет. Я не знала, что это будет вот так. Я никогда не выносила закрытых помещений. Немедленно. Кеннет! Где ты? Кеннет!

Но его не было рядом. Голос леди Брейсли искаженным эхом пролетел по нишам и переходам.

– Куда он делся?! – в ужасе вскричала она, и эхо ответило: «делся... елся... елся».

Мейлер взял ее за руку.

– Все в порядке, леди Брейсли. Я вас уверяю. Все в полном порядке. Кеннет вернулся, чтобы сфотографировать Аполлона. Через пять минут я вам его найду. Не переживайте. Я наверняка встречу его по пути сюда.

– Я не стану его ждать. С чего это он вдруг принялся фотографировать? Я подарила ему камеру, которая стоит целое состояние, и он ею так и не пользовался. Не стану я его ждать, я уйду сейчас. Сейчас.

Барон и баронесса двумя исполинами нависли над нею, утешая. Она отмахнулась от них и направилась к Гранту, майору Свиту и Аллейну, стоявшим вместе.

– Прошу вас! Пожалуйста! – взмолилась она и, быстро оглядевшись, решительно вцепилась в майора. – Пожалуйста, уведите меня отсюда! – попросила она. – Очень вас прошу.

– Моя дорогая леди, – начал майор Свит тоном, более уместным при обращении «добрая женщина», – моя дорогая леди, для истерики нет причины. Да... ну, конечно, если вы настаиваете. Буду рад. Не сомневаюсь, – с надеждой добавил майор, – что по пути мы встретим вашего племянника.

Прильнув к майору, леди Брейсли обратилась к Гранту и Аллейну.

– Я знаю, что вы считаете меня неисправимой и глупой, – сказала она. – Ведь так?

– Нисколько, – вежливо ответил Аллейн, а Грант пробормотал что-то похожее на «клаустрофобия».

Мистер Мейлер сказал майору:

– Эта лестница переходит в другую и приводит в базилику. Если вы поведете леди Брейсли этим путем, то я вернусь, отыщу мистера Дорна и пошлю к ней.

– Он просто бесит меня. *Честно!* – воскликнула леди Брейсли.

– Может, вы хотите, чтобы с вами пошла я, леди Брейсли? – предложила Софи.

– О нет, – отозвалась та. – Нет. Благодарю. Вы слишком добры, но... – Она умолкла, по-прежнему не сводя глаз с Аллейна и Гранта. Ей требуется почетный эскорт, подумала Софи.

– Ну, – сердито буркнул майор Свит. – Мы идем?

Он повел даму к верхней площадке винтовой лестницы.

– Я вернусь, – крикнул он, – как только появится этот молодой человек. Надеюсь, он не заставит себя ждать.

– Вы продолжите экскурсию? – спросил мистер Мейлер у Гранта.

– Разумеется.

Грант, Аллейн и Софи ступили на лестницу, которая вела вниз. Слышен был цокот каблучков леди Брейсли по металлическим ступенькам и глухой стук грубых, с подковками башмаков майора Свита. Позади возбужденно перекрикивались Ван дер Вегели.

– Просто я не хочу, – пробасила баронесса, – пропустить хотя бы слово, дорогой, из того, что он может нам рассказать.

– Иди тогда! А я вас догоню. Хочу сделать еще один снимок Меркурия. Всего один! – крикнул барон.

Она согласилась и тут же упала где-то на железной лестнице. Муж баронессы издал испуганный вопль:

– Матильда! Ты упала.

– Да.

– Ты ушиблась.

– Нет. Я цела. Как смешно.

– Ну, иди тогда.

– Конечно.

Спираль лестницы сделала два или три витка вниз. Звук бегущей воды усилился. Они оказались у короткого прохода и, пройдя по нему, попали в подобие прихожей.

– Это инсула, – сказал Грант. – Можно назвать ее многоквартирным домом. Ее построили для римской семьи или семей приблизительно в середине первого века. Разумеется, они не были христианами. Через минуту вы увидите, как они поклонялись своему божеству. Идемте в триклиний, то есть в столовую. Которая одновременно является святилищем бога Митры, или митреумом.

Он провел их в похожую на пещеру комнату: выложенные мелким камнем сводчатые потолки, по сторонам, вдоль стен, массивные каменные скамьи, а в центре – алтарь.

– О митраистском культе вы знаете. Мне нет необходимости...

– Прошу вас! Пожалуйста, – взмолилась баронесса. – Мы очень хотим! Все! Пожалуйста!

Аллейн услышал, как Грант пробормотал себе под нос: «О господи!» – и увидел, как он посмотрел на Софи Джейсон, словно ища поддержки.

В душе Софи этот призыв отозвался волной тепла, смутившей ее.

– Только если он хочет, – промолвила она.

Но Грант, прикрыв на мгновение глаза, приступил к выполнению своей задачи. Баронесса, блестя глазами и сверкая зубами, впитывала каждое слово. Потом она протянула с мольбой руку и прошептала:

– Извините! Прошу меня простить. Но пропустить это – большая потеря для моего мужа. Я его зову.

Что она и сделала. Ее голос мог бы принадлежать самой Брунгильде²⁴. Барон без промедления проворно спустился вниз и, подчиняясь поднесенному к губам пальцу жены, немедленно приготовился слушать.

Грант поймал взгляд Софи, нахмурился, прикрыл на секунду глаза и прерывающимся голосом стал рассказывать о культе бога Митры. Это была, начал он, необычайно благородная религия, которая продолжала существовать, в буквальном смысле слова, под землей, когда другие языческие формы поклонения попали в христианском Риме под запрет.

– Бог Митра, – продолжал Грант, пусть и используя поначалу формальные фразы из путеводителя, но обращаясь настолько прямо к Софи, словно они были здесь одни, – бог Митра родился из скалы. Ему поклонялись во многих частях Древнего мира, включая Англию, и он, помимо всего, являлся и богом света. Отсюда его связь с Аполлоном, который приказал ему убить быка, бывшего символом плодородия. В этом ему помогали собака и змея, а вот скорпион обманул его и пролил бычью кровь, из которой было создано все живое. И таким образом человечество познакомилось со злом.

– Еще одно изгнание из рая? – спросила Софи.

– Вроде того. Странно, правда? Как будто чьи-то пальцы вслепую создают какую-то непостижимую базовую конструкцию.

– Проклятие человечества! – провозгласил майор Свит.

Он незамеченным воссоединился с группой и напугал их этой вспышкой.

– Религии, – заявил он, – вздор! Все они! Негодяи!

– Вы так считаете? – спокойно спросил Грант. – В целом Митра кажется не таким уж плохим. Его культ был мягким для того времени. Ему поклонялись в форме мистерии, и адепты проходили семь степеней посвящения. Процедура была сложной. Они проходили испытание ритуальным очищением, длительным воздержанием и суровейшими лишениями.

²⁴ Вероятно, имеется в виду, что для исполнения партии Валькирии Брунгильды в операх Рихарда Вагнера певице требуется мощный голос.

Женщины в этом участия не принимали. Вам не разрешили бы, – обратился он к Софи, – войти сюда, а тем более прикоснуться к алтарю. Пройдите и посмотрите на него.

– После ваших слов мне кажется, что не стоит.

– Ах, нет! – воскликнула баронесса. – Мы не должны поддаваться суевериям, мисс Джейсон. Давайте посмотрим, потому что он очень красив, видите, и крайне интересен.

Алтарь располагался на полпути в глубь святилища. Заклание быка действительно было с большим искусством вырезано на передней стенке алтаря, а апофеоз Митры, которому помогает Аполлон, – на другой.

К явному ужасу Гранта, барон Ван дер Вегель извлек из своей объемистой полотняной сумки экземпляр «Саймона».

– Мы снова должны, – объявил он, – услышать этот замечательный отрывок. Вот, мистер Грант, книга. Неужели автор не прочтет для нас? Как этот англичанин Саймон обнаруживает в себе некий эквивалент силы Митры. Да?

– Ах, нет! – воскликнул Грант. – Пожалуйста! – Он быстро окинул взглядом группу из пяти слушателей и даже оглянулся, будто бы желая убедиться, что больше никого нет. – Я так не договаривался, – сказал он. – Правда. – И Аллейн увидел, что он покраснел. – В любом случае, – продолжал Грант, – читаю я отвратительно. Пойдемте посмотрим на самого Митру.

И в дальнем конце помещения, в гроте, стоял этот бог, родившийся из каменной утробы: пухловатый крепыш во фригийском колпаке поверх длинных кудрей – ни ребенок, ни мужчина.

– Ему ведь приносили жертвы? – спросил Аллейн. – Здесь.

– Разумеется. На алтаре, – быстро сказал Грант. – Только представьте себе! Все залито светом факелов, и свет отражается от этих каменных скамей, мерцает на лицах посвященных, изнуренных и бледных после суровых испытаний. От огня на алтаре поднимается колышущийся столб жара, тащат жертвенного быка, возможно, слышно, как он ревет в переходах. Знаете, здесь есть проход, идущий вокруг этого помещения. Бык, вероятно, появляется из дверей позади Митры. Возможно, он украшен цветочными гирляндами. Служители втаскивают его внутрь, и жрец его принимает. Быку задирают голову, выставляют горло, и нож погружается в него. Запах свежей крови и вонь горящего приношения наполняют святилище. Полагаю, под пение гимнов.

– Вы дали нам понять, – сухо проговорила Софи, – что культ Митры был чрезвычайно благородной и, как вы сказали, мягкой религией.

– Он был высокоморальным и сравнительно мягким. Преданность и верность считались высшими добродетелями. Жертвоприношение являлось необходимой составляющей.

– Все то же самое, – предсказуемо заявил майор Свит, – за всей этой чепухой. Жертвоприношение. Кровь. Плоть. Каннибализм. Больше утонченности в одном, больше жестокости в другом. А по сути одно и то же.

– Вам не кажется, – спокойно ввернул Аллейн, – что это похоже на попытку наугад раскритиковать некую фундаментальную истину?

– Единственная фундаментальная истина, на которую это похоже: люди – хищники! – торжествующе прокричал майор. И закудаhtал, то есть засмеялся, как поняли присутствующие.

– Как жаль, – сказал барон Ван дер Вегель, – что леди Брейсли и мистер Дорн ничего этого не слышат. А где же мистер Мейлер?

– Вы его не видели? – спросил у майора Свита Аллейн.

– Я – нет. Я отвел ее в... как вы это называете? Сад? Внутренний двор?

– Атриум?

– Да как угодно. Посадил на скамейку. Ей это не очень-то понравилось, но тем не менее... Глупая баба.

– А молодой Дорн? – поинтересовался Аллейн.

– Я его не видал. Мерзкий тип.

– А Мейлер?

– Нет. Чертовски небрежное обслуживание, я бы сказал. Что нам теперь делать?

– Насколько я понимаю, – произнес Грант с независимым видом, – предполагалось, что вам, возможно, захочется несколько минут погулять здесь самостоятельно. Мы можем снова собраться здесь или, если вы предпочитаете, то наверху. Я побуду здесь десять минут на тот случай, если у вас возникнут какие-то вопросы, а потом поднимусь и буду ждать в атриуме. Наверное, мы встретимся по пути наверх, и в любом случае вы не заблудитесь. Здесь повсюду висят указатели «выход». Уверен, Мейлер...

Он осекся. Кто-то спускался по железной лестнице.

– А вот и он, – сказал Грант.

Но это был всего лишь Кеннет Дорн.

Судя по шуму, он спешил и появился стремительно, но когда вышел из тени и увидел остальных, то сначала остановился, а потом, сгорбившись, двинулся к ним. В руке у него болталась камера. Софи бросилось в глаза, что он был как-то неестественно умиротворен и спокоен.

– Хэлло, – проговорил он. – Где моя тетя?

Грант проинформировал его. Тот произнес: «О боже!» и захихикал.

– Не лучше ли вам на нее взглянуть, – предложил майор Свит.

– Что?

– На вашу тетю. Она наверху, в саду.

– Пусть она процветает, – усмехнулся Кеннет, – как вечнозеленый кедр, дорогой майор. Майор Свит пару секунд размышлял над его высказыванием.

– Даже не нахожу слов, – проговорил он наконец.

– Что ж, – откликнулся Кеннет, – слава Богу за это.

Возникло нечто вроде патовой ситуации.

Ее нарушили Ван дер Вегели. Они, как явствовало из их возбужденных объяснений, так сильно надеялись (ах, *так* сильно, вставила баронесса), что мистера Гранта удастся убедить прочесть вслух отрывок про Митру из «Саймона» в обстановке, подарившей ему вдохновение. С этой целью они, как все видели, захватили свою книгу – неужели хотя бы получить автограф это слишком много? Они как нельзя лучше понимают знаменитую англосаксонскую сдержанность. Но в конце концов, содержание буклета – о, они не настаивают на буквальном понимании – дало им основание полагать, что...

Они то вдвоем, то попеременно продолжали свои упреки в том же духе, и видно было даже в полумраке, как все больше краснеет Грант. Наконец он беспомощно повернулся к Софи, которая пробормотала: «Может, лучше прочесть?» – и до странности обрадовалась, когда он сразу же сказал, обращаясь ко всем сразу:

– Если вы действительно хотите, то конечно. Я не хотел показаться нелюбезным. Просто я почувствую себя таким болваном.

Ван дер Вегели разразились довольным смехом, а барону пришла на ум более экстравагантная фантазия. Они сфотографируются; в центре группы встанет Грант, читая вслух. На заднем плане бог Митра собственной персоной будет надзирать за работой, на которую он же и вдохновил. Этот необычный вариант викторианской групповой фотографии принялись воплощать после игривого спора между Ван дер Вегелями о том, кто будет играть активную, а кто – пассивную роль. Наконец они согласились, что первый снимок сделает баронесса, и она с восторгом принялась за дело. Несчастливого Гранта, с раскрытой книгой, поместили на небольшой каменный выступ слева от Митры. С одной стороны поставили Аллейна, с

другой – Софи, которую начал разбирать смех. Позади Софи встал майор Свит, а за спиной Аллейна – Кеннет Дорн.

– А ты, Геррит, мой дорогой, – велела мужу баронесса, – из-за своих размеров, да, в заднем ряду?

– Потом мы поменяемся местами, – настаивал он.

– Да.

– И все сосредотачиваются на открытой странице.

– Ах. Да. Так.

Постоянно непредсказуемый майор Свит подошел к делу серьезно.

– Как, – возразил он, – мы сможем сосредоточиться на чем-то, чего почти не видим?

И действительно, подмечено было верно. Голова маленького божка, как и алтарь и все другие фигуры в этом помещении, грамотно подсвечивалась из скрытой ниши, но окружающее пространство было погружено в глубокую тень, тем более то место, где расположилась группа. Ван дер Вегели объяснили, что вспышка все осветит. Они очень хотели, чтобы и сам бог был включен в их группу, и по этой причине небольшую постановку можно извинить. Смущение Гранта стало настолько очевидным, что Аллейн и Софи одновременно, но не сговариваясь, решили привнести в происходящее ноту высокой комедии.

– Понятно, – внезапно заговорил Аллейн. – Даже если мы ее и не видим, мы все сможем в книгу? Вполне логично. И я полагаю, что мистер Грант помнит этот отрывок наизусть. Возможно, он сможет пересказать его для нас в темноте.

– Ничего подобного я делать не стану, черт возьми, – тепло отозвался Грант.

Баронесса же объяснила, что потом они перейдут в более освещенное место, и тогда Грант без отговорок прочтет соответствующий отрывок. А пока, повторила она, не могли бы все присутствующие сосредоточиться на почти неразличимой странице? Покатываясь в темноте со смеху, группа все же собралась.

– Мне кажется, было бы неплохо, – предложил Аллейн, – если бы мисс Джейсон указывала на отрывок в книге, а я положил бы руку на плечо автору, который изъявляет готовность его прочесть?

– Какое хорошее предложение! – поддержала его Софи. – А майор Свит мог бы наклониться с другой стороны.

– Охотно, буду рад, – с готовностью отозвался майор и действительно очень близко наклонился к Софи. – Чертовски славная мысль, по-моему, – просипел он ей на ухо.

– Это напоминает, – сказал Аллейн, – сцену, в которой Чехов читает пьесу Станиславскому и актерам Московского художественного театра.

Данное замечание удостоилось громких аплодисментов баронессы. Софи и Аллейн обступили Гранта.

– Вы еще за это заплатите, – процедил тот сквозь зубы. – Оба.

– В книгу, в книгу, все смотрим в книгу! – весело пропела баронесса. – Никому не двигаться! Геррит, ты должен чуть отступить назад, и мистер Дорн, вы здесь?

– О боже, да, я здесь.

– Хорошо. Итак, все готовы. Замрите, пожалуйста. Снимаю!

Камера щелкнула, но тьма не рассеялась. Баронесса, которая, без сомнения, крепко ругнулась на своем родном языке, теперь обрушилась с упреками на мужа:

– Что я тебе говорила, дорокой! Эти местные ланпочки бесполезны. Нет! Не отвечай. Не шевелись. У меня в кармане есть запасная. Никто не шевелиться и не разговаривать. Я ее нахожу.

Софи хихикнула. Майор Свит немедленно схватил ее за талию.

– Поделом же вам, – прошептал Грант Софи. Данный маневр не укрылся от его внимания.

Где-то неподалеку, но за митреумом, раздался звук, такой же, как все звуки в этом пространстве, искаженный эхом и похожий на пронзительный голос.

Последовала почти невыносимая тишина, нарушенная через какое-то время отдаленным глухим ударом, как будто захлопнули тяжелую дверь. Баронесса возилась с камерой и бормотала. Кеннет отделился от группы и со вспышкой сфотографировал статую бога. Его заставили вернуться на место, и наконец-то баронесса подготовилась.

– Пожалуйста. Прошу. Внимание. Замрите, пожалуйста. Снова – снимаю.

На сей раз свет вспыхнул, все ослепли, баронесса разразилась громкими возгласами удовлетворения и настояла на том, чтобы сделать еще два снимка. Невзирая на нарастающее нетерпение, затем произвели замену – баронесса заняла место мужа и нависла над майором Свитом, как первобытная богиня плодородия. Барону с его вспышкой повезло больше, и все благополучно завершилось.

– Хотя, – заметил барон, – было бы неплохо включить и нашего чичероне, не так ли?

– Должен сказать, он не торопится, – пророкотал майор Свит. – Чертовски странное поведение, если хотите знать мое мнение.

Но Кеннет предположил, что Себастьян Мейлер, возможно, составляет компанию его тетке в атриуме, и обратился к Гранту:

– В конце концов, он ведь оставил за старшего вас, разве нет?

Под давлением Ван дер Вегелей Грант перешел теперь в освещенное место и, всячески демонстрируя крайнее нежелание, прочел этой чрезвычайно пестрой аудитории отрывок из «Саймона», посвященный митраистскому культу. Читал он быстро и плохо и без всякого выражения, но кое-что из характера его произведения сохранилось даже при таком отношении.

– «...Ничего не изменилось. Коренастый божок во фригийском колпаке, похожие на сахарную глазурь локоны, обломанные руки и фаллос, торчащий из недр его каменного женоподобного тела. Кто-то назвал бы его довольно вульгарным божком, но в его присутствии жирные маленькие уши Саймона наполнились беззвучным ревом жертвенного быка, в горле и в глубине носа воняло кровью, которая девятнадцать веков назад бурлила на раскаленном добела камне, а глаза слезились от густого дыма, поднимавшегося от горящих внутренностей. Он трепетал и был несказанно доволен».

Отрывистое чтение продолжалось до конца соответствующего отрывка. Грант с шумом захлопнул книгу, отдал, явно стремясь от нее избавиться, баронессе и ссутулился, защищаясь от обязательного бормотания аудитории. Постепенно наступило неловкое молчание.

Софи чувствовала себя подавленной. Впервые на нее навалился приступ клаустрофобии. Потолок показался ниже, стены ближе, помещения за ними гораздо тише, словно группу бросили, заточили на такой глубине под землей. «Я в два счета могу рвануть отсюда, как леди Брейсли», – подумала девушка.

Грант повторил свое предложение: другие могут побродить здесь, а сам он на десять минут останется в митреуме на тот случай, если кто-то предпочтет присоединиться к нему до возвращения в верхний мир. Он напомнил им о боковых выходах и выходе в конце, которые ведут и в круговой коридор, и в инсулу.

Кеннет Дорн сказал, что он пойдет наверх взглянуть на тетку. Он казался еще более расслабленным и то и дело смеялся без видимой причины.

– Вы восхити-и-тельно читали, – пропел он Гранту, улыбаясь во весь рот. – Обожаю вашего Саймона. – Развязно рассмеялся и удалился через главный вход.

Майор Свит заявил, что осмотрится тут еще немного и присоединится к ним наверху.

– Я недоволен Мейлером, – заявил он. – Возмутительное поведение. – Затем уставился на Софи и предположил: – Не собираетесь ли тут прогуляться?

– Я, наверное, побуду на месте, – ответила она. Ей совсем не улыбалось бродить в сумрачном святилище Митры с майором.

Аллейн сказал, что тоже сам вернется, а Ван дер Вегели, фотографировавшие друг друга на фоне алтаря-жертвенника, решили примкнуть к нему, и он, подумала Софи, не очень-то этому обрадовался.

Майор Свит вышел через одну из боковых дверей. Аллейн исчез в проходе, позади бога, с энтузиазмом преследуемый Ван дер Вегелями. Где-то вдалеке слышались их восклицания. Потом голоса их замерли, и не осталось других звуков, представилось Софи, кроме холодного бормотания подземного потока.

– Идите садьте, – предложил Грант.

Софи села рядом с ним на каменную скамью.

– Вы немного подавлены? – спросил он.

– Пожалуй.

– Отвести вас наверх? Оставаться необязательно. Эта компания сама о себе прекрасно позаботится. Ответьте же.

– Вы очень любезны, – чопорно проговорила Софи, – но, спасибо, нет. Я не настолько расстроена. Разве что...

– Да?

– У меня есть теория насчет стен.

– Стен?

– Поверхностей. Любых поверхностей.

– Объясните.

– Вы будете глубоко разочарованы.

– Откуда вы знаете? Попробуйте.

– Мне кажется, что поверхности – деревянные, каменные, матерчатые, любые – могут обладать некой физической чувствительностью, о которой мы не знаем. Что-то вроде покрытия на фотопленке. И таким образом сохранять впечатления о событиях, свидетелями которых стали. А в организме некоторых людей мог бы быть какой-то элемент – химического, электронного или какого-то другого порядка, – который откликался бы на это и создавал это.

– Как будто все другие люди дальтоники, и только эти различают красный цвет?

– Именно.

– Это очень удачно решает проблему привидений, да?

– Поверхности удерживали бы не только зрительные образы. Но и чувства тоже.

– Вас не тревожит ваша идея?

– Скорее волнует.

– Ну... да.

– Мне интересно, можно ли применить это к вашему Саймону.

– Ах, не напоминайте мне об этом, бога ради! – воскликнул Грант.

– Простите, – сказала Софи, удивленная его бурной реакцией.

Он встал, отошел и, стоя к ней спиной, быстро заговорил:

– Ну, скажите же, скажите это! Если я так отрицательно отношусь ко всей этой показухе, какого черта я этим занимаюсь? Вы ведь об этом думаете? Признайтесь же. Думаете?

– Даже если и думаю, меня это не касается. И в любом случае я это сказала. Наверху. – Софи перевела дыхание. – Кажется, века назад, века.

– В конце концов мы ведь опустили веков на двадцать. И я очень сожалею, что повел себя так грубо.

– Ничего страшного. – Софи посмотрела на ярко освещенную голову Митры. – Вообще-то он не такой уж и представительный. Толстый и мирный, не правда ли? Однако

странно, как пристально смотрят эти пустые глаза. Можно поклясться, что в них есть зрачки. Вы не считаете...

Она вскрикнула. Бог исчез. Крошечная тьма накрыла их, словно отгородила бархатной заслонкой.

– Все в порядке, – успокоил ее Грант. – Не волнуйтесь. Это предупреждают, что музей закрывается. Через секунду свет зажжется.

– Слава богу. Эта абсолютная тьма. Как слепота.

– «Темно и неудобно»?

– Это из «Короля Лира», да? Не слишком ободряющая цитата, если можно так выразиться.

– Где вы?

– Здесь.

На расстоянии слышались голоса: искаженные, мечущиеся в каком-то дальнем переходе. Ладонь Гранта сомкнулась вокруг руки Софи. Божок снова возник, безмятежно таращась в никуда.

– Ну вот, – произнес Грант. – Идемте. Вернемся в современный Рим?

– Конечно.

Он провел ладонью по ее руке, и они двинулись в обратный путь.

Через инсулу, поворот налево, а затем прямо – к металлической лестнице, мимо уединенного перехода, откуда доносился немолчный голос воды. Вверх по металлической лестнице. Через вторую базилику, мимо Меркурия и Аполлона, а затем вверх по последней, каменной, лестнице к свету – и там их ждал маленький магазинчик по продаже открыток и освященных безделушек: вполне обычный и ярко освещенный.

Монах и двое юношей уже закрывали его. Они пристально посмотрели на Гранта и Софи.

– Больше никого, – сказал им Грант. – Мы последние.

Те поклонились.

– Можно не спешить, – успокоил он Софи. – Верхняя базилика открыта до захода солнца.

– Где же остальные?

– Вероятно, в атриуме.

Но в садике было совершенно пусто, и в базилике почти никого. Последние запоздавшие туристы торопливо уходили через главный вход.

– Он собрал их снаружи, – предположил Грант. – Смотрите... вон они. Идемте.

На крыльце, откуда они начинали свое путешествие, стояла кучка недовольных гостей мистера Мейлера: Ван дер Вегели, майор, леди Брейсли, Кеннет и, отдельно от них, Аллейн. На дороге ждали два роскошных автомобиля.

Грант и Аллейн одновременно спросили друг друга: «Где Мейлер?» – а затем, почти без паузы: «Вы его не видели?»

Но никто, как выяснилось, мистера Мейлера не видел.

Глава 4. Отсутствие мистера Мейлера

I

– Не видели с тех пор, как он потащился искать вас! – заорал майор Свит, злобно глядя на Кеннета. – Там, внизу.

– Искать меня, – равнодушно проговорил Кеннет. – Не знаю, о чем вы говорите. Я его не видел.

Аллейн сказал:

– Он вернулся, чтобы найти вас, когда вы ушли назад фотографировать Аполлона.

Кеннет странно растягивал слова. Бесцельно посмеивался, закрывал глаза и вяло открывал их. При дневном свете Аллейн увидел, что зрачки у него сужены.

– Да, правильно, – протянул Кеннет, – я помню. Это было тогда.

– И он не пошел за вами и леди Брейсли, майор Свит?

– По-моему, это совершенно очевидно, сэр. Не пошел.

– И не присоединился к вам, леди Брейсли, в атриуме?

– Если это тот довольно убогий садик, где меня бросил галантный майор, – проговорила она, – ответ – нет. Мистер Мейлер не присоединялся ко мне ни там, ни где-либо еще. Не знаю почему, – прибавила она, округлив глаза на Аллейна, – но это слегка отдает непристойностью, вы не находите?

Майор Свит побагровел и стал неубедительно оправдываться, дескать, ему показалось, что леди Брейсли предпочла бы побыть в атриуме одна.

– Это, – парировала она, – в значительной степени зависело бы от того, что предлагалось в качестве альтернативы.

– Должен сказать... – нервно начал майор.

Но Аллейн его перебил:

– Оставайтесь, пожалуйста, все здесь. – Он обратился к Гранту: – Вы ведь отвечаете за группу, так? Будьте добры, проследите, чтобы они никуда не отлучались, хорошо?

И он ушел – вернулся в церковь.

– Боже, вот это наглость, должен сказать! – вспыхнул майор. – Приказывает людям, черт побери, как проклятый полицейский. Кем, дьявол его побери, он себя возомнил!

– Полагаю, – сказал Грант, – нам лучше его слушаться.

– Почему?

– Потому, – сказал Грант с полуулыбкой в сторону Софи, – что он, похоже, обладает тем, что Кент почувствовал в Лире.

– И что же это, черт возьми?

– Властность.

– Вы совершенно правы, – сказала Софи.

– По-моему, он великолепен, – согласилась леди Брейсли, – напорист и авторитарен.

За этой оценкой последовало долгое и неловкое молчание.

– Но что он делает? – спросил вдруг Кеннет. – Куда он ушел?

– Я, черт побери, сейчас это узнаю, – объявил майор.

И он уже собрался осуществить свою угрозу, когда показался Аллейн, быстро возвращавшийся через базилику.

– Прошу всех извинить меня, – сказал Грант. – Боюсь, я вел себя невыносимо властно, но я подумал, что нужно вернуться и спросить в магазине, не выходил ли мистер Мейлер.

– Ладно, ладно, – проворчал майор. – Так выходил?

– Они говорят, что нет.

– Они могли его не заметить, – предположил Грант.

– Разумеется, это возможно, но они знают его внешне и говорят, что ждали, когда он выйдет. Они проверяют номера билетов нижних уровней, чтобы не запереть там кого-нибудь.

– Зачем он там прячется? – возмутился майор. – Я считаю это чертовски дешевым представлением. Бросить нас в беде. – Он атаковал Гранта: – Слушайте, Грант, вы же здесь главный, а? Часть фирмы, какой бы она ни была.

– Ни в коей мере. Я не имею к ней никакого отношения. И к нему тоже, – добавил вполголоса Грант.

– Мой дорогой друг, ваше имя значится в их буклетах.

– Исключительно в качестве почетного гостя.

– Для вас это, видимо, реклама, не так ли? – поддел Кеннет.

– Я не нуждаюсь... – начал Грант, а затем побледнел. – Мне кажется, это к делу не относится, – повернулся он к Аллейну.

– Я бы так не сказал. Служители спустились вниз на поиски. У них полная система флуоресцентного освещения – обычная для раскопок и для экстренных случаев. Если он там, они его найдут.

– Может, ему стало плохо или еще что, – отважилась предположить Софи.

– Конечно, конечно! – в унисон вскричали Ван дер Вегели. Они часто говорили одновременно.

– И вид у него болезненный, – добавила баронесса.

– И потеет он сильно, – подтвердил ее муж.

Водители перешли теперь через дорогу. Джованни, тот, что говорил по-английски и выступал помощником гида, пригласил дам и господ занять свои места в автомобилях. Аллейн спросил, не видели ли они мистера Мейлера. Водители только пожимали плечами. Нет.

– Возможно, – измученно произнесла леди Брейсли, – он свалился с тех кошмарных, ужасных ступенек. Бедненький мистер Мейлер. Знаете, я, пожалуй, сяду в машину. Мне тяжело долго стоять на этих золоченых шпильках.

Одарив своим характерным общим взглядом Гранта, Аллейна и барона, она села в автомобиль, не забыв улыбнуться Джованни, пока тот открывал дверцу. Устроившись, леди Брейсли выглянула в окошко.

– Предложение сигареты, – сказала она, – будет принято с благодарностью.

Но повиноваться смог, похоже, только Кеннет, что и сделал, вплотную наклонившись к тетке, пока подавал ей свою зажигалку. Едва шевеля губами, они перекинулись несколькими словами – и на мгновение сделались похожи.

Грант пробормотал, обращаясь к Аллейну:

– В книге такой поворот событий называли бы чертовски подозрительным, а?

– Да, довольно подозрительным.

– Они ведь найдут его? То есть я хочу сказать, что они должны, – проговорила Софи.

– Вы были вместе после того, как все остальные разошлись, правильно?

– Да, – ответили они.

– И вернулись вместе?

– Разумеется, – сказал Грант. – Вы же нас видели. А что?

– Какое-то время вы шли последними. Вы ничего не слышали? У Мейлера очень тяжелые туфли. Я обратил внимание, что они здорово грохотали по железным ступенькам.

Нет, ответили они. Они ничего не слышали.

– Думаю, надо вернуться, Грант. Хотите пойти?

– Вернуться? В смысле – снова вниз?

– Если понадобится.

– Я пойду, – сказал Грант, – не дальше конторы... магазина. У меня нет особого желания где-либо бродить в поисках Мейлера. Если он там, персонал его найдет.

– Хорошо. Но вам не кажется, что нужно как-то позаботиться об этой компании?

– Послушайте, – рассердился Грант, – я уже сказал, что не несу никакой ответственности за это мероприятие. И ни за кого из них... – Его голос дрогнул, и Грант взглянул на Софи. – Кроме мисс Джейсон, которая сама по себе.

– Обо мне не беспокойтесь, – беспечно бросила Софи и повернулась к Аллейну: – Что же нам делать? Вы можете что-то предложить?

– Например, вы отправитесь на свой пикник на Палатинском холме. Водители вас туда отвезут. Тот, который говорит по-английски – Джованни, я уверен, он примет командование на себя. Не сомневаюсь, что они распакуют корзины с провизией и не поскупятся на обаяние: у них это отлично получается. Я разыщу Мейлера, и если с ним все в порядке, мы приедем к вам. Это будет приятный вечер на Палатинском холме.

– Что скажете? – спросила Софи Гранта.

– Идея не хуже любой другой. – Он повернулся к Аллейну и сказал: – Простите мою несговорчивость. Так мы все же вернемся туда?

– Я подумал, что не стоит вас утруждать. Если вы не против объясниться с Джованни... полагаю, что, даже если я и не объявлюсь, приведя Мейлера, вы с программой справитесь. Чай на свежем воздухе, затем возвращение в ваши гостиницы, а автомобили заберут вас снова в девять часов. Вы живете в «Галлико», правильно? Вы можете оказать мне большую любезность, записав, где остановились остальные. Ну вот, опять я распоряжаюсь. Не обращайтесь внимания.

Он слегка поклонился Софи и, так как к ним устремился майор Свит, аккуратно обошел его и вернулся в базилику.

– Черт возьми! – скривился Барнаби Грант.

– Согласна, – промолвила Софи. – Но тем не менее вы это сделаете. Это похоже на то, что вы сказали.

– Что я сказал, всезнайка?

– Что он обладает властью.

II

Когда Аллейн вернулся в притвор базилики, то обнаружил, что магазин еще не закрыли. Железные решетчатые ворота с внушительным висячим замком преградили вход на нижние уровни. Сан-Томмазо в Палларии, как и его сестра Санта-Клементина, находится в ведении ирландского доминиканского ордена. Дежурный монах – отец Дэнис, как выяснилось, – говорил с великолепным акцентом. Подобно множеству ирландцев, живущих за пределами своей родины, он, казалось, слегка утрировал свой выговор, словно играл роль в какой-то псевдоирландской комедии. Он приветствовал Аллейна как старого знакомого.

– А, это опять вы! – воскликнул он. – А у меня нет для вас новостей. Этого парня Мейлера внизу нет. Мы включили освещение на полную мощность, а этого довольно, чтобы ослепнуть напрочь. Я сам искал внизу вместе с этими двумя парнями... – он указал на своих помощников. – Мы там все прочесали, все углы и закоулки. Его там нет, вообще нет, никаких сомнений.

– Как странно, – заметил Аллейн. – Вы же знаете, что он старший нашей группы. Что могло с ним приключиться?

– Ну, ясно, странное происшествие, ошибки тут нет. Могу только предположить, что он, верно, быстро проскочил здесь, когда все мы были заняты и не заметили его. Хотя в это и нелегко поверить, потому что, как я уже упомянул, мы ведем счет с тех пор, как пять лет назад одна скандинавская леди подвернула ногу и оказалась взаперти, всю ночь она прокричала, а наутро ее, бедняжку, обнаружили совершенно свихнувшейся. И еще одно. Ваша группа была единственной внизу, потому что один или два случайных посетителя вышли до вашего приезда. А значит, он был бы там один и потому еще более заметный.

– Не хочу вам надоедать, отец, и даже на секунду не предполагаю, что ваш обыск был недостаточно тщательным, но вы не против, если я...

– Я бы не возражал, но не могу этого разрешить. Понимаете, такое здесь правило: после закрытия никаких посетителей внизу ни под каким предлогом.

– Да, понимаю. Тогда скажите... есть здесь телефон, которым я мог бы воспользоваться?

– Имеется, и милости просим. Вот сюда. Ты можешь теперь идти, – бросил он через плечо помощнику и повторил это по-итальянски.

Монах открыл дверь в кладовку, указал на телефон и включил свет.

При закрытой двери в комнатке было мало места и воздуха. Аллейн осторожно прислонился к открытой коробке с церковными сувенирами, присел на корточки, опираясь на край полки, сверился с памятью и набрал извлеченный оттуда номер.

Комиссар полиции Вальдарно еще находился в своем кабинете. Он слушал рассказ Аллейна с почти ощутимым воодушевлением, но практически не перебивал. Когда Аллейн закончил, Вальдарно сказал по-английски:

– Он сбежал.

– Сбежал?

– Смылся. Он узнал вас и скрылся.

– В церкви, кажется, совершенно уверены, что он не мог пройти мимо них.

– Ах-ах-ах, – презрительно отозвался Вальдарно, – кто они? Монах и двое жалких продавцов. Против этого мастера! Вздор! Он пробежал, согнувшись, за витринами.

– Кстати, об открытках, при входе мы повстречали немолодую продавщицу открыток, которая устроила Мейлеру сцену.

– Сцену? Как это?

– Обрушилась на него с бранью. Это был не тот итальянский, который мы учили в бытность мою на дипломатическом поприще, но общее настроение я уловил – ругань и злость.

Аллейн почти услышал, как комиссар полиции пожал плечами.

– Возможно, он чем-то ей досадил, – произнес он своим меланхоличным голосом.

– Она в него плюнула.

– А, – вдохнул Вальдарно. – Он ее рассердил.

– Без сомнения, – без воодушевления согласился Аллейн. – Ее зовут Виолетта, – добавил он.

– Почему вас заботит эта женщина, мой дорогой коллега?

– Ну, если я хоть что-то понял из ее слов, она грозила убить его.

– По всей видимости, вспыльчивая женщина. Некоторые из этих уличных торговек, в сущности, дурно воспитаны.

– Мне показалось, что его крайне встревожило это столкновение. Он сделал вид, что ничего не произошло, но сильно побледнел.

– А, – короткое молчание. – Она продает открытки у Сан-Томмазо?

– Да. Девушке из нашей группы показалось, что она видела ее тень на стене перехода в митреум.

– Им не разрешено входить.

– И я так понял.

– Я прикажу навести справки. Также я возьму под наблюдение аэропорты, автовокзал и железнодорожный вокзал. По моему мнению, существует большая вероятность того, что Мейлер узнал вас и попытается скрыться.

– Я вам крайне признателен, синьор комиссар!

– Я вас умоляю!

– Но возможность того, что он меня узнал – мы никогда не встречались, – я все же оцениваю как весьма сомнительную.

– Кто-нибудь из его сообщников, английских сообщников, мог видеть вас и проинформировал его. Это весьма возможно.

– Да, – согласился Аллейн, – это, разумеется, возможно.

– Увидим. А пока, мой дорогой суперинтендант, могу я немного поговорить с этим доминиканцем?

– Я его позову.

– И мы будем поддерживать тесную связь, не так ли?

– Конечно.

– В таком случае примите мои наилучшие пожелания, – печально проговорил комиссар полиции Вальдарно.

Аллейн вернулся в магазин и передал его просьбу.

– Questore Вальдарно, да? – переспросил отец Дэнис. – Вы не сказали, что это дело касается полиции, но я несколько не удивлен. Подождите пока, а я с ним поговорю.

Так он и сделал, объяснившись по-итальянски, и вернулся обеспокоенный.

– Подозрительное дело, – сказал он, – и не скажу, что мне нравится, какой оно принимает оборот. Он хочет прислать своих людей для обыска внизу и хочет поговорить об этом с моим настоятелем. Я сказал ему, что мы обыскали там каждый дюйм, но это его не удовлетворило. Он говорит, чтобы я передал вам, что вы можете поучаствовать. Ровно в восемь утра.

– Не сегодня вечером?

– А зачем делать это сегодня вечером и самому, если тот, хотя его там нет, заперт внизу, как рыба в консервной банке. – Отец Дэнис очень пристально посмотрел на Аллейна. – Сами-то вы на полисмена не похожи, – сказал он. – Меня это, разумеется, не касается.

– Я выгляжу безобидным посетителем? Надеюсь, что так. Скажите, вы что-нибудь знаете о женщине по имени Виолетта, которая продает здесь открытки?

Отец Дэнис хлопнул себя по лбу.

– Виолетта, точно! – воскликнул он. – Настоящая чума, вот она кто, да простит меня Господь, потому что она немного не в себе, бедное создание. Из-за всей этой истории я напрочь о ней позабыл. Я вам расскажу, только уже в атриуме. Это место мы запрем.

Достав из кармана рясы большой ключ, он действительно запер притвор, и притом весьма надежно. Ни у кого другого нет ни такого ключа, ни ключа к железной решетке, сказал он, кроме как у брата Доминика, который открывает утром.

В шесть часов базилика опустела. Все колокола Рима вызванивали «Аве, Мария!», и отец Дэнис не спеша к ним присоединился. Затем он провел Аллейна в атриум и сел рядом с ним на каменную скамью, теплую от заходящего солнца. Он был приятный человек и любил посплетничать.

Виолетта, сообщил он, уже несколько месяцев продавала открытки у входа в Сан-Томмазо. Она была сицилийкой подозрительного происхождения, не такой старой, как мог предположить Аллейн, и когда впервые появилась, еще сохраняла остатки дикой красоты. Ее история, которую она никогда не уставала рассказывать, заключалась в том, что муж ее бросил и при этом еще и сдал полиции.

– За что? – спросил Аллейн.

– А, она никогда точно не говорила. Что-то связанное с распространением запрещенных товаров. Вполне вероятно, краденых, хотя она утверждает, что понятия не имела о том, что дело нечисто, пока ее не схватила полиция и не разрушила ей жизнь. Разговор у нее невнятный, и сами святые не отделили бы факта от фантазии.

Однако она вела себя вполне достойно, приберегая свои вспышки для доминиканцев и не покидая территории, где по закону могла торговать открытками, пока два дня назад он не застал ее сидящей на корточках в углу крыльца. Женщина шипящим потоком изливала самые отвратительные ругательства и потрясала кулаками. У нее буквально шла пена изо рта, и почти невозможно было разобрать слова, но когда отец Дэнис упрекнул ее в богохульстве и, как понял Аллейн, дал хорошего нагоняя, ее речь слегка прояснилась. Стало понятно, что гнев этой женщины направлен на человека, который приходил в ризницу, чтобы обсудить условия для туристических посещений, устраиваемых недавно созданным агентством, которое называется...

– Не говорите, – попросил Аллейн, когда отец Дэнис сделал паузу ради драматического эффекта. – Позвольте мне угадать. Называется «Чичероне».

– Совершенно верно.

– В лице мистера Себастьяна Мейлера?

– И снова верно! – вскричал отец Дэнис, всплеснув руками. – И мужа этого бедного создания, или если нет, ему следовало бы им быть, помоги ему Бог.

III

Теплым вечером того же дня два автомобиля прибыли на Палатинский холм. В воздухе пахло нагретой солнцем землей, травой, миртом и смолой. В удлиняющихся тенях горели маленькими восклицательными знаками маки, а по склонам холма маршировали легионы аканта. Небеса стали глубже за сломанными колоннами и арками – остовом античного Рима.

Водитель Джованни с удовольствием выполнял роль гида. Он сказал, что представления не имеет о том, что стряслось с мистером Мейлером, но предположил, что его одолел внезапный приступ недомогания, известного туристам как «римский живот». По своей природе, деликатно напомнил им Джованни, такой приступ требует немедленного уединения. Затем он повел группу через руины Дома Августов и вниз по короткой лестнице к роще пиний. Поминутно он называл те или иные развалины и взмахами рук обводил лежавший у ног туристов Рим.

Софи смотрела, грезила, до боли наслаждалась и не слишком прилежно слушала Джованни. Она внезапно ощутила усталость и смутное счастье. Рядом с ней шагал, храня умиротворенное молчание, Барнаби Грант, Ван дер Вегели носились вокруг с криками восторга, тысячей вопросов и много фотографируя. Леди Брейсли рука об руку с Кеннетом, а также – с большой неохотой – майор тянулись, прихрамывая, в арьергарде и жаловались на неровную дорожку.

– У меня низкий предел насыщаемости достопримечательностями, – заметила Софи. – Или, скорее, информацией о достопримечательностях. Я перестаю слушать.

– Ну, – добродушно откликнулся Грант, – вы хотя бы признаетесь в этом.

– Хочу, чтобы вы знали, это не значит, что я нечувствительна ко всему этому.

– Хорошо. Я ничего такого и не думал.

– Напротив. Я онемела. Почти онемела, – поправилась Софи. – Можно сказать: *зримо* бессловесна.

Он посмотрел на нее, улыбаясь.

– По-моему, вы проголодались, – предположил он.

– А по-моему, вы правы, – с удивлением согласилась Софи. – Пить, во всяком случае, хочу.

– Смотрите, мы располагаемся для пикника.

Они подошли к месту, которое называлось Бельведере, и поверх вершушек пиний посмотрели на исполинское великолепие Колизея. Шпили, крыши, сады, обелиск, нереальные в дымке склоняющегося к вечеру дня, плыли в отдалении и растворялись на фоне Альбанских гор.

Джованни с помощником нашли место у поваленной колонны, расстелили ковры и скатерти и распаковали корзины с провизией.

Это был, по выражению Софи, изысканный перекус: деликатесные маленькие сэндвичи с копченой семгой и икрой, римские и неаполитанские пирожные, фрукты и охлажденное белое вино. Предложили, на удивление, и виски с содовой. И чай для желающих, который и предпочла Софи – со льдом и лимоном и очень ароматный.

Какая мы странная компания, думала она. Легкое дуновение ветра принесло с собой более сильный запах мирта и сосновой хвои и на мгновение приподняло челку Софи. Она обнаружила, что Грант пристально смотрит на нее, и поспешно сказала:

– Никто из нас, похоже, не беспокоится о бедном мистере Мейлере.

Он махнул рукой.

– Не сомневаюсь, что наш властный друг разобрался в этом деле, – сказал Грант.

Майор Свит, который ел с большим удовольствием и ловко «угговорил» две порции виски с содовой, видимо, смягчился. Он сказал:

– Необыкновенный парень. По моему мнению, – лениво и беззлобно добавил. – Необыкновенно крепкий чай.

– Я думаю, – вступила леди Брейсли, – что мы прекрасно справляемся как есть – с Джованни, – и одарила Джованни достаточно долгим взглядом. – Хотя, – продолжила она, – жаль, что другой роскошный негодник покинул нас.

– А что именно, – беспокойно спросил Кеннет, – запланировано на сегодняшний вечер? Автомобили в девять – а куда мы поедем? Где будем ужинать?

– В «Джоконде», сэр, – сказал Джованни.

– Господи боже! – воскликнул майор. Еще бы ему не воскликнуть. «Джоконда» – самый роскошный и, без сомнения, самый дорогой ресторан в Риме.

– Правда? – проговорила леди Брейсли. – Тогда я должна помириться с Марко. На прошлой неделе мы поссорились из-за столиков. Он выгнал мексиканского атташе или кого-то, кто считается довольно важной персоной, и отдал его столик мне. Едва не произошел международный скандал. Я сказала ему, что терпеть не могу такие вещи. Вообще-то, с его стороны это было совсем уж нехорошо.

– На сей раз, дорогая тетушка, – усмехнулся Кеннет, – вам подадут комплексный обед за столиком в глубине зала рядом с дверью для персонала. Если я что-то понимаю в организованных турах.

– Прошу прощения, но вы ошибаетесь, сэр, – вмешался Джованни. – Все устроено совсем не так. Обслуживание по всем статьям самое лучшее. Позвольте заметить, вы закажете, что пожелаете.

– И заплатим за это? – грубо спросил Кеннет.

– Напротив, сэр, нет. По счету уплачу я. – Он повернулся к Гранту. – Когда вы соберетесь уходить, сэр, – сказал он, – будьте так любезны послать за мной вашего официанта. Я дам и чаевые, но, разумеется, если кто-нибудь из вас захочет... – он сделал красноречивый жест. – Но в этом не будет необходимости.

– Ну что же! – воскликнул майор. – Должен сказать, что это... э... похоже, это... э... – он слегка запнулся, – в полном порядке, – закончил он. – Верно?

Ван дер Вегели горячо его поддержали.

– Поначалу, – признался барон Софи, – мы с женой подумали, что плата, возможно, слишком высока... баснословная сумма... но мистер Мейлер произвел на нас такое сильное впечатление, а потом... – он весело поклонился Гранту, – мы узнали об уникальной возможности познакомиться с создателем «Саймона». Он нас покори! И теперь, видите, как все славно идет, правда, если только все будет хорошо с великолепным Мейлером.

– Ах, бедняжка, бедняжка, бедняжка! – как заклинание, повторяла баронесса. – С ним все будет хорошо, он будет жив и здоров. Все объяснится очень просто, и все будут смеяться и радоваться. Не следует омрачать этим наш отдых. Ни в коей мере.

– Должен вам сказать, – шутливо обратился к Гранту барон, – что для меня знакомство с мистером Барнаби Грантом имеет не только эстетическое, но и профессиональное удовольствие. Я занимаюсь издательским делом, мистер Грант. – И он засмеялся. Рассмеялась и баронесса.

– В самом деле? – с наигранным интересом проговорил Грант. – Это действительно так?

– Фирма «Адриан и Велкер». Я редактор нашей зарубежной продукции.

Софи тихонько ахнула, и Грант повернулся к ней.

– Это ваша епархия, – сказал он и пояснил для Ван дер Вегелей: – Мисс Джейсон работает у моего издателя в Лондоне.

Последовали новые восклицания и многословные рассуждения о совпадениях, а Софи тем временем перебирала в голове, что ей было известно о фирме «Адриан и Велкер», и позже, когда они ехали с Палатина, поделилась своими сведениями с Грантом.

– Мы взяли несколько их детских и религиозных книг на перевод. Они в основном занимаются изданием религиозной литературы, их фирма, полагаю, крупнейшая в этой области в Европе. Кальвинистского толка и, насколько можно судить по детским книгам, до тошноты благочестивые. Глава фирмы, Велкер, говорят, фанатичный идеолог какой-то экстремальной секты в Голландии. Как вы можете догадаться, современной литературы они издают *немного*.

– Не совсем подходящая обстановка для сорванцов Ван дер Вегелей.

– О, не знаю, – рассеянно отозвалась Софи. – Мне кажется, они умеют приспособиваться.

– Какое уставшее от жизни дитя! – с улыбкой заметил Грант и покачал головой. Софи порозовела и замолчала.

Они ехали во втором автомобиле, вместе с майором Свитом, который спал. Остальные четверо успели сесть к Джованни. Леди Брейсли, под предлогом, что в машине ее укачивает, заняла место на переднем сиденье.

Ужасающая вечерняя неразбериха римского уличного движения накатывала, скрежестала тормозами и гудела клаксонами на всех улицах. Водители орали друг на друга, бросая руль, воздевая обе руки в саркастической молитве при виде чудовищных преступлений, совершаемых другими водителями. Пешеходы бросались в этот водоворот, величественно жестикулируя в сторону надвигающегося транспорта. За столиками на тротуарах римляне читали вечерние газеты, ухаживали за женщинами, шумно спорили или, сложив на груди руки, с важной отстраненностью глазели в никуда. Майор Свит качался то в одну, то в другую сторону с открытым ртом и изредка всхрапывал. Раз он очнулся и изрек, что здесь не помешал бы лондонский полицейский.

– Он не продержался бы и трех минут, – сказал Грант.

– Чушь, – не согласился майор и опять отключился. Проснулся он, когда машина внезапно затормозила, и добавил: – Я дико извиняюсь, не понимаю, что на меня нашло. – И в ту же секунду снова захрапел.

Грант с удивлением узнал, что Софи тоже остановилась в пансионе «Галлико», куда сам переехал лишь накануне. Он предложил выпить вместе в «Трех ступеньках» на площади Навона.

– Они могут заехать за нами туда, – сказал он.

– Прекрасная мысль. Спасибо.

– Тогда в половине девятого?

Ему удалось ясно донести это до водителя.

Майора высадили у его гостиницы, а Софи и Гранта – у «Галлико».

В номере Гранта было жарко, как в духовке. Он принял душ, полежал часок в чем мать родила и в состоянии чрезвычайного смутения, а затем оделся. Уже готовый к выходу, он сел на кровать, обхватив голову руками. Если бы только, думал он, это могло быть решающим моментом. Если бы все это можно было остановить – *сейчас*. И тут же всплыла неизбежная цитата: *«Если б можно было все оставить здесь, но здесь – на этом берегу и отмели времени...»*

Он подумал о Софи Джейсон – вот она сидит на Палатинском холме, вечерний ветерок приподнял ее челку, а на ее лице выражение радостного изумления. Редкая девушка, тихая девушка, которая не говорила никаких глупостей, подумал он, а потом спросил себя, подходит ли ей в итоге определение «тихая». Грант встал у окна и, облокотившись на подоконник, разглядывал фасады, крыши и далекие купола.

Часы пробили восемь. По бульжной мостовой внизу прогрохотала конная повозка, за которой тянулась вереница мотоциклов и легковых автомашин. Напротив, в комнате на верхнем этаже, раздался взрыв возбужденного говора, а где-то далеко в глубине дома беззастенчиво запел неумелый тенор. Подальше в стороне, на втором этаже пансиона «Галлико», было распахнуто окно, и оттуда выглядывала Софи, вся в белом.

Он наблюдал, как она положила руки на оконный карниз, свесила ладони и вдохнула вечерний воздух. Как странно было смотреть на человека, который не подозревает, что за ним наблюдают. Она стояла, отвернувшись от Гранта, и, вытянув шею, смотрела в конец улицы, где невесомой аркой светилась водяная пыль от фонтана на пьядца Навона. Грант наблюдал за Софи с чувством вины и удовольствия. Через минуту или две он проговорил:

– Добрый вечер.

Девушка на мгновение замерла, а потом медленно к нему повернулась.

– Сколько вы уже там? – спросила она.

– Почти нисколько. Вижу, вы готовы. Идем?

– Да, идем.

На улице было прохладнее. Когда они ступили на площадь Навона, самый звук журчащей воды освежил вечерний воздух. Очаровательная пьядца сверкала, огни переливались в каскадах воды, отсвечивали от автомобильных фар и сияли в кафе «Три ступеньки».

– Вижу столик, – сказал Грант. – Занимаем его, быстро!

Он стоял у края тротуара. Площадь Навона почти не была видна. Для Софи это значения не имело. Ее гораздо больше устраивало сидеть здесь, окруженной со всех сторон, в легкой толкотне, ошеломленной, возможно, обманутой в результате какой-нибудь махинации, придуманной специально для туристов, чем реагировать на Рим с благоразумием знающего человека, хорошим вкусом человека опытного и сдержанностью, которых она в любом случае не имела.

– Это волшебство, – улыбнулась она Гранту. – Все это. Это волшебство. Я могла бы это выпить.

– И вы это сделаете, – сказал он, – единственно возможным способом. – И заказал коктейли с шампанским.

Сначала они почти не разговаривали, и данное обстоятельство несколько их не тревожило. Грант проронил несколько фраз о Навоне.

– В античные времена это был цирк. Представьте себе всех этих гуляющих юнцов обнаженными и бегущими свои дистанции при свете факелов или бросающими диски в самую жару днем. – И, после некоторого молчания: – Вы знаете, что фигуры в середине фонтана олицетворяют четыре великих реки? Создал его Бернини, и он же, вероятно, изваял коня, что можно считать портретом.

И потом еще:

– Ту огромную церковь выстроили на месте публичного дома. Именно там с бедной святой Агнессы сорвали одежду, и в ответ на стыдливость девушки у нее немедленно выросли роскошные волосы, которые полностью ее укрыли.

– Она была, наверное, святой покровительницей леди Годивы²⁵.

– Или либреттистов «Волос».

– Совершенно верно. – Софи сделала еще глоток коктейля с шампанским. – Мне кажется, нам действительно следовало бы спросить друг у друга, что такое могло приключиться с мистером Мейлером, – сказала она.

Грант остался неподвижен, только пальцы его левой руки, лежавшей на столе, сжали ножку бокала.

– Разве нет? – рассеянно спросила Софи.

– Я не чувствую себя обязанным это делать.

– И я тоже, по правде говоря. В сущности, мне кажется, что без него гораздо лучше. Если вы не против моих слов.

– Нет, – вяло отозвался Грант. – Нет, не против. А вот и наш автомобиль.

IV

Когда в десять минут седьмого Аллейн вернулся в свой шикарный отель, его ждало сообщение с просьбой позвонить комиссару полиции Вальдарно. Он так и поступил, и тот как бы между прочим, но едва скрывая чувство профессионального удовлетворения, сообщил Аллейну, что его люди уже проследили женщину по имени Виолетта до ее жилища в трущобах. Сказав, что они проследили ее, он поправился, пояснив: он не имел в виду ее лично, поскольку его человек дома Виолетту не застал. Однако он собрал полезные сведения у соседей, которые знали о ее войне с Себастьяном Мейлером и рассказали, не совпадая во мнениях, что она была его брошенной любовницей, женой или помощницей в нечистых делах, что он серьезно предал ее и что она постоянно его клянет. Обладая скандальным характером, мстительностью и нелюбовью к детям, Виолетта не пользовалась популярностью среди женского населения своей улицы. Также ее задерживали за незаконное попрошайничество на чужой территории в этом районе. Выяснилось, что во времена своей юности мистер Мейлер оставил Виолетту на Сицилии.

– Где, мой дорогой суперинтендант, – сказал Вальдарно, – она вполне могла быть его соучастницей в контрабанде героина. Палермо, как всем нам хорошо известно, транзитный порт.

– Да, действительно.

– Все сходятся во мнении, что она немного не в себе.

– Даже так.

²⁵ Англосаксонская графиня (980–1067), которая, по легенде, проехала обнаженной, прикрывшись лишь волосами, по улицам города Ковентри в Великобритании ради того, чтобы ее муж снизил тяжелые налоги для своих подданных.

Оказалось, продолжал комиссар полиции, что в течение неопределенного времени, возможно, в течение нескольких лет, Мейлер избегал Виолетту, но, узнав, что он находился сначала в Неаполе, а потом в Риме, она выследила его, устроившись наконец продавщицей открыток у Сан-Томмазо.

– Я поговорил с этим ирландским доминиканцем, – сказал комиссар полиции. – Пусть не говорит глупостей, что никто не проскользнет мимо их бдительного ока, спускаясь на нижние уровни или уходя оттуда. Это просто смешно. Они продают свои открытки, четки, подсчитывают выручку, уходят в кладовки, спят, болтают, они молятся. Человеку с талантами Мейлера это не составило бы никакого труда.

– А как насчет женщины с талантами Виолетты?

– Ха-ха. Вы говорите о тени на стене? Хотя я уверен, что она *могла бы* ускользнуть от бдительного ока наших джентльменов, сомневаюсь, что она это сделала. И даже если и так, мой дорогой коллега, где она была, когда они обыскивали помещения? Я не сомневаюсь, что поиски были тщательными – на *это* они, бесспорно, способны, и освещение самое подходящее. Свою территорию они знают. Раскопки там ведутся в течение века. Нет, нет, я убежден, что Мейлер узнал вас и, зная о ваших огромных и блестящих успехах в этой области, всполошился и сбежал.

Хмыкнув, Аллейн сказал:

– Я отнюдь не уверен, что вселил ужас в эту лишенную очарования душу. Мне показалось, что внутренне Мейлер чувствовал себя вполне уверенно. Если не сказать – злорадствовал! Но это неважно. Вы хотите сказать, что в какой-то момент, когда мы бродили в этом подземном мире, он вдруг прозрел, как от удара молнии, и скрылся. Вот так сразу?

– Увидим, увидим. Я свою сеть раскинул. Аэропорты, пристани, stazioni²⁶.

Аллейн поспешно поздравил его со всеми этими военными операциями.

– Но тем не менее, – проговорил Вальдарно, – церковь мы обследуем. Завтра утром. Разумеется, не в моей практике лично руководить такими мероприятиями. Обычно, если дело считается достаточно важным, один из моих подчиненных докладывает кому-то из моего непосредственного окружения.

– Уверяю вас, господин комиссар...

– Но в данном случае, когда все так переплетено, когда примешивается международная составляющая и прежде всего когда столь выдающийся коллега делает нам честь... Ессо!²⁷

Аллейн соответственно поддакнул и подумал, что на самом деле Вальдарно, наверное, считает его жутким занудой.

– Поэтому завтра, – подытожил комиссар, – я покидаю свой письменный стол и начинаю военную операцию. Вместе с моими подчиненными. А вы нас сопровождаете, так?

– Благодарю. Буду рад участвовать.

Они покончили с рутинной прощальных комплиментов и положили трубки.

Аллейн искупался, переоделся и написал письмо жене.

«...поэтому ты видишь, что дело принимает странный оборот. Предполагалось, что я должен был подобраться к Мейлеру, дабы выяснить, насколько важным винтиком является он в этой героиневой игре и могу ли я через него выйти на его хозяев. Мой изначальный план заключался в том, чтобы подойти исподволь, использовать намек, завуалированное предложение, завязать отношения и, наконец, обрушить на него приличный груз доказательств и поймать, таким образом, с поличным. А теперь, черт бы его побрал, он исчезает, и я остаюсь с группой людей, среди которых могут находиться, а могут и не находиться жертвы его

²⁶ Вокзалы (итал.).

²⁷ Вот! (итал.)

обмана. Обдумай, если к этому времени тебя еще не сморил крепкий сон, моя дорогая, – обдумай эту ситуацию.

Чтобы затеять такое предприятие, как «Чичероне», Мейлер должен был иметь доступ к очень большим деньгам. Такого рода дела не делаются в рассрочку. Автомобили, водители, еда и главным образом совершенно феноменальная договоренность, достигнутая, похоже, с рестораном «Джоконда», общее правило которого – никаких туристических групп, какими бы высокопоставленными они ни были. Получается, что мы ужинаем по выбору из меню, сидим за лучшими столиками и пьем дистиллированное золото, если оно есть в их подвалах. И за все платит Мейлер. Конечно, я понимаю, что мы заплатили ему бешеные деньги, но это уже другой вопрос.

И потом – эта компания. Эти люди, выложившие по пятьдесят фунтов с носа за удовольствие услышать Барнаби Гранта, который с явной неохотой, очень плохо читает вслух из своего бестселлера. Следующий аттракцион: знакомство с древними памятниками, открытыми для публики, с последующим чаепитием, или что уж там у них было на Палатинском холме, и ужин в «Джоконде», который стоил бы им по двадцать фунтов с человека, приди они самостоятельно, а затем дальнейшие развлечения, кокетливо в проспекте не названные. Вероятно, очень дорогое стриптиз-шоу с шампанским, за которым, возможно, последует вечеринка с марихуаной. Или с чем похуже.

Хорошо. Возьмем леди Б. Она купается в деньгах. Одним из ее мужей был итальянский миллионер, и ей, возможно, платят в Риме алименты. Ей вполне по средствам позволить себе это развлечение. Она богата, пренебрегает условностями, очень страшная и целиком за *la dolce vita*²⁸. Она, не сомневаюсь, платит за этого невозможного Кеннета, который, на мой взгляд, употребляет наркотики и, следовательно, может оказаться полезной ниточкой, ведущей к деятельности Мейлера. По некоторым словам, оброненным юной и очаровательной Софи Джейсон, она просто вдруг решила выбросить пятьдесят фунтов из итальянских средств, доступных ей через деловые связи.

Ван дер Вегели – гротескная парочка, которая чрезвычайно меня интересует, как, думаю, заинтересовала бы и тебя. Гротескная? Нет, не совсем верное слово. Нам обоим нравится этруское искусство, правда? Помнишь? Помнишь ту мужскую голову, с бородой и в короне из листьев, в музее барокко? Помнишь тот улыбающийся рот, который, мне сейчас пришло на ум, в точности напоминает по форме птицу в полете, рот с тонкими усиками над ним, повторяющими и подчеркивающими изгиб губ? И широко открытые глаза? Какое занимательное лицо, подумали мы, но, возможно, очень жестокое? Уверю тебя, это портрет барона Ван дер Вегеля. Но в противовес этому ты помнишь нежную и счастливую пару на саркофаге на Вилле Джулия: абсолютное выражение удовлетворенной любви? Вспомни оберегающий жест мужчины. Необычайное сходство супругов, намек на тяжесть плеч, ощущение завершенности. Портрет точно Ван дер Вегелей. Может, по рождению они и голландцы, но разрази меня гром, если они не этруски по происхождению. Или по природе. Или как-то еще.

Однако в целом Ван дер Вегели производят нелепое впечатление. Над ломаным английским, или, коль на то пошло, исковерканным французским, всегда легко посмеяться. Помнишь у Мопассана рассказ об английской девушке, которая становилась все более скучной по мере улучшения ее французского? Ошибки баронессы всегда – как, несомненно, выразился бы противный Кеннет, – хороший повод похихикать.

Полагаю, что их присутствие в данной истории наименее удивительно. Они заядлые и беспощадные любители осматривать достопримечательности и фотографировать, и запасы

²⁸ Сладкая жизнь (*итал.*).

их энтузиазма неисчерпаемы. Не знаю, можно ли сказать то же в отношении их наличных средств.

Майор Свит. Прежде всего, почему майор Свит выбросил пятьдесят фунтов на подобную экскурсию? Судя по внешнему виду, он – карикатура, музейный экспонат, из тех служивших в Индии офицеров, которые тридцать лет назад были излюбленной темой для насмешек, крича на туземных слуг и приговаривая «ей-богу, а?». Мне это кажется неубедительным. Он вспыльчив, не дурак, полагаю, выпить и сластолюбив. В чем, к своему смятению, убедилась юная Софи в подземелье Митры. Он грубо, агрессивно и странно антирелигиозен. В отношении любой религии. Он валит их все в одну кучу, багровеет и, выводя свой непробиваемый довод из таинств, языческих или христианских, заявляет, что все это основано на каннибализме. Зачем ему было платить такие бешеные деньги за знакомство с двумя эпохами христианства и с митраистским подвалом? Чтобы иметь возможность всласть поглумиться?

Наконец – Барнаби Грант. На мой взгляд, он – главная загадка этой компании. Без лишних слов, вполне серьезно скажу, что не могу представить никакой разумной причины, по которой он, со всей очевидностью, подвергал бы себя жесточайшей пытке, если только Мейлер не надавил на него как-то по-другому. Шантаж. Он вполне может быть одним из побочных промыслов Мейлера и замечательно вписывается в контрабанду наркотиков.

И на десерт у нас странная Виолетта. Видела бы ты Виолетту с ее «Cartoline? Открытка для почта?» и лицом гарпии, беснующуюся, в черном платке! Комиссар полиции Вальдарно может отмахиваться от нее, ссылаясь на раздражительность продавщиц открыток, но можешь никогда больше мне не доверять, если эта женщина не одержима яростью. Что до слов Софи Джейсон, что она видела тень Виолетты на стене рядом с каменным саркофагом, она, скорее всего, права. Я тоже ее видел. Искаженную, но с лотком, платком и сутулыми плечами. Дело ясное, что дело темное, или меня зовут Ван дер Вегель.

И мне кажется, что Вальдарно прав, когда говорит, что Мейлер мог проскочить под носом у отца Дэниса и его парнишек. Там есть где укрыться.

Но, не имея никакого тому подтверждения, я не верю, что он это сделал.

С таким же успехом и Виолетта могла проскользнуть внутрь, и я действительно считаю, что *она* это сделала. И снова вышла?

Это тоже другая история.

Сейчас четверть девятого, вечер очень теплый. Я покидаю свой пятизвездочный номер ради пятизвездочного коктейль-бара, где очень надеюсь выпить вместе с леди Б. и ее племянником. Оттуда нас отвезут в «Джоконду», где мы, быть может, отведаем перепелов, фаршированных паштетом из гусиной печени, и запьем их расплавленным золотом. За счет Мейлера? Ну... Якобы.

Продолжение этой истории Догадок завтра. Храни тебя Бог, моя любимая, моя...»

Глава 5. Вечер отдыха

I

Пужинали они при свечах за длинным столом в саду. Сквозь густую листву далеко внизу сверкал Рим. Он походил на собственную модель, выставленную на черном бархате и так искусно подсвеченную, что его великие памятники сияли в своей оправе подобно драгоценным камням. По ночам Колизей освещают изнутри, и на этом расстоянии он больше не выглядит руинами, но кажется таким живым, что так и ждешь, будто вот сейчас из его многочисленных выходов потечет толпа, источая запах цирка. Он был невероятно красив.

Неподалеку от их стола располагался фонтан, перенесенный туда в какие-то давние времена со своего первоначального места в Старом Риме. В центре его стоял в ленивой позе Нептун: гладкий, роскошный и обнаженный, рассеянно теребивший кудрявые пряди своей бороды. Его поддерживали тритоны и разнообразные чудовища. Из всех этих фигур хлестала, била, тонкими струями стекала вода, наполняя резервуары, перетекая из одного в другой и создавая завесы из водяных капель. Запах воды, земли и растений смешивался с ароматами сигарного дыма, кофе, косметики и винных паров.

– *На что* все это похоже? – обратилась Софи к Гранту. – Все это великолепие? Я никогда не читала Овидия, а вы? Во всяком случае, викторианством здесь и не пахнет²⁹.

– Как насчет Антониони?

– Что ж... пожалуй. Но не «Сладкая жизнь». По-моему, я не улавливаю никакого намека на социальное разложение, правда. А вы?

Он не ответил, и Софи посмотрела через стол на Аллейна.

– А вы? – спросила она у него.

Взгляд Аллейна упал на руку леди Брейсли, лежавшую на столе подобно брошенной вещи. Изумруды, рубины и бриллианты опоясывали эту дряблую конечность, на тыльной стороне ладони проступали вены, кольца сбились на сторону, а ногти – интересно, они у нее накладные? – подумал он и увидел, что так и есть, – оставили на скатерти легкие вмятины.

– *Вы*, – настаивала Софи, – улавливаете разложение в обществе?

А потом, осознав, по-видимому, присутствие леди Брейсли и, возможно, Кеннета, покраснела.

Цвет лица Софи воспели бы поэты эпохи короля Якова³⁰ – румянец очень нежно приливал к ее коже и светился под ней. Глаза ее сияли в свете свечей, а вокруг волос образовался нимб. Она была свежа, как маргаритка.

– В данный момент, – улыбнулся ей Аллейн, – совсем не улавливаю.

– Отлично! – обрадовалась Софи и повернулась к Гранту. – Тогда мне не нужно чувствовать себя виноватой за то, что хорошо провожу время.

– Вам так это нравится? Да, вижу, что нравится. Но почему вы должны извиняться?

– О... не знаю... пуританская жилка, наверное. Мой дед Джейсон был квакером³¹.

– Он часто вам является?

²⁹ В эпоху английской королевы Виктории (1837–1901) культивировалось неприятие и даже отвращение к удовольствиям.

³⁰ Король Яков I правил Англией и Шотландией с 1603 по 1625 год.

³¹ Представитель протестантского христианского движения, возникшего в Англии в середине XVII века.

– Совсем не так часто, но, думаю, как раз сейчас он здесь притаился. Знаете, «суетность, тщеславие» и проповедь о том, имеет ли человек право покупать столь дорогостоящий вечер, зная, что собой представляет мир.

– В смысле, вам следовало бы потратить эти деньги на добрые дела?

– Да. Или вообще их не трогать. Дедушка Джейсон был еще и банкиром.

– Скажите ему, чтобы уходил. Вы сделали массу добра.

– Я? Как? Невозможно.

– Вы превратили то, что обещало быть отвратительным вечером, в...

Грант осекся, переждал мгновение, а потом наклонился к ней.

– Да, что ж, хорошо, – поспешно проговорила Софи. – Вам не надо было из-за этого переживать. Дурацкий разговор.

– ... в нечто почти приемлемое, – закончил Грант.

Аллейн подумал: «Она, без сомнения, вполне способна за себя постоять, но ветреной я бы ее не считал. Наоборот. Надеюсь, Грант не хищник. В ее мире он бог, и внешность у него романтическая, и опустошенный бог к тому же. Просто работа, чтобы заполнить время в Риме. Старше ее лет на двадцать, вероятно. Он снова заставил ее покраснеть».

Сидевший во главе стола майор Свит заказал себе еще порцию коньяка, но никто его примеру не последовал. Бутылки с шампанским в беспорядке стояли в ведерках со льдом, кофейные чашки унесли. Появился Джованни, переговорил с официантом и удалился вместе с ним, предположительно оплатив счет. Метрдотель Марко уверенно надвинулся на них и не в первый раз принялся наклоняться, смеяться и ворковать над леди Брейсли. Она пошарила в золотистом ридикюле и, когда Марко поцеловал ей руку, оставила что-то в его руке. Этот маневр, с некоторыми отклонениями, он повторил с баронессой, вставил веселую похвалу Софи, охватил весь стол всеобъемлющим поклоном и умчался прочь, покачивая бедрами.

– Ну и штучка, – сказал Кеннет, обращаясь к тетке.

– Дорогой, – ответила она, – что ты такое говоришь! Правда, он гадкий, майор? – окликнула она через стол майора Свита, который неотрывно разглядывал Софи поверх бокала с бренди.

– Что? О! Отвратительный, – отозвался майор.

Кеннет пронзительно засмеялся.

– Когда мы едем? – спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь. – Куда мы отсюда поедем?

– Мы теперь веселые! – воскликнула баронесса. – Теперь мы танцуем, и все шикарно, и ночная жизнь. В «Космо», да?

– В «Космо»! – смеясь, эхом отозвался барон.

Они широко улыбнулись, обводя взглядом сидящих за столом.

– В таком случае, – сказала леди Брейсли, беря сумочку и перчатки, – я голосую за *ritirata*³².

В мгновение ока подскочил официант, чтобы набросить ей на плечи меха.

– Я тоже, я тоже, – подхватила баронесса, и вместе с ними ушла и Софи.

Майор допил бренди.

– В «Космо», да? – сказал он. – Повеселимся там на славу, да? Ну, тогда нам, наверное, лучше двинуться в путь...

– Можно не спешить, – усмехнулся Кеннет. – Лучшее тетушкино официальное время в *la ritirata* – девятнадцать минут, и то когда ей нужно было успеть на самолет.

³² Туалет (*итал.*).

Барон увлеченно совещался с майором и Грантом насчет чаевых. Их официант стоял у выхода из ресторана. Аллейн подошел к нему.

– Ужин был бесподобный, – сказал он и дал чаевых ровно настолько больше, чтобы подкрепить последовавшую просьбу. – Хочу узнать, могу ли я переговорить с синьором Марко? У меня к нему есть личные рекомендации, которые я хотел бы предъявить. Вот они.

Это была карточка Вальдарно с соответствующей припиской на обороте. Официант быстро глянул на нее, потом на Аллейна и сказал, что посмотрит, у себя ли в кабинете этот великий человек.

– Думаю, что у себя, – весело сказал Аллейн. – Пойдем туда?

Поспешив по внутреннему ресторанным коридору, официант вышел в фойе и через него – в небольшую переднюю, где попросил Аллейна подождать. Негромко постучал в дверь с табличкой «Il direttore»³³, пробормотал что-то открывшему ее элегантному молодому человеку и подал карточку. Молодой человек отсутствовал очень непродолжительное время и вернулся, обаятельно улыбаясь и приглашая войти.

Кабинет Марко был невелик, но роскошен. Хозяин его церемонно приблизился к Аллейну со сдержанным радушием.

– Еще раз добрый вечер, мистер... – он посмотрел на карточку. – Мистер Аллейн. Надеюсь, вы хорошо поужинали? – Он прекрасно говорил по-английски. Аллейн решил не показывать своего знания итальянского.

– Восхитительно, – ответил он. – Великолепный вечер. Комиссар полиции Вальдарно рассказал мне о ваших талантах и нисколько не погрешил против истины.

– Я рад.

– По-моему, несколько лет назад вы, помнится, работали в Лондоне, синьор. В «Примавере».

– Ах! Дни моей юности. Я, между прочим, создал тогда тридцать один салат. Пять из них, пожалуй, достойны воспоминания. Могу я вам чем-то помочь, мистер Аллейн? Любой друг комиссара Вальдарно...

Аллейн быстро принял решение.

– Вообще-то можете, – сказал он. – Если будете столь любезны. Мне кажется, следует сказать вам, синьор, что я коллега комиссара и нахожусь в Риме не только ради удовольствия. Разрешите...

Он подал свою рабочую визитную карточку. Марко взял ее своими пальцами с прекрасным маникюром и пять секунд сохранял полную неподвижность.

– Ах да, – промолвил он наконец. – Разумеется. Я должен был бы вспомнить по моей жизни в Лондоне. То *cause célèbre*³⁴. Ваша блистательная карьера. А потом... точно... ваш брат... он был послом в Риме, кажется, какое-то время назад?

Обычно реакцией Аллейна на упоминание о его брате Джордже было стремление из кожи вон вылезти, нежели получить какую-то выгоду благодаря их родству. Он поклонился и продолжил.

– Это довольно деликатное дело, – произнес он и почувствовал, что выражается, как герой эдвардианского триллера или даже как обитатель дома номер 221 «Б» по Бейкер-стрит. – Уверяю, я не стал бы вас беспокоить, если бы мог этого избежать. Дело в том, что мы с комиссаром Вальдарно попали в затруднительное положение. Нам стало известно, что один неприятный субъект, личность которого до настоящего времени была неизвестна, живет в Риме. Он вступил в контакт с людьми самыми высокопоставленными, которые будут шокированы, узнав подробности об этом человеке. Как, думаю, были бы шокированы и вы.

³³ Директор (*итал.*).

³⁴ Громкое дело (*фр.*).

– Я? Вы полагаете?..

– Он один из ваших клиентов. Мы считаем себя обязанными предупредить вас.

Если Марко имел, по итальянским меркам, весьма цветущий вид, теперь он его утратил. Щеки его посерели настолько, что безупречно выбритый подбородок сделался, по контрасту, багровым. За спиной у Аллейна раздалось какое-то шарканье. Он обернулся и увидел, что за столом сидит впусивший его красивый молодой человек и изображает крайнюю увлеченность документами.

– Я не знал... – проговорил Аллейн.

– Мой секретарь. Он не говорит по-английски, – объяснил Марко и добавил по-итальянски: – Альфредо, ты вполне можешь нас оставить. – И все еще по-итальянски обратился к Аллейну: – Так будет лучше, верно?

Аллейн недоумевающе на него посмотрел.

– Простите, – сказал он и развел руками.

– Ах, вы не говорите на нашем языке?

– Увы!

Молодой человек быстро спросил по-итальянски:

– *Padrone*³⁵, неприятности? Это?..

– Все в порядке, – оборвал его Марко. – Я же сказал. Оставь нас.

Когда молодой человек вышел, Аллейн продолжал:

– Я не задержу вас надолго. Человек, о котором я говорю, – мистер Себастьян Мейлер.

После краткой паузы Марко сказал:

– В самом деле? Вы, как я понимаю, уверены в своих словах?

– Достаточно уверен, чтобы проинформировать вас. Конечно, вы предпочтете справиться у самого комиссара. Уверяю вас, он их подтвердит.

Марко наклонил голову и как бы извинился жестом.

– Но конечно, конечно. Вы меня очень поразили, мистер Аллейн, но я весьма признателен за это предупреждение. Я прослежу, чтобы мистер Мейлер больше не появлялся в «Джоконде».

– Прошу меня простить, но разве в обыкновении «Джоконды» распространять свое гостеприимство на туристические группы?

Марко быстро и гладко заговорил:

– О простой туристической группе – с пакетом услуг – и речи быть не могло бы. Комплексный обед с *fiasco*³⁶ вина – с флажками на столе – немыслимо! Но эта договоренность, как вы знаете, совсем иного рода. Гости заказывают индивидуально, по меню, как во время обычного торжественного ужина. Тот факт, что *conto*³⁷ оплачивает принимающая сторона – даже если этот человек профессиональный гид, – большого значения не имеет. Признаюсь, что, когда мистер Мейлер обратился ко мне в первый раз, я отклонил его предложение, но потом... он показал мне свой список. Блистательный список. Одна леди Брейсли – едва ли не самая уважаемая наша клиентка. А мистер Барнаби Грант – поистине выдающийся человек.

– Когда Мейлер обратился к вам впервые?

– Думаю... неделю назад.

– Значит, сегодня – первый из этих торжественных ужинов?

– И последний, могу вас уверить, если то, что вы говорите, правда.

– Вы, конечно, заметили, что он не появился?

³⁵ Хозяин (*итал.*).

³⁶ Бутылка, фляжка (*итал.*).

³⁷ Счет (*итал.*).

– С некоторым удивлением. Но его помощник, Джованни Векки, сотрудник туристического агентства с хорошей репутацией, сообщил нам, что его хозяину нездоровится. Должен ли я понимать?..

– Может, ему и нездоровится, но он, несомненно, исчез.

– *Исчез?* – Бледные щеки Марко пошли красными пятнами. – Вы хотите сказать?..

– Только это. Пропал.

– Это очень странно. Должен ли я понимать так, что вы считаете, будто он...

Марко шевельнул полными губами, как будто перебирая слова, и, отбросив их, остановился на «скрылся».

– Это теория комиссара Вальдарно.

– Но не ваша? – быстро уточнил он.

– У меня нет никакой теории.

– Я прихожу к выводу, мистер Аллейн, что ваше присутствие здесь этим вечером, последовавшее за вашим участием в дневной экскурсии, является работой, а не отдыхом.

– Да, – бодро согласился Аллейн. – Не без того. А теперь я не должен больше занимать ваше время. Если... а возможность этого, полагаю, крайне мала... если мистер Мейлер появится здесь... – Марко издал легкое восклицание и слегка поморщился, – комиссар Вальдарно и я будем крайне вам признательны, если вы ничего не скажете ему об этом разговоре. Просто сразу же позвоните по... но, кажется, номер указан на карточке комиссара.

– Комиссар, – поспешно прибавил Марко, – я уверен, поймет, что любые неприятности здесь, в ресторане, были бы... – он воздел руки.

– Немыслимы, – закончил Аллейн. – О, да. Понимаете, все будет проделано очень тактично и совершенно тайно.

Он протянул руку. Ладонь Марко была влажной и очень холодной.

– Но ведь вы, – продолжал выпытывать он, – сами вы считаете, что он не вернется, не так ли?

– Я не настаиваю, но это моя идея, – согласился Аллейн. – В любом случае не по своей воле. Прощайте.

На обратном пути он зашел в телефонную будку и позвонил Вальдарно, который сообщил, что продолжал наводить справки, но новостей нет. Нашли квартиру Мейлера. Швейцар сказал, что Мейлер покинул ее около трех часов и до сих пор не вернулся. Полиция быстро обыскала квартиру, в которой, похоже, царил порядок.

– Нет следов внезапного отъезда?

– Никаких. Тем не менее я по-прежнему убежден...

– Господин комиссар, могу я просить вас добавить к тем многочисленным любезностям, которые вы мне оказали, еще одну? Я не знаком с правилами и процедурами вашей полиции, но понимаю, что у вас меньше ограничений, чем у нас. Можно ли немедленно оставить в квартире Мейлера человека и мог бы этот человек отвечать на телефонные звонки и тщательно регистрировать любые звонки, по возможности прослеживая их происхождение? Я думаю, в высшей степени вероятно, что Марко из «Джоконды» попытается сейчас до него дозвониться и сделает это снова. И снова.

– *Марко!* Но... да, конечно. Но...

– Я с ним разговаривал. Он был осторожен, но его реакция на это исчезновение была интересной.

– В каком смысле? Он забеспокоился?

– Забеспокоился... да. Не столько, думаю, из-за исчезновения Мейлера, сколько из-за мысли о его возвращении. Такая возможность, если я не ошибаюсь, пугает его.

– Я немедленно распоряжусь, – сказал комиссар.

– Если завтра Мейлер все еще не появится, вы позволите мне осмотреть его комнаты?

– Ну, разумеется. Я предупрежу своих людей.

– Вы чрезвычайно любезны, – сказал Аллейн.

В вестибюле «Джоконды» он застал всю компанию, за исключением леди Брейсли. Он заметил, что Джованни коротко посовещался с мужчинами. Сначала он заговорил с Кеннетом Дорном, который согласно кивал, украдкой озираясь. Джованни перешел к майору, который, игнорируя Кеннета, слушал жадно, но подчеркнуто равнодушно, что совсем не вязалось с усмешкой, кривившей его губы. Джованни, похоже, каким-то образом послал сигнал барону Ван дер Вегелю, который к ним подошел. Он тоже слушал внимательно, всю улыбаясь своей этрусской улыбкой. Говорил он мало и, воссоединившись с женой, наклонился к ней, их руки переплелись. Склонив голову набок, баронесса пристально смотрела на мужа. Он взял ее за кончик носа и нежно, игриво ущипнул его. Она широко ему улыбнулась и похлопала по щеке. Барон поднес ее руку к губам. Аллейн подумал, что никогда еще не видел более откровенной демонстрации физической любви. Барон слегка качнул головой в сторону Джованни, который грациозно поклонился, и посмотрел на Гранта, беседовавшего с Софи. Грант тут же громко произнес:

– Нет, спасибо.

И Джованни подошел к Аллейну.

– Синьор, – сказал он, – мы едем в «Космо», очень престижный и привилегированный ночной клуб, где гости останутся столько, сколько пожелают. Возможно, до двух, когда «Космо» закрывается. На этом программа тура завершится. Однако синьор Мейлер договорился о продолжении экспедиции для тех, кто, возможно, из легкого любопытства желает расширить свои познания о ночной жизни Рима. Можно выпить, покурить в приятной компании. Юноши и девушки, весьма прелестные. Все очень прилично. Автомобили будут предоставлены без дополнительной платы, но само развлечение не включено в стоимость этого тура.

– Сколько? – спросил Аллейн.

– Синьор, плата составляет пятнадцать тысяч лир.

– Очень хорошо, – сказал Аллейн. – Я поеду.

– Вы не разочаруетесь, синьор.

– Отлично.

В вестибюле появилась леди Брейсли.

– А вот и я! – воскликнула она. – Вдрызг пьяна и готова ко всяким безумствам. Веселье продолжается!

К ней подошли Кеннет и Джованни. Племянник обнял ее за талию и что-то сказал вполголоса.

– Конечно! – громко ответила леди Брейсли. – Зачем спрашивать, дорогой? Я с удовольствием.

Она повернула к Джованни лицо и расширила глаза. Джованни поклонился и окинул ее взглядом настолько откровенно почтительным и слегка дерзким, что Аллейну захотелось либо сбить его с ног, либо сказать леди Брейсли все, что он о ней думает. Он увидел, что Софи Джейсон смотрит на нее с чувством, похожим на отвращение.

– А теперь, дамы и господа, – провозгласил Джованни, – в «Космо»!

II

«Космо» оказался действительно экстравагантным ночным клубом. Едва компания уселась, на их столах захлопали пробками бутылки шампанского. Очень скоро оркестранты покинули свой помост, по одному спустившись к передним столикам. Контрабасист и виолончелист просто-напросто положили инструменты на столы и принялись щипать струны.

Скрипачи и саксофонисты подошли как можно ближе. Ударник держал тарелки над головой съездившегося майора Свита. Восемь почти обнаженных девушек, украшенных тропическими фруктами, скакали рядом. Заиграли «Черную молнию», и они превратились в негритянок. Шум стоял поистине чудовищный.

– Что же, все еще отпугиваете дедушку Джейсона? – спросил Грант у Софи.

– Не уверена, что он опять не нагрянет.

Грохот стоял такой, что они вынуждены были кричать друг другу на ухо. Леди Брейсли дергала плечами в такт саксофонисту, стоявшему рядом с ее столом. Он умудрялся с вождением пожирать ее глазами, продолжая выдувать звуки.

– Похоже, здесь, как и в «Джоконде», – сказал Грант, – она в коротком списке персон грата.

– Пожалуй, – улынулась Софи.

– Скажите только слово, если захотите уйти. Мы ведь можем, вы знаете. Или вы хотите досмотреть шоу до конца?

Софи слегка покачала головой. Она пыталась как-то разобраться в своих чувствах. Странно было думать, что менее двенадцати часов назад она встретила Гранта, в сущности, впервые. Далеко не в первый раз она мгновенно увлекалась кем-то, но никогда еще не испытывала такой острой неприязни, за которой, без всякой видимой причины, последовало полное ощущение близости. В какой-то момент они без удержу пикировались, а в следующий, не больше чем через пятнадцать минут, сплетничали в святилище Митры, словно не только знали, но и понимали друг друга многие годы. Я, думала Софи, и Барнаби Грант. Очень странно, если вдуматься. Вот было б здорово, если бы все это можно было приписать сильной неприязни, которая иногда предшествует такому же сильному физическому влечению, но нечего об этом и мечтать. Ясно, что упасть друг другу в объятия им не грозит.

– Если мы останемся, – говорил Грант, – я могу подхватить вас на руки.

Софи онемела от этого сверхъестественного преломления ее мыслей.

– В качуке, фанданго, болеро или в чем хотите, – объяснил он. – С другой стороны... *обратите* все же внимание, – сердито проговорил Грант. – Я изо всех сил за вами ухаживаю.

– Как мило, – отозвалась Софи. – Я вся внимание.

Шум стих, оркестр возвратился на свой помост, негритянки вернули себе облик обнаженных розовых куколок и удалились. Сладкозвучный тенор, сверкая глазами, зубами и подпуская в голос рыдание, вышел и спел «Санта-Лючию» и другие знакомые песни. Он тоже перемещался среди зрителей. Леди Брейсли протянула ему веточку вечнозеленой растительности, которой был украшен ее стол.

За тенором последовало начало программы – знаменитая чернокожая певица в стиле соул. Она была красивой и волнующей, как и ее пение. «Космо» замер. Одна из песен рассказывала о безнадежности, раненых чувствах и унынии и в устах певицы превратилась в своего рода обвинение. Софи казалось, аудитория почти уничтожена под ее напором, и ей было странно, что леди Брейсли, например, и Кеннет могли сидеть, одобрительно смотреть и почтительно присоединяться к аплодисментам.

Когда она ушла, Грант сказал:

– Это было удивительно, правда?

Услышавший его слова Аллейн подхватил:

– Необыкновенно. Неужели современная аудитория считает, что стремление к удовольствию удовлетворяется лучше всего тогда, когда у вас из-под ног выбивают почву?

– О, – сказал Грант, – разве не всегда так было? Мы любим, чтобы нам напоминали, что в Датском королевстве что-то прогнило. Это позволяет нам чувствовать себя важными.

Программа закончилась выступлением очень стильного ансамбля, свет приглушили, оркестр принялся наигрывать танцевальную музыку, и Грант обратился к Софи:

– Давайте же! Хотите вы или нет?

Они потанцевали, говоря мало, но с удовольствием.

Появился Джованни, и леди Брейсли потанцевала с ним. Они с большим мастерством проделывали замысловатые па.

Ван дер Вегели, с полуулыбкой, тесно обнявшись, покачивались и поворачивались на пятачке, держась поближе к погруженному в темноту краю танцевальной площадки.

Майор Свит, который предпринял старательную, но запоздалую попытку пригласить Софи, сидел, пил шампанское и уныло беседовал с Аллейном. Тот заключил, что майор – выпивоха бывалый и даже в сильном подпитии долго сохраняющий более или менее приличный контроль над собой.

– Очаровательная она девушка, – бормотал майор. – Естественная. Милая. Но и сексапильная, заметьте. Глаз не оторвать, а? – Довольно мрачно добавил: – Просто милая, приятная, естественная девушка... как я и говорю.

– Вы поедете на другое шоу? – спросил Аллейн.

– А вы сами? – задал встречный вопрос майор. – Что справедливо, то справедливо. Наказание маршировкой с полной выкладкой, насколько мне известно... – туманно добавил он. – При прочих равных...

– Да, я еду.

– Дайте пять, – предложил майор, протягивая руку. Но, обнаружив, что она наткнулась на бутылку с шампанским, снова наполнил свой бокал. Перегнулся через стол. – Чего я только в свое время не повидал, – признался он. – Вы человек широких взглядов. На вкус и цвет товарищей нет, но из всего этого складывается опыт. Ни слова дамам – чего они не увидят, о том не станут горевать. Сколько мне лет? Давайте же. Скажите. Сколько мне, по-вашему, лет?

– Шестьдесят?

– И десять. Законный отрезок жизни, хотя трудно поверить. До встречи со всеми вами этим вечером, мой мальчик. – Он наклонился вперед и печально посмотрел на Аллейна, не фокусируя взгляд. – Я говорю, – пробормотал он. – *Она-то* не поедет, а?

– Кто?

– Старая перечница.

– Полагаю, поедет.

– Господи!

– Это непомерно дорого, – заметил Аллейн. – Пятнадцать тысяч лир.

– Пусть только попробуют нас надуть, а? Я полон надежд, – плотоядно осклабился майор. – И вот что я скажу вам, старина, в обычных обстоятельствах вы бы меня здесь не увидели. А знаете что? Волнение. Зеленое сукно. Монте-Карло. И – бах! – Он широко взмахнул обеими руками. – И все – бах!

– Большой выигрыш?

– Бах!

– Великолепно.

И этим, предположил Аллейн, можно объяснить поведение майора. Или нет?

– Странная история с Мейлером, вам не кажется? – спросил он.

– Бах! – Майор, похоже, застрял на этом восклицании. – Странное поведение, – добавил он. – Неприличное поведение, если вы меня спросите, ну да ладно. – Он на несколько секунд погрузился в мрачное молчание, а затем заорал так громко, что люди за соседним столом уставились на него: – Тем, черт побери, и лучше. Прошу прощения за выражение.

После этого он, судя по всему, потерял желание разговаривать, и Аллейн присоединился к Кеннету Дорну.

После ухода соул-певицы Кеннет снова впал в кажущуюся хронической вялость, прерываемую вспышками суетливости. Он не делал попытки потанцевать, но теребил оборки своей сорочки и часто поглядывал на вход, как будто ждал какого-то нового гостя. Он бросил на Аллейна один из своих беспокойных, изучающих взглядов.

– Вы великолепно выглядите, – сказал он. – Вам весело?

– Мне, по крайней мере, интересно. Подобные вещи совершенно не в моем вкусе. Это опыт.

– О! – нетерпеливо воскликнул Кеннет. – Это! – Он шаркнул ногой. – По-моему, вы держались потрясающе, – сказал он. – Вы понимаете. То, как вы распоряжались всеми после исчезновения Себа. Слушайте. Вы думаете, что он... вы понимаете... я хочу сказать... что вы думаете?

– Понятия не имею, – ответил Аллейн. – Я никогда раньше не видел этого человека. А у вас с ним, кажется, очень дружеские отношения.

– У меня?

– Вы называете его Себ, не так ли?

– Да ладно. Понимаете. Просто такая манера. Почему нет?

– Возможно, он вам полезен.

– Каким же это образом? – проговорил Кеннет, не сводя с Аллейна глаз.

– В Риме. Я надеялся... разумеется, я могу серьезно ошибаться. – Аллейн оборвал себя. – Вы едете на эту позднюю вечеринку? – спросил он.

– Конечно. И мне все равно, сколько придется ждать.

– Правда? – отозвался Аллейн. И, надеясь, что правильно и с правильной интонацией употребляет жаргонное слово, спросил: – Можно ожидать увидеть «сцену»?

Кеннет кончиком пальца откинул прядь волос, упавшую на глаза.

– Какого рода «сцену»? – осторожно спросил он.

– Группу... э... или я неправильно выразился? Я пока еще не подсел... так, кажется, называется? Я хочу «опыта». Понимаете?

Теперь Кеннет неприкрыто его разглядывал.

– Вы, конечно, выглядите классно, – сказал он. – Знаете, просто круто. Но... взглянем правде в глаза. Начистоту, дорогой. Начистоту.

– Сожалею, – сказал Аллейн. – Мистер Мейлер должен был помочь мне с заменой.

– Пусть это вас не тревожит. У Тони здорово.

– У Тони?

– Там, куда мы едем. В «БерлогуТони». Самое лучшее местечко. Отличное. Знаете? «Травка», кое-что покрепче, все такое. Причем никаких осложнений. Немножко поторчим.

– Поторчим?..

– Это такая вечеринка. Психоделическая.

– Шоу среди присутствующих?

– Если хотите... но наоборот. Такое модное. Некоторые приходят просто похихикать и уходят. Но если вас забирает, ради чего это и делается, вы ловите кайф.

– Очевидно, вы уже бывали там раньше?

– Не стану вас обманывать, бывал. Нас возил Себ.

– Нас?

– Тетушка тоже ездила. Она так любит новые впечатления. Она изумительная... честно. Я не шучу.

Пересиливая себя, Аллейн непринужденно спросил:

– Себ... посадил вас?

– Совершенно верно. В Перудже. Я подумываю, – сказал Кеннет, – сменить.

– Сменить?

– Сделать большой скачок. С «травки» на иглу. Ну, у меня, между прочим, есть вкус. Понимаете. И заметьте, зависимости у меня нет. Так, изредка принимаю дозу. Только чтобы повеселиться.

Аллейн посмотрел в лицо, которое еще не так давно было, видимо, привлекательным. Полицейские с такой же неохотой определяют характер по лицам людей, с какой позволяют читать собственные мысли по своим лицам, но Аллейну пришло на ум, что если бы не отталкивающий цвет лица и постоянно искривленный в безвольной усмешке рот, то Кеннет был бы вполне симпатичным парнем. Даже теперь он еще мог оказаться не таким распушенным, как можно было предположить по его поведению в целом. И что бы там ни произошло или еще произойдет с мистером Себастьяном Мейлером, подумал Аллейн, это и на миллионную долю не сравняется с тем, чего он, безусловно, заслуживает.

Кеннет нарушил повисшее между ними молчание.

– Послушайте, – сказал он, – это, разумеется, идиотизм, но вот была бы умора, если бы после общения с Себом и поездки к Тони и всего прочего вы оказались бы тем самым Человеком?

– Тем самым Человеком?

– Да. Вы понимаете. Полицейским в штатском.

– Я похож на такого?

– Нисколечко. У вас шикарный вид. Однако, возможно, это ваша хитрость, верно? Но все равно вы не можете меня арестовать, когда мы не на британской земле. Или можете?

– Я не знаю, – ответил Аллейн. – Спросите у полисмена.

Кеннет измученно усмехнулся.

– Честно, вы меня убиваете, – сказал он и добавил после еще одной паузы: – Если я не слишком много себе позволяю, а чем вы занимаетесь?

– А как по-вашему?

– Не знаю. Чем-нибудь ужасно высокопоставленным и деликатным. Как дипломатия. Или это ушло вместе с лордом-камергером?

– А лорд-камергер ушел?

– Ну, тогда пришел. Думаю, он до сих пор ковыляет по дворцовым коридорам с ключом на груди. – Какая-то мысль, по-видимому, поразила Кеннета. – О боже! – слабо воскликнул он. – Только не говорите мне, что вы *и есть* лорд-камергер.

– Я не лорд-камергер.

– Вот уж мне повезло бы.

Оркестр нерешительно умолк. Барнаби Грант и Софи Джейсон вернулись к столу. Джованни грациозно подвел леди Брейсли к ее столику, где в транс сидел майор. Ван дер Вегели, держась за руки, присоединились к ним.

Джованни объяснил, что второй водитель отвезет Софи, Ван дер Вегелей и Гранта в их гостиницы, когда они пожелают, а сам он займется другими членами группы.

Аллейн заметил, что «Берлогу Тони» Джованни не назвал и что общего, открытого объявления о дополнительном развлечении не прозвучало. Только те довольно скрытые подходы к мужской части компании. И через Кеннета – к леди Брейсли.

Ван дер Вегели сказали, что хотели бы потанцевать еще немного, а затем поехать к себе. Софи и Грант с этим согласились и, когда оркестр грянул снова, вернулись на танцпол. Аллейн оказался наедине с Ван дер Вегелями, которые с довольным видом потягивали шампанское.

– У меня не очень хорошо получается, баронесса, – сказал Аллейн. – Но, может, вы рискнете?

– Конечно.

Сама она, как многие крупные женщины, танцевала очень хорошо – уверенно и легко.

– Но вы хорошо танцуете, – сказала она через несколько секунд. – Почему вы сказали не так? Это то британское самоуничижение, о котором мы слышим?

– Танцуя с вами, трудно ошибаться.

– Ха-ха, ха-ха, комплимент! Лучше и лучше!

– На другую вечеринку вы не едете?

– Нет. Мой муж считает, что нам это не подходит. Ему не очень понравилось, в каком стиле это было предложено. Это скорее для мужчин, сказал он, поэтому я дразню его и говорю, что он большой консерватор, а я не такая уж и неискушенная.

– Но он остается тверд?

– Он остается тверд. Значит, вы едете?

– Я согласился, но теперь вы меня тревожите.

– Нет! – воскликнула баронесса с лукавой улыбкой. – Этому я не верю. Вы такой шикарный. Искусственный. Это я вижу очень ясно.

– Перемените решение. Поедемте, присмотрите за мной.

Это вызвало у баронессы взрыв веселья. Она мастерски скользила в танце, заливаясь смехом, а потом, когда Аллейн стал настаивать, внезапно приняла серьезный вид. Понизив голос, баронесса объяснила: она уверена, что Аллейн ей не поверит, но они с бароном действительно придерживаются самых пуританских взглядов. Они лютеране, сказала баронесса. Они, например, отнюдь не в восторге от римской ночной жизни, как ее изображают в итальянских фильмах. Аллейн когда-нибудь слышал об издательской фирме «Адриан и Велкер»? Если нет, она должна сказать ему, что они стоят на очень твердых позициях в отношении морали и что барон, их представитель за рубежом, поддерживает данный подход.

– В наших книгах все чисто, все честно и благотворно, – объявила она и с большим воодушевлением начала расписывать сей высокий стандарт литературной гигиены.

Это не поза, подумалось Аллейну, это склад ума: баронесса Ван дер Вегель (как, по-видимому, и ее муж) была по-настоящему набожной и, подумал он, искоса глядя на этрусскую улыбку, обладала, по всей вероятности, спокойной безжалостностью, которая так часто сопровождает пуританский характер.

– Мы с мужем, – сказала она, – согласны в отношении... кажется, вы называете это «терпимое» общество, правильно? Мы согласны абсолютно во всем, – добавила она со сдержанным бесстыдством. – Мы всегда счастливы вместе и соглашаемся в наших взглядах. Как близнецы, верно? – И она снова разразилась хохотом.

Танец, безмятежность, внезапные приступы веселости баронессы подтверждали ее несуразные заявления: она была чрезвычайно довольной женщиной, подумал Аллейн, физически удовлетворенной женщиной. Интеллектуально и морально удовлетворенной, кажется, тоже. Она повернула голову и посмотрела на сидевшего за столиком мужа. Супруги улыбнулись друг другу и приветственно пошевелили пальцами.

– Вы в Риме впервые? – спросил Аллейн.

Когда люди танцуют, и танцуют слаженно, то, какими бы чужими ни были они друг другу в остальном, между ними возникает физическое согласие. Аллейн немедленно уловил возникшее у баронессы отчуждение, но она с готовностью ответила, что они с мужем несколько раз бывали в Италии, и в частности в Риме. Муж достаточно часто ездит сюда по делам издательства, и когда это удобно, она его сопровождает.

– Но в этот раз вы просто отдыхаете, – уточнил Аллейн.

Баронесса подтвердила и спросила:

– Вы тоже?

– О, безусловно, – ответил Аллейн и отправил партнершу в дополнительное вращение. – А в предыдущие визиты вы посещали экскурсии с «Чичероне»? – поинтересовался он. И снова – ошибиться было нельзя – холодок отчуждения.

– По-моему, это бюро возникло недавно, – сказала баронесса. – Совершенно новое и крайне занимательное.

– Вам не кажется странным, – спросил Аллейн, – что, похоже, никого из нас особо не беспокоит отсутствие нашего чичероне?

Он почувствовал, как приподнялись массивные плечи.

– Наверное, это странно, – признала баронесса, – что он исчезает. Мы надеемся, что с ним все в порядке, не так ли? Только это мы и можем сделать. Тур получился удачным.

Они прошли мимо их столика. Барон воскликнул: «Отлично, отлично!» – и негромко поаплодировал своими ручищами, хваля их танец. Леди Брейсли оторвала взгляд от Джованни и утомленно-оценивающе посмотрела на них. Майор спал.

– Мы думаем, – сказала баронесса, возобновляя разговор, – что у него возникли, вероятно, неприятности с продавщицей открыток. С Виолеттой.

– Она явно устроила ему сцену.

– Мы считаем, что она была там. Внизу.

– Вы ее видели?

– Нет. Мисс Джейсон видела ее тень. Нам показалось, что мистер Мейлер расстроился, когда услышал об этом. Он изо всех сил делал вид, что не придает этому значения, но был расстроен.

– Весьма устрашающая дама, эта Виолетта.

– Она ужасная. Подобная ненависть, так открыто показанная, – пугает. Любая ненависть, – заметила баронесса, ловко откликаясь на смену танцевального па, – очень пугает.

– Дежурный монах обыскал все помещения. Ни Мейлера, ни Виолетты не нашли.

– А, монах, – проговорила баронесса Ван дер Вегель, и абсолютно ничего нельзя было извлечь из этой реплики. – Возможно. Да. Может, и так.

– Интересно, – зашел с другой стороны Аллейн, – говорил ли вам кто-нибудь, что вы похожи на этрусков?

– Я? Я голландка. Мы голландцы, мой муж и я.

– Я имел в виду, если вы меня простите, вашу внешность. Вы поразительно похожи на пару на том прекрасном саркофаге на Вилле Джулия.

– Семья моего мужа – очень старая голландская семья, – объявила она, нисколько не желая, по-видимому, осадить Аллейна, а просто продолжая констатировать факт.

Аллейн подумал, что тоже может развить эту нейтральную тему.

– Уверен, вас не обидят мои слова, – сказал он, – потому что та пара очень привлекательна. Они демонстрируют то сильное супружеское сходство, которое говорит и о полном их согласии.

Баронесса никак на это не отреагировала, если только не считать ответом ее следующую фразу.

– Мы состоим в отдаленном родстве, – сказала она. – На самом деле по женской линии мы приходим из семейства Виттельбахов. Меня зовут Матильда Якобеа в честь знаменитой графини. Но все равно то, что вы говорите, странно. Мой муж считает, что наша семья берет свое начало в Этрурии. Поэтому, возможно, – игриво добавила она, – мы их далекие потомки. Он думает написать на эту тему книгу.

– Как интересно, – вежливо проговорил Аллейн и предпринял весьма виртуозный маневр с вращением. И почувствовал легкое раздражение, когда баронесса с безукоризненной легкостью его повторила.

– Да, – сказала она, подтверждая собственное заявление, – танцуете вы хорошо. Я получила большое удовольствие. Вернемся?

Они возвратились к ее мужу, который поцеловал баронессе руку и пристально посмотрел на нее, склонив набок голову. К ним подошли Грант и Софи. Джованни поинтересовался, готовы ли они ехать к себе, и, узнав, что готовы, вызвал второго водителя.

Аллейн посмотрел, как они уходят, а затем со смирением, присущим всем полицейским при исполнении служебных обязанностей, настроился на посещение «Берлоги Тони».

III

Слово «берлога», обнаружил он, в официальное название не входило. Это было просто «У Тони», и на фасаде имя не фигурировало. Вошли они через кованые ворота, которые открыл, после негромких переговоров с Джованни, привратник. Пересекли затем мощный внутренний двор и поднялись в лифте на пятый этаж. Джованни собрал с каждого из их компании по пятнадцать тысяч лир. Передал эти деньги кому-то, кто посмотрел через отверстие в стене. Тогда изнутри открылась следующая дверь, и постепенно им явились прелести «Берлоги Тони».

Они представляли собой все и более того, что можно было ожидать, весьма разнообразное и на любой вкус на предсказуемом уровне. Клиентов провели в абсолютно темное помещение и усадили на бархатные диваны, шедшие вдоль стен. Сколько там находилось человек, определить не представлялось возможным, но огоньки сигарет вспыхивали во множестве мест, и комната была заполнена дымом. Компания Джованни прибыла, видимо, последней. Кто-то с маленьким фонариком, светившим голубым светом, провел их на предназначенные им места. Аллейн ухитрился сесть рядом с дверью. Чей-то голос пробормотал: «Косячок, синьор?» – и в свете фонарика продемонстрировал коробочку с единственной сигаретой. Периодически слышалось чье-то бормотание, и часто кто-то хихикал.

Психоделическое шоу представил сам Тони, снизу подсвечивая лицо фонариком. Это был вкрадчивый мужчина, одетый, кажется, в атлас с растительным узором. Он объявил по-итальянски, а затем, запинаясь, по-английски. Шоу называется, сказал он, «Стрэнное различие».

Центральную часть комнаты затопил розовато-лиловый свет, и шоу началось.

Аллейн не склонен был к субъективным замечаниям о полицейской работе в полевых условиях, но в отчете, который он впоследствии составил по этому делу, назвал «Странное развлечение» Тони «мерзким», а поскольку более подробного описания не требовалось, он его и не дал.

Представление еще не закончилось, когда Аллейн нащупал за бархатной шторой дверную ручку и выскользнул из комнаты.

Впустивший их привратник находился в прихожей. Он был рослым, крупным и мрачным и лежал в кресле, стоявшем напротив двери. Увидев Аллейна, мужчина не удивился. Можно было предположить, что расстройство желудка не было «У Тони» чем-то необычным.

– Вы желаете уйти, синьор? – спросил он по-итальянски и показал на дверь. – Вы идти? – добавил он на примитивном английском.

– Нет, – по-итальянски ответил Аллейн. – Нет, спасибо. Я ищу синьора Мейлера. – Он посмотрел на свои дрожащие руки и сунул их в карманы.

Мужчина спустил ноги на пол, очень внимательно посмотрел на Аллейна и встал.

– Его здесь нет, – сказал он.

Аллейн вытащил руку из кармана брюк и рассеянно посмотрел на банкноту достоинством в пятьдесят тысяч лир. Привратник кашлянул.

– Сегодня вечером синьора Мейлера здесь нет, – сказал он. – Сожалею.

– Плохо, – отозвался Аллейн. – Я очень удивлен. Мы должны были встретиться. У меня с ним договоренность, договоренность об особом размещении. Вы понимаете?

Он широко зевнул и высморкался.

Наблюдавший за ним привратник выждал несколько секунд.

– Возможно, он задерживается, – предположил он. – Я могу поговорить от вашего имени с синьором Тони. Я могу устроить это размещение, синьор.

– Возможно, синьор Мейлер придет. Возможно, я немного подожду.

Он снова зевнул.

– В этом нет необходимости. Я могу обо всем договориться.

– Вы даже не знаете...

– Вам стоит только сказать, синьор. Все что угодно!

Привратник сообщил подробности. Аллейн изобразил беспокойство и неудовольствие.

– Все это очень хорошо, – проговорил он. – Но я желаю видеть хозяина. Это же договоренность.

Аллейн ждал возражений на слово «хозяин», но их не последовало. Привратник начал умасливать его. Он сладко бормотал и утешал. Он видит, повторял он, что Аллейн расстроен. Что ему нужно? Возможно, Г. и К.? И снаряжение? Он может немедленно все обеспечить, и симпатичный диванчик в уединенном месте. Или, возможно, он предпочитает получить свое удовольствие у себя дома?

Через минуту или две Аллейн догадался, что этот человек действует сам по себе и не собирается идти к Тони за предлагаемым кокаином или героином. Возможно, он приворовывал из имеющихся запасов. И сам демонстрировал симптомы ломки. Пятидесятитысячная банкнота дрожала в его руке; он зевал, сморкался и вытирал шею и лоб. Аллейн изобразил недоверие. Откуда ему знать, что товар у привратника хорошего качества? Поставки мистера Мейлера наивысшего качества – не подделка, чистые. Насколько он знает, мистер Мейлер напрямую импортирует с Ближнего Востока. Откуда ему знать?..

Привратник немедленно ответил, что продаст наркотики из запасов мистера Мейлера, который и в самом деле является важной фигурой в этой сфере. И начал проявлять нетерпение.

– Через минуту, синьор, будет уже поздно. Представление закончится. Это правда, что гости Тони перейдут в другие комнаты и к другим развлечениям. Откровенно говоря, синьор, они не получают такого обслуживания, какое могу предоставить я.

– Вы гарантируете, что это из запасов мистера Мейлера?

– Я же сказал, синьор.

Аллейн согласился. Мужчина ушел в комнатку по соседству с прихожей, которая, видимо, была его кабинетом. Аллейн услышал, как повернулся ключ. Задвинули ящик. Привратник вернулся в запечатанным пакетиком, аккуратно завернутым в блестящую синюю бумагу. Цена была заоблачная: примерно на тридцать процентов выше, чем на черном рынке в Британии. Аллейн расплатился и возбужденно сказал, что хочет уйти немедленно. Мужчина открыл дверь, отвез его вниз на лифте и выпустил на улицу.

В переулке стоял автомобиль, за рулем крепко спал заместитель Джованни. Аллейн заключил, что Джованни целиком занят где-то в другом месте.

Он дошел до угла, отыскал название основной улицы – Виа Альдо – и определил свое местонахождение. Вернулся к машине, разбудил водителя и был доставлен в отель. Ради водителя Аллейн продолжал симулировать симптомы ломки, кое-как отыскал деньги и наконец дрожащей рукой дал чрезмерно щедрые чаевые.

После «Берлоги Тони» вестибюль отеля можно было сравнить с австрийским Тиролем, такими здоровыми показались его тишина, сдержанная роскошь, нежно журчавшие фонтаны и безлюдность. Аллейн поднялся к себе в номер, принял ванну и несколько минут про-

стоял на маленьком балконе, глядя на Рим. Небо слабо бледнело на востоке. В тех церквях, запертых, словно массивные крышки над древней преисподней, вскоре затеплят свечи для первых служб дня. Возможно, послушник в Сан-Томмазо в Палларии уже проснулся и готов пройти, шлепая сандалиями, по пустынным улицам, неся в кармане рясы ключ от этой преисподней.

Аллейн запер сигарету и пакетик с кокаином и героином в кейс и, приказав себе проснуться в семь часов, лег спать.

IV

Чуть раньше той ночью Барнаби Грант и Софи Джейсон тоже смотрели на Рим с крыши пансиона «Галлико».

– Еще не очень поздно, – предложил перед тем Грант. – Поднимемся на пару минут на крышу? Хотите выпить?

– Алкоголя я больше не хочу, спасибо, – ответила Софи.

– У меня есть апельсины. Можем их выжать и добавить холодной воды, хотите? Принесите свой стаканчик для зубной щетки.

В садике на крыше пахло ночными цветами, политой землей и папоротником. Приготовив апельсиновый напиток, они показывали друг другу силуэты Рима на фоне неба и очень тихо, из-за выходявших в садик комнат, переговаривались. От этого их беседа казалась заговорщицкой.

– Жаль, что у меня номер не здесь, – сказала Софи.

– А у меня был, когда я жил здесь в последний раз, вон тот, с французскими окнами.

– Как мило.

– Думаю... да.

– Вам он не понравился?

– В тот раз случилось кое-что довольно неприятное.

Если бы Софи спросила «что» или вообще проявила любопытство в любой форме, Грант, вероятно, отделался бы от нее несколькими туманными фразами, но девушка промолчала. Она смотрела на Рим и отхлебывала разбавленный сок.

– Вы обладаете даром Вергилия, Софи.

– И каким же это?

– Даром милосердного молчания.

Она не ответила, и внезапно он поймал себя на том, что рассказывает Софи о грозовом утре на пьяцца Колонна и потере рукописи. Она слушала с ужасом, прижав пальцы к губам.

– «Саймон», – прошептала она. – Вы потеряли «Саймона»? – И потом: – Ну... вы, очевидно, получили его назад.

– Через три жарких, как в аду, дня, проведенных в основном в этом садике на крыше. Да. Я получил его назад. – Он отвернулся и сел на один из кованых стульчиков. – Фактически вот за этим самым столом, – невнятно проговорил он.

– Удивительно, что вы можете об этом рассказывать.

– Вы не спрашиваете, как я получил его назад.

– Ну... и как же?

– Его принес сюда... Мейлер.

– Мейлер? Вы сказали «Мейлер»? Себастьян Мейлер?

– Совершенно верно. Сядьте рядом. Прощу вас.

Она заняла другой стул за его столиком, словно, мелькнула мысль, в ожидании официанта с завтраком.

– В чем дело? – спросила она. – Вас что-то тревожит? Хотите об этом поговорить?

– Полагаю, я должен. По крайней мере, об этом. Поверите ли мне вы, если я скажу вам, что в настоящий момент почти жалею, что он вернул роман?

Помолчав, Софи произнесла:

– Если вы так говорите, я вам верю, но это чудовищная мысль. Для вас жалеть, что его нашел Мейлер... да. Это я могу представить.

– И я нисколько не кривлю душой. Вы слишком молоды, чтобы помнить выход моей первой книги. Вы, разумеется, были ребенком.

– «Аквариуса»? Ну, мне было лет четырнадцать, кажется. Я прочла его взахлеб.

– Но потом. Когда вы пришли в «Костер пресс»? Вы слышали о... скандале? Ну, разве не слышали? Вы не можете сказать, что его по-прежнему не мусолят в тех благородных сферах.

– Да, – призналась Софи. – Я что-то слышала про совпадение.

– Что-то про «совпадение»? В самом деле, боже! И вы поверили, что я мог в точности в деталях воспроизвести главную тему книги, которую никогда не читал?

– Конечно. Таково общее мнение в «Костер пресс».

– Двенадцать добропорядочных, черт бы их побрал, присяжных были другого мнения.

– Но ведь ущерб был формальный, не так ли? Существует длинный список доказанных литературных совпадений. Я пишу детские книги. В прошлом году я обнаружила, что украла целую сюжетную линию из «Часов с кукушкой» миссис Моулзворт. Вообще-то это не было совпадением. Когда мне было шесть лет, бабушка читала мне ее. Видимо, она отложила у меня в подсознании и вылезла без моего ведома. Но я клянусь, что не знала об этом.

– Что вы сделали, когда узнали?

– Избавилась от этой линии. Как раз вовремя.

– Вам повезло.

– Неужели до сих пор так больно?

– Да, – ответил Грант. – Да, моя девочка, больно.

– Ну, почему? Потому что люди по-прежнему могут подозревать вас в плагиате?

– Думаю, так... да. Вся эта история – кошмар.

– Я вам сочувствую, – прошептала Софи. – Это так ужасно для вас. Но я не совсем понимаю...

– Какое это имеет отношение к данной книге... и к Мейлеру?

– Да.

– Неужели мы впервые встретились вчера днем в половине четвертого? – проговорил Грант.

– Нас бросило друг к другу. Как людей на кораблях, – ответила Софи, но практичность ее объяснения была сведена на нет вынужденным шепотом девушки.

– Мейлер держал у себя рукопись три дня.

– Почему?

– Он говорит, потому, что отключился. Из-за кокаина. В подтверждение он показал мне руку. Я ни на секунду ему не поверил.

– Он ждал, что предложат вознаграждение?

– Он бы его не взял.

– Поразительно! – сказала Софи.

– Я так не думаю. Я не думаю, что он наркоман. Мне кажется, что он торгует наркотиками по-крупному, а такие люди никогда сами их не употребляют. Он повез меня туда, куда они поехали сегодня ночью. К Тони. Это шикарно обставленное заведение для любителей героина, где можно и переночевать. Товар на любой вкус. Это возмутительно. О чем я думал!

– Вы собирались рассказать... – напомнила Софи.

– Почему он ждал три дня. Потому что столько ему потребовалось, чтобы состряпать повесть на тему, проскальзывающую в «Саймоне». Он попросил меня прочесть ее и дать отзыв. Теперь я совершенно уверен, что он вскрыл мой кейс, прочел рукопись и целенаправленно сочинил свой опус. Там присутствовали все характерные черты, только я был слишком глуп, чтобы их заметить. Я дал свой отзыв и указал, как на забавное совпадение, на сходство. Мы были в ресторане, и он сказал об этом каким-то своим друзьям. Позднее, в тот проклятый вечер, он сказал и другим людям. Раздул из этого целую историю.

Грант замолчал. Запоздалый конный экипаж процокал по улице под их садиком. Где-то совсем вдалеке полилась итальянская речь, дополняемая свистом, смехом и отрывком песни. На площади Навона водитель переключил скорости и нажал на газ.

– Кажется, я начинаю понимать, – проговорила Софи, – почему вы миритесь с... сегодняшним днем.

– Начинаете понимать! – взорвался он. – Да, вы начинаете понимать. Вы еще и полновины не слышали, но, ей-богу, вы действительно начинаете понимать.

Он с треском ударил кулаками по столу, и их кружки для зубных щеток звякнули друг о друга.

– Прошу прощения, – раздался за французским окном пронзительный женский голос, – но не слишком ли многого я хочу, когда прошу чуточку элементарной любезности и вежливости? – И добавил в приступе гнева: – Если вы не можете разговаривать тихо, заткнитесь и проваливайтесь!

V

Утро было уже в самом разгаре, когда Джованни и Кеннет Дорн с леди Брейсли, подпираемой с боков и поддерживаемой под мышки и не столько ведомой, сколько несомой, пересекли вестибюль отеля и вошли в лифт.

Черноглазые уборщицы переглянулись с ночным портье, который собирался сдавать дежурство. Мужчина с пылесосом наблюдал за их проходом до лифта, а потом вошел вместе с ними и, повернувшись спиной и отводя взгляд, довез до нужного этажа. Завидя их приближение, горничная открыла дверь в номер люкс и поспешила прочь.

Леди Брейсли усадили в кресло.

Кеннет пошарил в карманах, ища бумажник.

– Вы уверены, точно? – обратился он к Джованни. – Все будет нормально. В смысле... вы понимаете?..

Джованни, с проступившей на подбородке и скулах щетиной, а в остальном выглядевший безупречно, сказал:

– Совершенно уверен, синьор. Синьор Мейлер полностью мне доверяет.

– Да... но... понимаете? Эта история с... ну, с полицией... он что?..

– Я с радостью все улажу.

Они оба посмотрели на леди Брейсли.

– Придется подождать, – сказал Кеннет. – Все будет в порядке, я обещаю. Позже. Скажем, сегодня днем, когда она... понимаете?

– Как только возможно. Задержка нежелательна.

– Хорошо. Хорошо. Я понимаю. Но... вы же видите сами, Джованни.

– Синьор, я уже понял.

– Да. Ну а пока... вот.

– Вы очень добры, – сказал Джованни, с бесконечным апломбом беря свои грязные деньги. – Я вернусь в два тридцать, синьор. Arrivederci.

Оставшись один, Кеннет прижал ко рту кулак, прикусив костяшки пальцев, посмотрел на свою тетку и всхлипнул без слез. Затем вызвал ее горничную и ушел в свой номер.

VI

– Ты повеселилась, моя любимая? – на родном языке спросил барон свою жену, когда они готовились лечь спать.

– Очень. Тот высокий англичанин хороший танцор и явно человек нерядовой. Он, как говорят англичане, «высмеивал» меня за то, что я не собираюсь в то, другое место. Чтобы позаботиться о нем, сказал он. Он заигрывал со мной.

– Я ревную.

– Вот и хорошо. Я почти жалею, что мы туда не поехали.

– Теперь уже ты дразнишь меня, моя любовь. Просто невозможно, чтобы я повез тебя в подобное место, Матильда. Ты была бы оскорблена. Мне странно, что этот человек, Аллейн, это предлагал.

– Он подшучивал надо мной, дорогой.

– Он не имел права шутить на эту тему.

Баронесса повернулась спиной к мужу, который ловко расстегнул «молнию» на платье и наградил жену ласковым, легким шлепком.

– Какое огромное облегчение, Геррит, – сказала она. – Я не смею в это верить. Расскажи мне в подробностях, что произошло.

– По сути... ничего. Как ты знаешь, я надеялся договориться. Я пришел в назначенное время в назначенное место. А он не пришел. Это очень странно.

– И хотя бы на время мы свободны от нашей тревоги?

– Думаю, мы совершенно свободны, дорогая. Думаю, мы никогда больше не увидим этого Мейлера.

– Нет?

– У меня такое чувство, что у него проблемы с полицией. Возможно, его узнали. Возможно, та женщина, которая ему угрожала, имеет над ним какую-то власть. Я уверен, что он сбежал. Он больше нас не побеспокоит, бедная моя любовь.

– А наша тайна... наша тайна, Геррит?

– Останется нашей тайной.

Быстрая улыбка тронула губы барона. Он открыл глаза и наклонил голову набок.

– А что касается нашей финансовой катастрофы, – проговорил он. – Ее больше нет. Смотри.

Он открыл сервант, достал оттуда большую сумку, в которой носил свое фотооборудование, отомкнул ее и продемонстрировал большой запечатанный пакет.

– Сколько сил потребовалось, – сказал он, – чтобы собрать все это. И теперь... вернуться в Женеву и снова положить под замок. Какой фарс!

– Какой фарс, – послушно откликнулась баронесса.

Он убрал сумку, запер сервант, повернулся и широко раскинул руки.

– Итак, – проговорил он. – А теперь!.. Иди ко мне, моя любимая!

VII

Майор Свит последним из всей компании вернулся к себе в гостиницу. До номера его довел второй водитель. Майор пребывал в похолодевшем состоянии – он и не отключался, и не приходил в полное сознание. Водитель долго наблюдал, как он с огромным тру-

дом доставал из кармана деньги, и не попытался скрыть досаду, когда получил более чем скромные чаевые.

Уже в одиночестве майор предпринял мучительные усилия, чтобы подобрать упавшие на ковер деньги. Из-за этого ему пришлось ползать, словно ботанику в поисках редкого растения.

Подобрав несколько монет и две банкноты, майор сел на пол, привалившись к кровати, с изумлением уставился на свою добычу, а потом неожиданно швырнул собранное через плечо.

Повернулся, забрался на кровать, повалился, стащил галстук и уснул.

Глава 6. Снова появляется продавщица открыток

I

В семь часов, повинаясь собственному приказу, Аллейн проснулся. Он заказал завтрак, принял ванну, побрился и приготовился начать день, когда из службы отеля ему позвонили и сообщили, что за ним приехал автомобиль.

Это был автомобиль комиссара полиции Вальдарно, и в нем, источая свою фирменную смесь меланхолии и приветливости, сидел он собственной персоной. Комиссар поздоровался с Аллейном и при этом ухитрился дать понять, какое потрясающее снисхождение оказывает ему своим присутствием. Аллейн понял, что комиссар давненько уже не вставал в такой час, давненько не принимал, ни в какой форме, участия в оперативных мероприятиях, если не считать августейшего рассмотрения материалов, предварительно отобранных его подчиненными.

Аллейн уже который раз выразил глубокую признательность.

Воздух был свеж, Рим сверкал, по улицам на утреннюю смену шли толпы рабочих. Сверху, на фоне великолепного голубого неба, взирали на них величественные мраморные фигуры с застывшими в благословляющих жестах руками. Амбиции сенаторов, цезарей и императоров не сдавали своих позиций во все еще возвышающихся памятниках. И нигде, думал Аллейн, это не проявляется с такой странностью, как в Сан-Томмазо в Палларии.

Когда они прибыли, их встретили трое из людей комиссара – *agenti de questura*³⁸, которых Аллейн посчитал равными констеблям, отец Дэнис и ризничий – брат Доминик, строгий мужчина, доставший из кармана рясы ключ от нижнего мира с таким видом, словно это был символ смертности.

С духовенством Вальдарно держался довольно высокомерно и отчужденно, но в то же время почтительно и не без любезности.

Отец Дэнис приветствовал Аллейна как старого друга.

– Это, вижу, снова вы, и ведь вы не рассказали, чем на самом деле занимаетесь. Мне, конечно, показалось, что в вас есть что-то еще помимо того, что видит глаз, и точно, мне говорят, что вы большой человек в Скотленд-Ярде.

– Я надеюсь, что это было невинное... умолчание, отец.

– А, ничего, – отозвался отец Дэнис с терпимостью, припасенной у него, как показалось Аллейну, для еретиков, – на сей раз мы вас простим. Так что же все это значит? Вы с комиссаром совершенно напрасно охотитесь за головой этого странного типа. Уверен, что он прошмыгнул мимо нас и был таков.

– Вы убеждены, что он прошмыгнул мимо вас, отец?

– А как иначе? Внизу его нет. – Он повернулся к Вальдарно. – Если вы готовы, синьор комиссар, мы можем начать.

В верхней базилике трудились уборщицы, и она, как большинству католических церквей, источала теплую атмосферу деловитости и готовности принять всех посетителей. Мессу уже отслужили, и небольшая группа старух и ранних рабочих покидала храм. Три женщины и мужчина молились на коленях перед разными святынями. Ризница была открыта. Священник, отправлявший службу, завершил ритуалы, которые надлежало выполнить после мессы, и собирался уйти. Они прошли дальше – в притвор и магазин. Брат Доминик открыл большую железную решетку и начал, вместе с Вальдарно, Аллейном и тремя

³⁸ Агенты полицейского управления (*итал.*).

полицейскими сопровождения, обыскивать эту преисподнюю. Отец Дэнис остался наверху, будучи, как он заметил, полностью убежден в отсутствии мистера Мейлера в подвальном уровне и имея дела в магазине.

Когда они спускались, брат Доминик включил флуоресцентное освещение, которое монахи использовали в обычные дни и при раскопках. Оно совершенно изменило атмосферу и характер нижнего мира, который превратился в музей без теней, с безжалостно выставленными напоказ экспонатами. Ничто не могло ослабить живости, красоты и странности этрусских терракотовых статуй, но они больше не смущали.

У начала переходов, которые все еще исследовались, лежали кучки мусора, были аккуратно сложены инструменты и веревки. Полицейские сунулись туда и вернулись, отряхивая колени и плечи. Брат Доминик наблюдал с неодобрением, сунув руки в рукава рясы. Комиссар Вальдарно не преминул сообщить Аллейну театральным шепотом, что это, бессорно, всего лишь рутинный обыск и они ничего не должны от него ждать.

Аллейн спросил, нет ли каких результатов от засады в квартире Мейлера, и узнал, что кто-то звонил сразу же после его собственного туда звонка, что тот мужчина был несколько взволнован, отказался назвать свое имя и звонил еще несколько раз, и это позволило проследить его номер. Он числился за «Джокондой». Без сомнения, Марко.

– А женщина – Виолетта?

Разумеется. Естественно, об этой женщине Виолетте они тоже навели справки. Надо признать, любопытно, но она не вернулась к себе, и до сих пор ее не нашли.

– Возможно, – предположил Вальдарно, – что они вместе.

– Вы так думаете?

– Наверняка не скажешь. Она может быть в этом замешана. Он мог сообщить ей о том, кто вы, и напугать настолько, что она пустилась в бег. Это всего лишь догадка, мой дорогой суперинтендант, и мне известны ваши взгляды. Я читал вашу книгу. Читал по-английски.

– Что ж, я нарушу правило и сам немного поразмышляю. Мне кажется, что есть еще одно возможное объяснение их двойного исчезновения.

– В самом деле? Прошу, поделитесь со мной.

Аллейн так и сделал. Уставившись перед собой, Вальдарно поглаживал свои роскошные усы. Когда Аллейн закончил, он устремил на него недоверчивый взгляд, а затем решил прибегнуть к игривому тону. Он погрозил Аллейну пальцем.

– Вы меня дурачите, – со смехом проговорил он.

– Нет, знаете ли.

– Нет? Ну что ж, – задумчиво произнес комиссар, – увидим. Однако я боюсь, – добавил он, по-товарищески хлопая его по плечу, – что мы не увидим... во всяком случае, ничего особенного.

Они с трудом двинулись дальше, то есть вниз. В церковь на втором уровне. К первому улыбающемуся Аполлону и высокой женщине с разбитым ребенком на руках, к белому Аполлону в короне из листьев, к Меркурию, позади которого так шаловливо спрятался барон Ван дер Вегель. Мужчины светили фонариками в укромные уголки и ниши. Аллейн осматривал их чуть более тщательно. За белым Аполлоном он обнаружил смятый кусок глянцевой синей бумаги, который подобрал и завернул в носовой платок под бдительным оком Вальдарно, которому добросовестно признался, зачем это делает. Позади Меркурия нашлась коробочка от непроявленной фотопленки, оставленная, несомненно, бароном Ван дер Вегелем, когда он разыграл свою шутку и до смерти напугал леди Брейсли.

И далее – до огражденного отверстия в полу в крытой галерее на втором уровне, где баронесса Ван дер Вегель вглядывалась в преисподнюю и где Софи Джейсон и Аллейн, тоже смотревшие вниз, видели тень женщины, которую приняли за Виолетту.

Аллейн напомнил об этом Вальдарно и пригласил встать на место Софи и сам смотрел через плечо комиссара. Освещения внизу не было, и смотрели они в пустоту.

– Видите, господин комиссар, мы смотрим прямо в отверстие колодца на нижнем уровне. А справа – край саркофага с резной крышкой. Думаю, вы можете его различить. Интересно... может один из ваших людей спуститься туда и включить обычное освещение? Или, возможно... – Он застенчиво повернулся к доминиканцу. – Хочу узнать, – сказал он, – вы не против спуститься вниз, брат Доминик? Нет? Вы с выключателями знакомы, а мы нет. Если бы можно было дать то же освещение, что вчера? И если бы вы были настолько добры, что прошли бы между источником света и колодцем. Мы были бы крайне признательны.

Брат Доминик так долго молчал, уставившись перед собой, что Аллейн подумал, не принял ли он обет молчания. Однако монах вдруг громко сказал:

– Я сделаю.

– Это очень любезно с вашей стороны. И – надеюсь, что я не прошу ничего недозволенного, – не накинете ли вы капюшон на голову?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.